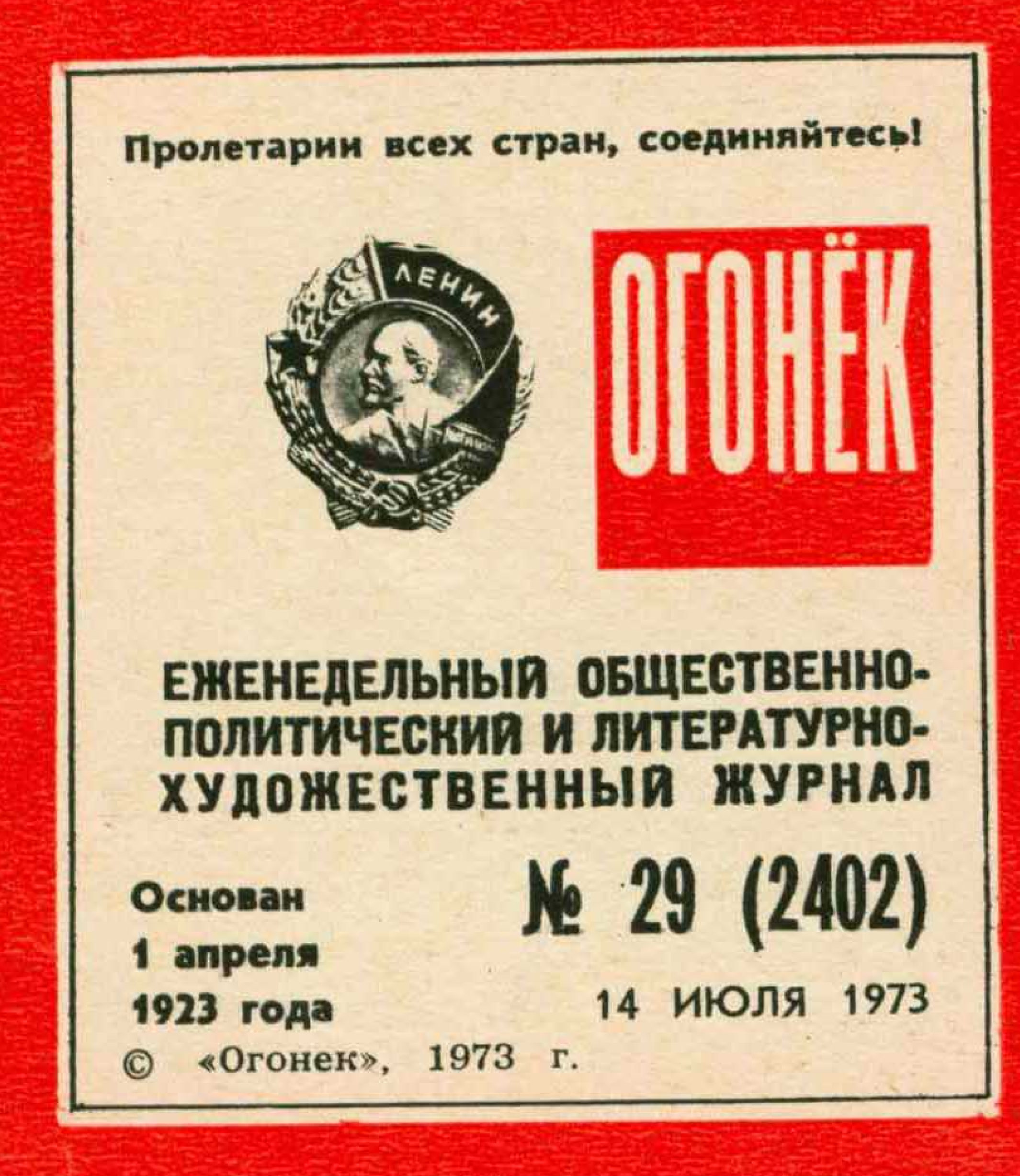
ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 29 ИЮЛЬ 1973

«МОЗГ КЛАССА,
ДЕЛО КЛАСС
СИЛА КЛ
СЛАВА
ВОТ Ч

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 29 (2402)

14 ИЮЛЯ 1973

А,
АССА,
КЛАССА –
ТО ТАКОЕ ПАРТИЯ»

В. МАЯКОВСКИЙ

ИЗ ПОЭМЫ «ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН»

Встреча на Внуковском аэродроме. Фото А. Гостева.

БРАТСКАЯ ВСТРЕЧА

Советские и вьетнамские руководители отвечают на приветствия москвичей.
Фото В. Мусаэльяна, В. Соболева (ТАСС).

По приглашению Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и правительства СССР 9 июля в Москву с официальным дружественным визитом прибыла делегация Партии трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ. Возглавляют делегацию Первый секретарь ЦК ПТВ Ле Зуан и член Политбюро ЦК ПТВ, Премьер-Министр правительства ДРВ Фам Ван Донг.

Во Внуковском аэропорту, украшенном государственными флагами ДРВ и СССР, посланцам героического вьетнамского народа была устроена торжественная встреча. Делегацию Партии трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ встречали товарищи Л. И. Брежнев, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, К. Ф. Катушев и другие официальные лица. Среди встречавших были член ЦК ПТВ, посол ДРВ в СССР Во Тхук Донг, входящий в состав делегации, и член ЦК ПТВ, министр труда ДРВ Нгуен Хыу Кхиеу.

Десятки тысяч москвичей вышли на улицы столицы, чтобы приветствовать посланцев героического вьетнамского народа. На всем пути — приветственные лозунги на русском и вьетнамском языках, флаги, цветы, аплодисменты. Советская столица горячо и сердечно встретила вьетнамских друзей.

10 июля в Кремле начались переговоры со-

Жители столицы встречают посланцев братского вьетнамского народа.

ветских руководителей с делегацией Партии трудящихся Вьетнама и правительства Демократической Республики Вьетнам.

В ходе переговоров, проходивших в атмосфере братской дружбы, полного взаимопонимания и сердечности, были рассмотрены актуальные, представляющие взаимный интерес международные проблемы, вопросы дальнейшего развития и углубления дружественных советско-вьетнамских отношений и сотрудничества в интересах строительства социализма в Демократической Республике Вьетнам и неукоснительного выполнения парижского соглашения по Вьетнаму.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР и правительство СССР 10 июля дали в Большом Кремлевском дворце завтрак в честь делегации Партии трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ.

К собравшимся с речью обратился Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев. Он сказал: «Советские люди всегда были вместе со своими вьетнамскими братьями. Оказание всесторонней поддержки и помощи в вашей борьбе за мир и социализм мы считали и считаем своим интернациональным долгом».

Советско-вьетнамские переговоры.

Фото А. Гостева.

После вручения ордена Н. В. Подгорному.

НЕРУШИМАЯ ДРУЖБА

Сердечный, братский прием был оказан на болгарской земле члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному, посетившему НРБ с официальным дружеским визитом по приглашению ЦК БКП, Государственного совета и правительства Народной Республики Болгарии.

Товарищ Н. В. Подгорный и сопровождающие его лица посетили Софию, Пловдив и Пловдивский округ, осмотрели промышленные предприятия, аграрно-промышленный комплекс, памятные исторические места, встречались с представителями трудящихся, с руководителями партийных, государственных и общественных организаций, ознакомились с жизнью и достижениями болгарского народа.

Между членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным и Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым состоялись переговоры, в ходе которых, как отмечается в Совместном советско-болгарском коммюнике, стороны обсудили широкий круг вопросов, касающихся советско-болгарских отношений и совместной деятельности стран социалистического содружества, а также некоторые актуальные проблемы современного международного положения.

4 июля в зале Государственного совета НРБ в торжественной обстановке были вручены высокие награды Болгарии Н. В. Подгорному и сопровождающим его лицам.

Под аплодисменты присутствующих Тодор Живков вручил Н. В. Подгорному высшую награду страны — орден Георгия Димитрова. В указе Государственного совета НРБ говорится, что Н. В. Подгорный награжден «за огромный вклад в укрепление болгаро-советской дружбы и развитие всесторонних отношений между НРБ и СССР, за активное участие в борьбе за мир и международное сотрудничество».

На следующий день во дворце «Враня» товарищ Н. В. Подгорный вручил орден Октябрьской Революции секретарю Болгарского земледельческого народного союза, первому заместителю Председателя Государственного совета, Председателю Национального совета Отечественного фронта НРБ Георгию Трайкову.

7 июля в Софии состоялся митинг трудящихся города по случаю пребывания в НРБ члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного.

Продолжительными аплодисментами присутствующие приветствовали появление в президиуме члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Государственного совета НРБ Т. Живкова и других товарищей.

Горячо встретили собравшиеся на митинге выступление товарища Н. В. Подгорного. «...Как не вспомнить поэтические строки: «Мы две державы, два народа, но сердце у двоих одно!», — сказал Н. В. Подгорный. — Это сердце — непоколебимое и вечное братство коммунистических партий Советского Союза и Болгарии, наше всепобеждающее учение — марксизм-ленинизм, наше общее великое дело коммунистического строительства!»

Митинг вылился в волнующую демонстрацию болгаро-советской дружбы.

8 июля член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Н. В. Подгорный возвратился из Софии в Москву.

Н. В. Подгорный и Т. Живков отвечают на приветствия жителей Софии. Фото Л. Портера (ТАСС)

АС-САУРА—ЭТО РЕВОЛЮЦИЯ

Николай ПАСТУХОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Солнце уже начинало скрываться за горой Касьюн, у подножия которой раскинулся живописный Дамаск. По городу на больших скоростях снова-ли во всех направлениях автомашины, по тротуарам плыли нескончаемые людские потоки. Разговаривали все. Громко и возбужденно.

Старожилы Дамаска мне пояснили, что так бывает всегда, когда в стране происходят важные события. Местные газеты в этот день опубликовали сообщение: через три дня в Сирии должны состояться большие общенациональные торжества по случаю перекрытия Евфрата, на которых будут присутствовать президент республики Хафез Асад и советская партийно-правительственная делегация, возглавляемая членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Вслушиваясь в эмоциональную арабскую речь прохожих, я четко стал выделять неоднократно повторявшееся слово: «Ас-Саура».

Слово «Ас-Саура» означает «революция». Жители Дамаска в этот вечер вспоминали день 8 марта 1963 года, когда страна встала на путь прогрессивных социальных преобразований и тесного сотрудничества с Советским Союзом, странами социалистического содружества. Жители Дамаска обсуждали опубликованный в этот день указ, согласно которому город Табка, где усилиями Сирии и СССР сооружаются плотина и гидроэлектростанция на реке Евфрат, отныне будет называться Ас-Саура — «Городом революции».

Товарищ А. П. Кириленко в канун отлета на евфратские торжества 4 июля посетил одно из предприятий государственного сектора Сирии — текстильный комбинат Хумасия, когда-то находившийся в частном владении, национализированный государством после революции 1963 года. Продукция этого комбината экспортируется в ряд стран, в том числе и в СССР, Венгрию и на Кубу.

Товарищ А. П. Кириленко осматривал цехи комбината. Волнующе и трогательно проходили его встречи с рабочими. Они то и дело останавливали его, пожимали руку, провозглашали здравицы в честь Советского Союза, Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, своих советских братьев по классу, поздравляли высокого гостя с праздником перекрытия Евфрата.

Да, это был большой праздник Сирии! Сразу после окончания осмотра советской делегацией комбината Хумасия я отправился из Дамаска на автомашине к берегам Евфрата.

Ас-Саура утопал в иллюминации, по главному широкому проспекту в нарядных одеждах, с песнями гуляли покорители древнего Евфрата и среди них наши соотечественники, те, кто в свое время строил Братскую, Красноярскую, Кременчугскую, Каховскую и Саратовскую ГЭС и теперь щедро делился накопленным опытом с сирийским народом.

Утром 5 июля самолет с партийно-правительственной делегацией Советского Союза приземлился на аэродроме вблизи Ас-Саура. Толпы людей восторженно встречают советских гостей на всем пути их следования до командного пункта, расположившегося на правом берегу Евфрата в ста метрах от прорана.

С левого берега был виден огромный лозунг на арабском и русском, выложенный из белого камня по склону косогора: «Мы покорим тебя, Евфрат!» А над командным пунктом также на двух языках еще один лозунг: «Евфратский гидроузел — символ дружбы советского и сирийского народов».

По совместной команде президента Хафеза Асада, премьер-министра М. Аль-Айюби и члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко начинается перекрытие реки. Один за другим к прорану подходят советские самосвалы и сбрасывают в воду огромные бетонные пирамиды и кубы. Через 50 минут перекрытие завершается — и евфратская вода устремляется к зданию будущей ГЭС.

Президент САР Х. Асад и А. П. Кириленко наблюдают за перекрытием Евфрата.

Телефото В. Егорова (ТАСС).

Евфрат укрощен! С обоих берегов реки навстречу друг другу устремляются передовики строительства. В руках у них сирийские и советские флаги. Объятия. Здравицы. Волнующее рукопожатие Хафеза Асада и А. П. Кириленко...

Выступая на митинге в Ас-Сауре по случаю перекрытия Евфрата, президент Хафез Асад дал высокую оценку помощи, оказанной Советским Союзом Сирийской Арабской Республике в осуществлении этого грандиозного проекта.

Я подошел к присутствовавшему на торжествах в Ас-Сауре Генеральному секретарю ЦК Сирийской коммунистической партии товарищу Халеду Багдашу и попросил его дать оценку событию, ставшему центральным в жизни сирийского народа.

— Да,— сказал Халед Багдаш,— это очень большое и очень важное событие. Оно закладывает основы нашего будущего процветания и счастья, оно открывает пути движения нашей страны к социализму. Значение этого строительства имеет и другую сторону. Оно является мирным вкладом в нашу общую борьбу против международного империализма и сионизма.

Вернувшись из Ас-Сауры в Дамаск, я беседовал с людьми разных возрастов и профессий, разных религиозных убеждений. Мнение у них единое: перекрытие Евфрата — это великая победа, имеющая историческое значение. С чувством огромной теплоты они говорили о послании советских руководителей президенту и премьер-министру Сирии, называя его «добрым и воодушевляющим».

Дамаск — Ас-Саура, июль.
По телефону.

Министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Финляндии А. Карьялайнен.

В зале заседаний дома «Финляндия».

Фото А. Стужина (ТАСС).

ДУХ ХЕЛЬСИНКИ

На тонких спицах металлических флагштоков возле дома «Финляндия» в Хельсинки с 3 по 7 июля развевались флаги 33 европейских государств, США и Канады. Здесь проходило Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Что же было наиболее характерным для работы этого форума в целом?

Прежде всего деловая атмосфера. Совещание, как условились страны-участницы, должно пройти через три этапа. Каждый из них необходим и важен. В Хельсинки состоялась первая фаза, на уровне министров иностранных дел. При этом Советский Союз с самого начала показал себя сторонником того, чтобы работе совещания было придано правильное направление, чтобы оно велось в конструктивном духе и было проникнуто стремлением к взаимопониманию и сотрудничеству.

Уже с первого дня работы этого форума всем стало ясно, что советская делегация прибыла сюда с твердым желанием обеспечить его успех. И этот успех был достигнут.

Позиция Советского Союза по проблемам, связанным с обеспечением безопасности и мира в Европе, была изложена в речи министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, с которой он выступил в общей дискуссии. Он дал анализ международной обстановки в целом и в Европе в частности. При этом было отмечено, что весь ход событий за последние месяцы дает основания считать, что общеевропейское совещание начало свою работу в то время, когда международный климат заметно изменился к лучшему.

Глава советской делегации подчеркнул, что всей своей политикой Советский Союз стремится к тому, чтобы доверие и взаимопонимание позволили преодолеть разделение континента на военно-политические группировки. Однако никто не может закрывать глаза на то, что Европа все еще остается районом наибольшей концентрации самых различных видов оружия, в том числе и наиболее разрушительного. Поэтому определить совместными усилиями основы, на которых будут зиждиться европейская безопасность и сотрудничество, взаимоотношения между государствами в Европе, закрепить их в совместно принятых документах — все это означает поставить долговременные ориентиры мирного развития в Европе. В этом и должен заключаться, по мнению Советского Союза, главный политический смысл решений общеевропейского совещания.

Определив, таким образом, магистральную цель этого форума, Советский Союз сделал конкретное предложение о путях и методах ее достижения.

Советская делегация внесла на рассмотрение совещания проект Генеральной декларации об основах европейской безопасности и принципах отношений между государствами в Европе. В Декларации четко и конкретно соединены воедино основные положения и принципы европейской безопасности. Торжественное принятие совещанием этого документа имело бы важное международное значение. Оно означало бы, что выработан и взят к исполнению свод ключевых положений европейского мира, что все государства континента обязуются своими практическими действиями сохранять и укреплять мир.

Советские предложения вызва-

Советская делегация на второй Международной консультативной встрече по созыву Всемирного конгресса миролюбивых сил.

Фото В. Мастюкова (ТАСС).

ГОЛОС МИРОЛЮБИВЫХ СИЛ

С 7 по 9 июля в Москве в Колонном зале Дома союзов проходила вторая Международная консультативная встреча по созыву Всемирного конгресса миролюбивых сил. В ее работе участвовали представители более пятидесяти международных организаций, посланцы свыше семидесяти стран.

Встречу открыл депутат Верховного Совета СССР, председатель Советского комитета содействия Всемирному конгрессу миролюбивых сил М. В. Зимянин.

Генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Ромеш Чандра в своем выступлении отметил, что идеи проведения конгресса встречают все более широкую поддержку в странах всех континентов.

Участники встречи обсудили вопросы безопасности и разоружения, национальной независимости и сотрудничества. Приняты план дальнейшей подготовки к конгрессу, правила процедуры и распорядок конгресса. Образован международный подготовительный комитет. Председателем исполкома избран генеральный секретарь Всемирного Совета Мира Р. Чандра.

ли положительный отклик среди участников совещания. Многие министры иностранных дел отмечали конструктивность предложенного СССР проекта.

С конструктивными инициативами выступили на хельсинкской встрече и другие социалистические страны. Делегации ГДР и Венгрии представили проект совместного заявления совещания о развитии сотрудничества в области экономики, торговли, науки и техники, а также охраны окружающей среды. Проект документа по вопросам культурного сотрудничества, контактов и обмена информацией подготовлен болгарской и польской делегациями. Чехословацкая делегация внесла проект документа о Консультативном комитете по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе.

Реалистические суждения прозвучали в речах многих делегатов капиталистических стран.

Таким образом, взяв хороший старт, Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе прошло в исключительно деловой обстановке. Таково общее мнение делегатов, журналистов и наблюдателей — словом, всех, кто непосредственно участвовал в этом форуме и кто освещал его работу.

На наш взгляд, уже можно говорить о «духе Хельсинки», то есть о той благоприятной атмосфере, которая создалась на совещании. Причем эта атмосфера возникла отнюдь не сама по себе, а является логическим результатом совместных усилий всех государств-участников. Знаменательно, например, что уже на первом совещании были единодушно приняты заключительные рекомендации, выработанные на многосторонних консультациях. Этот факт свидетельствует о том, что путем обмена мнениями, путем переговоров и достижения взаимоприемлемых компромиссов все 35 государств сумели прийти к общему знаменателю по всем обсуждавшимся вопросам. Это не замедлило сказаться на дальнейшей работе совещания. Дело в том, что, несмотря на различия между государствами, несмотря на их разную идеологию и социальный строй, в данном конкретном случае они движутся в одном направлении. Иными словами, налицо коллективное стремление содействовать установлению в Европе прочного и устойчивого мира. Именно это и было стержнем всей работы европейского форума в Хельсинки.

По мнению глав делегаций многих государств, выступавших на совещании, решающим фактором успешной и целенаправленной его работы явился процесс общей разрядки международной напряженности, особенно в Европе. Причем важнейшую роль в деле углубления этого процесса сыграли недавние встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с канцлером В. Брандтом, Президентом США Р. Никсоном и Президентом Франции Ж. Помпиду.

Развитие добрых отношений СССР с целым рядом европейских стран, конкретная практика делового сотрудничества — все это представляет собой позитивный и полезный опыт, который в полной мере может быть учтен и в итоговых решениях совещания. Да, общеевропейскому совещанию есть на что опереться, чтобы закрепить поворот от «холодной войны» к миру. С трибуны Хельсинки вновь прозвучало одобрение и подтверждение принципа нерушимости границ. Как известно, этот принцип уже был закреплен на двусторонней основе в отношениях СССР с Францией, с США и рядом других стран. Он занимает ключевое положение в договорах между СССР и ФРГ, между Польшей и ФРГ, между двумя германскими государствами. И вот теперь Советский Союз, исходя из уже имеющегося опыта, предлагает принять его всем государствам Европы, что нашло отражение в советском проекте Генеральной декларации. В целом это означает переход от двусторонней к многосторонней разрядке в масштабе всей Европы.

По мнению всех участников совещания в Хельсинки, достигнутые уже результаты на первой его стадии вселяют оптимизм и уверенность. В заявлении, сделанном для советских журналистов, министр иностранных дел А. А. Громыко сказал: «Мы теперь хорошо знаем позиции всех других государств — участников совещания, а они знают нашу позицию. Таким образом, заложена хорошая, солидная основа для работы в будущем. Мы относим себя к оптимистам. Это, конечно, не значит, что впредь до завершения совещания мы будем идти по гладкой, асфальтированной дороге. Каждое из государств-участников предложило в ходе первого этапа что-то свое, и предстоит еще немало дискуссий, чтобы выработать единый документ. Но превалирующая тенденция — в пользу разрядки, а не в пользу напряженности».

Мы беседовали с некоторыми участниками этого совещания. Так, в ответ на наш вопрос министр иностранных дел ФРГ В. Шеель следующим образом охарактеризовал итоги первого этапа общеевропейского форума: «Атмосфера, которая царила в зале, внушает надежды... Я убежден в том, что без решения вопросов безопасности не может развиваться сотрудничество и во всех остальных областях — в области науки, техники, культуры и т. д.»

Министр иностранных дел Франции М. Жобер заявил в беседе с нами: «Тот факт, что совещание прошло так, как это было запланировано, является весьма обнадеживающим. Что касается франко-советского двустороннего сотрудничества, то оно уже достигло взрослого возраста, тогда как многостороннее сотрудничество находится пока в начальной стадии».

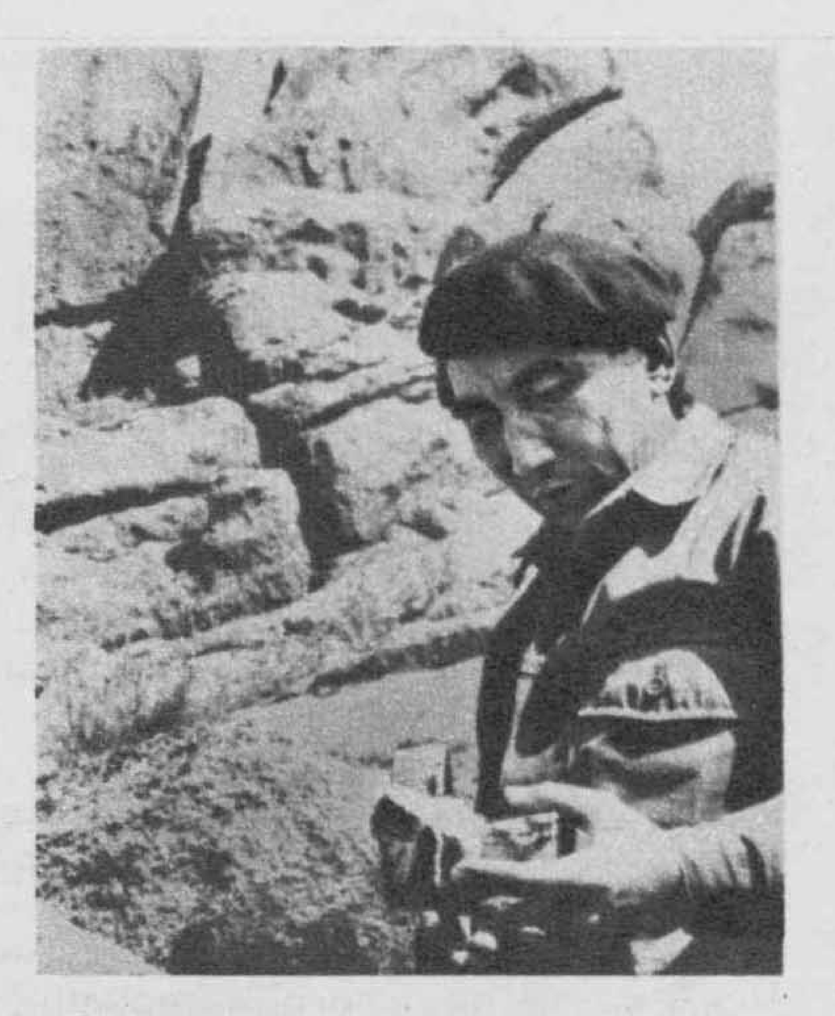
Таковы мнения и убеждения участников общеевропейского совещания, позволяющие надеяться, что и две последующие его стадии также завершатся успешно и плодотворно. В коммюнике, принятом по завершении пятидневных дискуссий в Хельсинки, отмечается, в частности, что министры выразили решимость своих правительств содействовать успеху дальнейшей работы совещания. Итак, дел предстоит еще много. Предстоит потрудиться на благо народов Европы, а в конечном счете на благо всего человечества.

Владимир КАТИН,
Юрий СБИТНЕВ,
специальные корреспонденты «Огонька» и АПН

Хельсинки, по телефону.

11 ИЮЛЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ НАРОДНОЙ РЕВОЛЮЦИИ В МОНГОЛИИ

РОВЕСНИК РЕВОЛЮЦИИ

Лубсанданзан — директор Института геологии МНР.
Фото Д. Самдана.

Лубсанданзан, директор самого молодого института Академии наук МНР, — ровесник революции: родился в исторический для Монголии 1921 год.

Учился в начальной, потом в средней школе в Улан-Баторе. А когда при министерстве просвещения организовались двухгодичные курсы подготовки в советский вуз, пошел туда одним из первых. Он уже знал, что хочет стать именно геологом. И тут произошло событие, которое он запомнил на всю жизнь. Его вызвал к себе товарищ Цеденбал.

... Центральный Комитет Монгольской народно-революционной партии. Просторный кабинет. За столом двое — товарищ Цеденбал и худенький, застенчивый черноволосый юноша. Это Лубсанданзан. Волнуясь, он отвечает на вопросы. Разговор идет о родителях юноши, о том, где он жил, как учился. Постепенно волнение Лубсанданзана проходит, и юноша уже смелее делится с товарищем Цеденбалом своими мечтами, планами на будущее. Он понимает: чтобы их осуществить, надо учиться.

— Это хорошо, что вы понимаете, — говорит товарищ Цеденбал. И вдруг задает вопрос по физике, затем предлагает решить математическую задачу, затем перевести текст с русского на монгольский — словом, это был настоящий экзамен.

...Москва. Общежитие на Стромынке, так хорошо известное многим московским студентам. И лекции в университете.

— Я занимался в МГУ очень серьезно, честное слово, — рассказывает Лубсанданзан, — госэкзамены сдал на «отлично». Диплом защитил тоже на «отлично». Я писал его под руководством университетского профессора Ефрема Александровича Кузнецова.

Это было трудное и героическое время для Советского Союза. Шла Великая Отечественная война.

— Каждая копейка была на счету у государства, — говорит Лубсанданзан. — Везде висели лозунги: «Все для фронта, все для победы». И в это время государство тратило деньги (и немалые!) на студента из другой страны, учило меня, кормило, давало кров. Может ли такое забыться?

Через пять лет Лубсанданзан опять приезжает в Советский Союз, на этот раз в Ленинград, в аспирантуру, где вскоре защищает диссертацию.

Зачинателем геологического изучения Монголии был всемирно известный ученый, академик Обручев. Материалы его экспедиции заставили Лубсанданзана увлечься не просто романтикой геологии, а понять и полюбить ее как важнейшую из наук. И вот сын В. А. Обручева, тоже известный специалист в геологии, выступает оппонентом на защите кандидатской диссертации Лубсанданзана и дает весьма положительный отзыв о работе. Так из рук отца и сына Обручевых получает путевку в жизнь директор первого геологического института в Монголии.

Лубсанданзан показал мне лаборатории Института геологии, где он уже несколько лет работает директором.

Мне рассказывают, что при организации института огромную теоретическую и практическую помощь оказала Академия наук Советского Союза. Многие приборы присланы из СССР. Скоро в институте появится еще одна новинка — монгольские геологи собираются ввести радиоактивный метод определения возраста горных пород.

— Организация нашего института совпала с началом работы комплексной монголо-советской экспедиции, — говорит ученый, — куратором которой является талантливый геолог и отважный человек советский академик А. Яншин. Наша совместная работа получила высокую оценку, и решено продлить срок договора между академиями наук СССР и МНР, продолжить работу.

Появились первые тектонические карты Монголии — основа металлогенических, прогнозных карт, без которых не может существовать современный геологический поиск. Уже составлены прогнозные карты на важнейшие виды редких цветных металлов, выявлены перспективные участки поиска.

...Я слушаю ученого и думаю о том, что геология — это не только настоящее страны. В развитии геологии скрыты ключи к будущему республики, к ее новым свершениям.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

1893–1973

«КАК ЖИВОЙ С ЖИВЫМИ...»

Николай ТИХОНОВ

Без Маяковского невозможно представить себе существование советской поэзии, социалистической культуры. Он стал народным достоянием. Его известность давно перешагнула за рубежи Советского Союза.

Все было необычным в том явлении, которое носит имя ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ. Он был как будто специально создан для эпохи великой ломки человеческих отношений, для эпохи Великой Октябрьской социалистической революции. Такого соединения беспредельной творческой энергии, революционной страсти, неповторимого таланта, высокой идейности, социальной устремленности, духа изобретательства и новаторства, горячего патриотизма, ненависти к врагам революции и ко всем силам прошлого, интернациональной широты, лиричности и пафоса, сатиры и трагизма мы не найдем на всем протяжении истории мировой литературы.

Он был необычен уже своим, только ему свойственным построением стиха, многообразие которого позволило ему при огромных силах его таланта то восходить на высоту нового эпоса, создавая прекрасные поэмы, то нисходить до подписей к плакатам, сливать лирическое с грозной сатирой. Ничего подобного более естественного и удивительного мы не нашли бы в мировой истории. Он был рупором класса, который воспевал с беззаветной верностью.

Он отверг манеру поэтов прошлого — выступать в позе вдохновенного пиита, пышного декламатора, загадочной пифии или «чирикающего, как перепел». Перед слушателями появлялся богатырского вида, снимал пиджак, вешал его на спинку стула, как будто был мастером особого цеха, который сейчас приступит к работе. И он приступал, весь полный вдохновенной ярости, веселого вдохновения, уверенный, готовый к любой дискуссии, ошеломлявший громовым голосом, и не было никого, кто мог бы ответить ему на таком же высоком, богатейшем, удивительном стихе, с такой же ясной целенаправленностью. Уж если он нападал, удары его строки били бичом, со свистом резавшим воздух, если он восхвалял достижения революции или говорил о настоящих, больших чувствах, искренность его убеждающих строк доходила до самого неискушенного слушателя.

Кроме того, он видел «идущего через горы времени, которого не видит никто». Он видел будущее. Недаром он был головой выше многих и голос его был создан для площадей, улиц, цехов.

«Революцией мобилизованный и призванный», он все свои творческие силы отдавал великому делу строительства коммунизма.

В отличие от всех предшествующих поэтов XX века Маяковский широчайшую современность со всей сложностью ее политических и бытовых явлений ввел в поэзию с такой образностью и правдой, которые достигали самого большого впечатляющего воздействия. Современный человек, гражданин и поэт неотделимо действовали в произведениях самого разного содержания. Маяковский не закрывал достижения классической поэзии, но открывал новые горизонты. Веря в будущее всем сердцем, он знал, что его стих «громаду лет прорвет» и явится перед далекими потомками, потому что он нашел неповторимое воплощение слов, ритмов, рифм в своем стихе, который не может поколебать время.

Да, это был труд создания нового стиха, новой эпохи стиха, это был огромный рабочий процесс нахождения слов, обтесывания их, соединения и оживления в строках, иногда даже нелегко произносимых из-за внутренней взволнованности, из-за мощности и тяжести смысла, в них заложенного.

Он создал новую ритмику, новую службу рифмы, новую систему строф — смысловую, ударению придал он особую силу, дополнив ее богатой, многообразной интонацией.

Предвидя победу коммунизма, Маяковский, осматривая своих «страниц войска», обозревая сделанное, как полководец, готовый к новым битвам, удовлетворенно говорит:

И все
поверх зубов вооруженные войска,
что двадцать лет в победах
пролетали,
до самого
последнего листка
я отдаю тебе,
планеты пролетарий.

И оттого так выразительны рассказы в стихах о новостройках — «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка» или стихи об урожае. Поэт видит, как вырастут цеха металлургического комбината, город-сад:

Здесь
встанут
стройки
стенами.
Гудками,
пар,
сипи.
Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.

«Марш ударных бригад» соседствует с «Праздником урожая»:

Лейся
по селам
из области в область
слов
горящая лава:
урожай — сила,
урожай — доблесть,
урожай увеличившим
слава!

Поэтический охват стихов Маяковского огромен. Недаром он пишет:

Я —
равный товарищ
одной Федерации
грядущего мира Советов.

И если вы возьмете его поездки по Советскому Союзу, вы удивитесь, где только не звучали стихи поэта, перенося вместе с ним из Москвы в Казань, из Казани в Баку, из Тбилиси в Киев, из Ленинграда в Крым.

Его поэмы — такие, как «Облако в штанах», «Война и мир», «Про это» — носят своеобразный колорит времени, в каждой из них раздумье поэта о несовершенстве мира, мучительный вопрос о человеческом счастье на земле. В поэме «150 000 000» мы видим попытку создания поэмы-мифа, поэмы-сказания о борьбе двух миров. Эта поэма явилась предшественницей двух поэм, представляющих вершины в творчестве Маяковского.

К первой из них Маяковский готовился долго и взволнованно. В поэме «Владимир Ильич Ленин» он весь свой щедрый талант, весь свой поэтический арсенал мобилизовал для того, чтобы отразить в сложнейших и правдивейших образах правду революции, правду партии, правду о величайшем вожде трудящихся в ответственнейшую эпоху истории человечества.

И он справился с этой труднейшей задачей, отдав работе над ней всю силу своего сердца.

В поэме «Хорошо!» Маяковский с новой силой говорит о партии и народе, о времени и о себе. Поэма эта — подлинно новаторское явление.

Многообразие таланта Маяковского давало ему возможность выступать и в лирике, и в сатире, и в поэме, и даже в драме. Он высоко ценил свою работу в «Окнах РОСТА». Он вывел большую галерею отрицательных типов, беспощадно разоблаченных в его сатирических стихах.

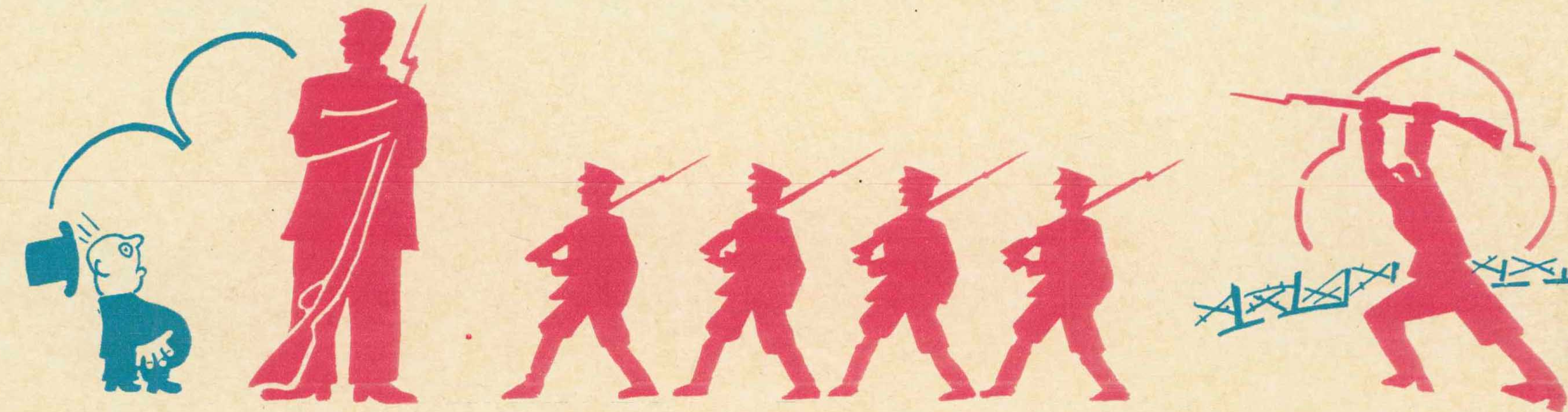
Очень внимательно относился он к молодежи. Недаром он постоянно сотрудничал в газете «Комсомольская правда», принося туда стихи

Государственный музей В. В. Маяковского. Комната, где жил и работал поэт в 1919—1930 годах.

Фото И. Тункеля.

Рабочий стол В. Маяковского.

не по заказу, а просто ощущая потребность высказаться по острым вопросам в газете комсомола.

Голос Владимира Маяковского, голос глашатая и агитатора, был услышан людьми всех континентов. Сегодня со всех концов света слышим мы слова, которые говорят о мировом признании Маяковского, о том, что он, как громадное историческое явление, давно начал оказывать свое влияние на идейно-эстетические взгляды многих талантливых революционных поэтов мира.

Мы видим, что творчество таких поэтов, как Назым Хикмет, Бехер, Вапцаров, Броневский, Нейман, Пабло Неруда, тесно сближено с творчеством Маяковского. Христо Радевский пишет: «Едва ли имеется в мире более или менее развитая прогрессивная и революционная поэзия, в которой не чувствовалось бы властное присутствие Маяковского».

Маяковский переведен на многие языки мира. В свое время американский критик Леонард Баллен в рецензии на сборник стихов Маяковского, вышедший в Англии, писал: «Эта первая объемистая антология самого популярного поэта Советского Союза, выпущенная в Англии, в особенности интересна для американских читателей, потому что нам неизвестен такой феномен, как поэт, являющийся фактически любимцем народа».

Австралийская писательница Катарина Сусанна Причард писала во время второй мировой войны: «С песнями и стихами Маяковского в мыслях народы Советского Союза сейчас идут и борются против гитлеризма и фашистского варварства. Может ли быть лучшим памятником поэту то, что его произведения всегда вдохновляют народы мира на защиту великих идеалов человеческой культуры и прогресса?»

Известный английский прогрессивный деятель, романист и поэт Джек Линдсей говорит о Маяковском: «Маяковский гигантская фигура, и с каждым годом он кажется нам все огромней. Я назвал его творчество неповторимым, но все же есть поэты, с которыми его можно сопоставить без особой натяжки. Я имею в виду поэтов Древней Греции — Архилоха и Аристофана. Можно легко представить себе Маяковского рядом с ними и чувствовать, что он среди своих...»

И поэт Рауль Гонсалес Туньон восклицает в своей поэме «Владимир Маяковский»:

И людям я скажу: не умер он,
Он вечно жив, его могучий пламень
Разлит во всем, и стих его гремит
В свершениях страны его великой,
В событьях жизни всех народов мира,
Ведущих революции бои!

Да, влияние творчества Маяковского растет с каждым новым революционным подъемом народов, борющихся за свою свободу и независимость, с ростом и укреплением их национальной поэзии.

Маяковский стал сегодня вождем революционных поэтов мира. Будь он жив, сколько он мог еще написать!

Я
в долгу
перед Бродвейской лампионией,
перед вами,
багдадские небеса,
перед Красной Армией,
перед вишнями Японии —
перед всем,
про что
не успел написать.

Живи он — он написал бы действительно нечто совсем удивительное. Залогом этому было его бессмертное вступление к поэме «Во весь голос». Он сказал в одном из своих стихотворений:

Я кажусь вам
академиком
с большим задом,
один, мол, я
жрец
поэзий непролазных.
А мне
в действительности
единственное надо —
чтоб больше поэтов
хороших
и разных.

Сейчас в советской литературе много поэтов «хороших и разных». Все, что добыто долгим поэтическим опытом Маяковского, существует у поэтов сегодняшнего дня. И его раскрепощенная рифма, и разговорная интонация стиха, и тема с «воза повседневности», и тема высокая, пафосная, и отказ от разделения низкого и высокого слова — все это существует, как и многие другие особенности поэтического наследия Маяковского.

И сегодня, чествуя великого поэта, мы приветствуем пламенное творчество Маяковского и видим, как растет и все шире раскрывается оно, и повторяем его животворящий стих:

Жизнь прекрасна
и
удивительна.
Лет до ста
расти
нам
без старости.
Год от года
расти
нашей бодрости.
Славьте,
молот
и стих,
землю молодости.

Владимир Маяковский. Фото 1929 г.

В. Маяковский в редакции «Известий».

ИСТОКИ

В. МАКАРОВ,
директор Государственного
музея В. В. Маяковского

В 1893 году, в год рождения Маяковского, Фридрих Энгельс в предисловии к итальянскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» писал: «Теперь... наступает новая историческая эра. Даст ли нам Италия нового Данте, который запечатлеет час рождения этой новой, пролетарской эры?»

Эпохального художника, страстного глашатая новой исторической эры дала Россия, куда в конце прошлого века переместился центр мирового революционного движения.

Когда Маяковскому исполнилось десять лет, в России возникла пролетарская партия нового типа, партия большевиков, великая ленинская партия. «Большевизм существует, как течение политической мысли и как политическая партия, с 1903 года»,— писал Ленин.

Октябрьская социалистическая революция, ее величие и сила получили самое яркое поэтическое выражение в Маяковском.

Историческое, политическое, идейно-теоретическое возвышение пролетариата — атакующего класса, его авангардная роль в великом социальном переустройстве общества — все это нашло неповторимое выражение в поэтической практике полпреда социалистической революции в поэзии.

Главная причина небывалой и все растущей поэтической славы Маяковского в том, что в его творчестве, говоря словами А. Фадеева, «впервые в истории мировой поэзии соединились вместе, слились воедино поэзия и коммунизм».

Именно в революции, в борьбе рабочего класса видел Маяковский родное, кровное дело своей поэзии.

> Фарами фирмы марксовой
> авто диалектики врезалось в года.
> Будущее рассеивало мрак свой,—

писал он и страстно призывал:

> Идите все
> от Маркса до Ильича вы,
> все,
> от кого в века лучи.
> Вами выученный,
> миры величавые
> вижу —
> любой приходи и учись!

«Я марксист»,— пишет о себе Маяковский в «Пятом Интернационале». И эти слова очень точно характеризуют Маяковского-художника.

> В марксову диалектику
> стосильные
> поэтические моторы ставлю.
> Смотрите —
> ряды грядущих лет текут.

Неизгладимое впечатление оставило в сознании юноши Маяковского чтение «Манифеста Коммунистической партии».

«Знакомство с этой книгой считалось непременным для людей, интересующихся политикой,— рассказывает старшая сестра поэта, Л. В. Маяковская, учившаяся в 1905 году в Москве.— Вот почему летом, перед отъездом на каникулы в Багдади, я взяла с собой много брошюр социалистического содержания... Среди этих брошюр была тоненькая брошюра К. Маркса, Ф. Энгельса «Капитализм и коммунизм», изданная... в Москве в 1905 году. Сейчас мало кто знает, что это был классический труд К. Маркса и Ф. Энгельса «Манифест Коммунистической партии»... Хотя «Манифест» был несколько приспособлен для легального чтения.., все же эту брошюру читали с опаской. Читали и я, Оля и Володя. Я... как это делала обычно, читала «Манифест» вслух маме. Володя и Оля изучали «Манифест» самостоятельно... Кроме того, не надо забывать о том, что мой брат и сестра систематически занимались в нелегальном марксистском кружке...

Я хорошо помню, что в этих кружках изучали «Манифест Коммунистической партии», горячо спорили о будущем. Нам казалось, что, как только совершится революция, все тотчас изменится в соответствии с «Манифестом». Все его положения мы считали для себя обязательными...

В 1908 году в Москве Володя вступает в РСДРП(б). Ветераны партии знают, что «Манифест Коммунистической партии» был главной, или, как сейчас говорят, настольной книгой партийной молодежи...

«Облако в штанах», несомненно, озарено не только опытом жизни, но и основными теоретическими положениями «Манифеста Коммунистической партии»... Естественно, при написании «Облака» Маяковский использовал и другую социальную и марксистскую литературу и лучшие традиции русской классической и мировой литературы. Достаточно сказать, что Маяковский читал и А. Бебеля («Женщина и социализм», «Социализация общества»). Пролетарский гимн «Интернационал» он знал по Кутаису. Его перевел на грузинский язык А. Церетели в 1905 году...

Мы, захлебываясь, читали «Манифест». И часто, споря о будущем, не знали, сами мы это придумывали или где-то читали. Так органически входили основные положения марксизма. Это была молодость не только наша, но и молодость революции. Шла первая гроза над Россией, которая в 1917, в Октябре, окончилась победой».

Главная магистраль Маяковского-новатора, начавшаяся с желания «делать социалистическое искусство», проходила через ощущение необходимости органического слияния поэзии с коммунизмом, а затем привела поэта к твердому убеждению, что «только в спайке с рабочей революцией — расцвет искусства будущего». Классовый подход ко всем явлениям жизни и искусства был основополагающим критерием новаторской эстетики Маяковского:

> И песня,
> и стих —
> это бомба и знамя,
> и голос певца
> подымает класс...

Маяковский считал, что у художника «нет задач, которые не существуют у всего Советского Союза, у политической партии», а поэтому писатели «должны работать под руководством коммунистических пролетарских кругов, всяческим образом должны связываться с массами».

Секрет бессмертия поэта заключается в том, что в своих произведениях Маяковский отразил широчайший размах пролетарского освободительного движения, ведущую роль русского рабочего класса как вождя всех революционных сил.

Главное, в чем велик и един Маяковский для всех поколений советского народа,— в неизменном следовании принципам коммунистической партийности, воинствующего гуманизма, пролетарского интернационализма и социалистической народности.

В своем автобиографическом очерке «Я сам» Маяковский, вспоминая круг чтения в 1907 году, писал: «Помню отчетливо синенькую ленинскую «Две тактики».

В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин указывал на необходимость руководителям революционных партий шире и смелее ставить свои задачи, «чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе».

Своим поэтическим словом Маяковский, как маяк революции, показывал «самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе».

Великий создатель новой русской поэтической речи, который «единого слова ради» изводил «тысячи тонн словесной руды», заявил, что поэзия — это «путь к социализму». Быть поэтом сегодня, по мнению Маяковского, означает «подчинить всю свою литературную деятельность публицистическим, пропагандистским, активным задачам строящегося коммунизма». Вместе с Горьким он был величайшим пропагандистом, трибуном бессмертных идей ленинизма.

> Энтузиазм,
> разрастайся и длись
> фабричным
> сиянием радужным.
> Сейчас
> подымается социализм
> живым,
> настоящим,
> правдошним.

Исследуя деятельность поэта, относящуюся к его реформе русского стиха, нельзя не обратить внимания на назойливо звучащую в работах буржуазных исследователей мысль о «неразрывной» связи Маяковского и футуристов, о зависимости якобы всего его поэтического новаторства от футуристических «открытий». Советские ученые в ряде своих работ убедительно доказали, что поэтическая система раннего Маяковского, отмеченная печатью новаторства большого самобытного художника, покоится не на «открытиях» футуристов, а на лучших традициях русской поэтической школы. Даже по словам самих футуристов, первая поэма, «Облако в штанах», которую Маяковский назвал программной, в 1915 году «разгуливала в штанах его собственного покроя, а не в детских трусиках футуризма» (Б. Лившиц). В истории русского поэтического слова Маяковский — новая историческая эпоха. Его имя — в ряду величайших преобразователей нашего поэтического языка — Ломоносова, Радищева, Пушкина.

Еще Радищев отмечал, что Ломоносов и Сумароков, создав памятники национальной поэзии, «остановили Российское стихосложение». «Теперь дать пример нового стихосложения очень трудно, ибо примеры в добром и худом стихосложении глубокий пустили корень. Парнас окружен Ямбами, и Рифмы стоят везде на карауле». Но, несмотря на этот печальный вывод, Радищев предпринял попытку «дать пример нового стихосложения», тем самым открыв широкую дорогу для реформы классической системы стихосложения. «От силлаботоники к тоническому стиху» (Л. И. Тимофеев) — так можно определить стиховое новаторство Маяковского. Сопоставляя Маяковского с Радищевым, украинский поэт Павло Тычина писал: «...У них действительно очень много общего: и эта вечная сосредоточенность, и зоркость пророка, и эта привычка всегда идти по прямым жизненным дорогам, по магистрали истории; и эта способность прозревать будущее сквозь туман столетий; и этот слух —

тонкий до такой степени, что он четко улавливает шаги грядущего (у Радищева: «Грядет зиждитель», у Маяковского: «В терновом венце революций грядет шестнадцатый год»); и, наконец, этот голос трибуна, который звучит особенно высоко, когда он должен быть услышан народными массами».

Поэтическая культура Маяковского не могла возникнуть сама по себе, не могла обойти те источники, которые питали всю русскую поэзию — от «Слова о полку Игореве» до поэмы «Двенадцать» А. Блока.

Время, как и поэтическая культура, имеет одно измерение — от прошлого через настоящее в будущее.

Для советских поэтов Маяковский — «певец коммунизма, героической борьбы народа против эксплуататорского строя» (Самед Вургун), «глашатай новой, советской поэзии, поэзии созиданий, дерзаний и творчества» (Гафур Гулям), «поэт огромного темперамента, неутомимый агитатор и певец социалистического общества» (Якуб Колас).

«Маяковский был, есть и будет. Сила воздействия его стихов растет с каждым днем», приобретая «все более глубокое значение и новое звучание», по живому руслу этой поэзии «устремляется вперед течение нашей поэзии» (Расул Гамзатов).

«...В огромной многонациональной семье советских поэтов» «не найдется ни одного, кто так или иначе не испытал бы на себе мощного влияния боевого, проникнутого революционным пафосом творчества Маяковского, кто бы не учился у него» (Эдуардас Межелайтис). Для поэтов, пишущих на русском языке, как и для поэтов всех наших пятнадцати советских республик, Маяковский «был и остается цветом и краской всей поэзии XX века — мировой, не только нашей» (Павел Антокольский). Ярослав Смеляков слышал в поэзии Маяковского «революции чистый бас, голос истинного поэта».

Его поэзия настолько вошла в жизнь, что сам он воспринимается как ее «величайший строитель» (Василий Федоров).

Памятник Маяковскому — «построенный в боях социализм». Все больше и больше возрастает читательский интерес к его произведениям. Об этом убедительно говорят цифры. За годы 1918—1972 произведения Маяковского издавались в стране 944 раза. Общий тираж их составил 74 миллиона 525 тысяч экземпляров на 70 языках мира.

«Да, я действительно прочитала много произведений русской классической и советской многонациональной литературы. Особенно много и увлеченно читала Маяковского, который, по моему убеждению, является одним из величайших поэтов современности. Революционный характер произведений Маяковского очень хорошо гармонирует с современностью»,— говорит о поэте американская коммунистка Анджела Дэвис.

Миллионы людей по «лестнице» Маяковского поднимались до понимания значения слов СССР, Ленин, Революция, Поэзия.

Мексиканский художник Диего Ривера писал: «Маяковский для Мексики был метеором по краткости своего пребывания и ослепительности своего гения, но свет этого метеора не угас в нашей стране — он озаряет нас всех и сегодня. Маяковский не долго жил среди нас, но тем не менее мы чувствуем, что он принадлежит и нам, потому что его гений породил расцвет многих мексиканских талантов. Он вызвал восторженную любовь тех, кто его видел. Его изумительный голос и необычайная звучность его стихов пробуждали безграничный энтузиазм рабочих и крестьян, которым удалось слышать, как он читал. Позже «Левый марш» в хорошем переводе превратился в гимн и боевую песню трудящихся».

В. Г. Белинский, говоря о великих поэтах своего времени, писал, что Пушкин принадлежит к вечно живущим, вечно движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы верно ни поняла она их, но всегда оставит следующей за ней эпохе сказать чтонибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего. Эти слова Белинского можно с полным основанием отнести и к Маяковскому. Его бессмертие — удел всех подлинно великих «движущихся» поэтов.

ВОСПОМИНАНИЯ...

«Под партой «Анти-Дюринг»... Философия. Гегель. Естествознание. Но главным образом марксизм. Нет произведения искусства, которым бы я увлекся более, чем «Предисловием» Маркса. Из комнат студентов шла нелегальщина»,— писал Владимир Маяковский о 1906—1907 годах.

Из воспоминаний Зинаиды Людвиговны Дункель, которые публикуются впервые, можно сделать вывод, что круг революционных связей и интересы юноши Маяковского в этот период были значительно шире, чем предполагалось до сих пор.

«1908 год. Вступил в партию РСДРП (большевиков). Держал экзамен в торгово-промышленном подрайоне. Выдержал. Пропагандист. Пошел к булочникам, потом к сапожникам и, наконец, к типографщикам. На общегородской конференции выбрали в МК... Звался «товарищем Константином» (Маяковский. «Я сам»).

Ранее не публиковавшиеся воспоминания Андрея Григорьевича Носкова, члена КПСС с 1913 года, одного из слушателей кружка при нелегальном союзе московских булочников, раскрывают интереснейшую страницу биографии поэта.

Ниже приводятся с некоторыми сокращениями воспоминания З. Л. Дункель и А. Г. Носкова. Публикация подготовлена заведующей отделом пропаганды Государственного музея В. В. Маяковского С. Писаренко.

Зинаида ДУНКЕЛЬ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Одно из самых светлых воспоминаний моей юности — это знакомство и близость с семьей Маяковских. Вскоре после приезда в Москву семья Маяковских поселилась в доме № 38 по Долгоруковской улице (ныне Каляевская), где жила и наша семья. Оля Маяковская поступила учиться в гимназию Ежовой, где училась и я. Мы сидели на одной парте.

Наша семья была многочисленна; моя мать умерла в 1904 году, оставив нас на попечение отчима. Старший брат Евгений вынужден был прервать учение и устроился работать на Курской железной дороге, чтобы помочь семье, но в 1905 году был арестован за участие в революционном движении (по фидлеровскому делу). Он долго сидел в Бутырской тюрьме. Судебный процесс был громким, подробности публиковались в газетах; это отразилось и на отношении окружающих к нам. Я стала замечать, что некоторые одноклассницы стали меня сторониться. Изменилось и отношение начальницы гимназии, она сняла с казенного счета мою сестру, которая училась бесплатно, как сирота.

Оля Маяковская не только не изменила свое отношение ко мне, но стала еще ближе. Помню одно из первых моих посещений семьи Маяковских. Я зашла к Оле и у них дома застала, кроме всей семьи, студента и девушку — друзей старшей сестры Оли — Людмилы. Разговор шел об обысках. Кто-то спросил меня о брате. Я неохотно, смущенно отвечала. Заметив мое смущение, Володя обратился ко мне:

— Эх, Зина, не стесняться, а гордиться должны вы своим братом!

Студент подошел к Володе, положил руку ему на плечо со словами: «Ты, Володька, прав, как всегда».

Я поняла, что в этой семье не только Оля, но и все — друзья.

Помню также, как после выхода брата из тюрьмы Оля и Володя зашли к нам. Долго в тот вечер Володя просидел у брата. Проводив Володю, брат сказал мне:

— Какой хороший, умный мальчик, только горяч очень, страшно за него.

Я тут же рассказала брату, как тепло и сердечно относится ко мне вся семья Маяковских. Вскоре нам пришлось переехать на другую квартиру. Отчим снял на той же улице деревянный, полуразрушенный особнячок, стоявший в глубине двора. Так как платить за весь дом ему было не по карману, он сдавал комнаты одиноким молодым людям. Поселялись у нас студенты и товарищи старшего брата — работники трамвайного парка, куда брат устроился рабочим.

Большое скопление молодежи, конечно, не могло не привлечь внимания полиции к нашему особнячку.

Началась слежка, бывали обыски, но улик никогда никаких не находили, несмотря на то, что у нас бывало много товарищей и родственников политических заключенных, сидевших в Бутырках. В нашем доме упаковывали для арестованных передачи: запекали в тесто записки, напильники. Собирались для чтения нелегальной литературы. В этот же период бывали сестры Шмита, революционера, в честь которого названа в настоящее время одна из улиц в Москве, жена Загорского, в честь которого назван город. Частыми посетителями были Оля и Володя Маяковские.

Володя обращал на себя внимание и своей наружностью. Очень высокий, стройный, широкий в плечах, с довольно длинными непослушными волосами, которые он встряхивал, откидывая назад голову, движения умеренные, громкий, сочный голос. Выглядел он гораздо старше своих лет, особенно когда надевал косоворотку. В спорах, которые зачастую затягивались до утра, Володя не принимал особого участия, но подавал такие остроумные и меткие реплики, что невольно привлекал внимание. Вспоминается мне ярко один вечер. Не помню, в честь кого или чего у нас устроили вечеринку; кроме всех своих жильцов, было много гостей. На стену повесили портрет царя, вырезанный из журнала «Нива», кто-то поставил под портретом стакан с бумажными цветами. Принесли граммофон и пластинки «Боже, царя храни» и «Коль славен»: моему младшему братишке было дано задание по сигналу завести граммофон. Но вечер прошел благополучно. Граммофон заводить не пришлось. Много пели хором, декламировали.

Володя прочел стихотворение «На смерть лейтенанта Шмидта». Кто был автор этого произведения, не знаю, оно ходило по рукам без подписи. Все оно у меня в памяти не сохранилось, помню последние строфы:

Вся в дыму, в грязи, в огне,
Кровью Русь залита,
Ворон каркает во тьме —
Расстреляли Шмидта.
Все погибло: право, честь —
Истина забыта.
Дышит местью злая весть:
Расстреляли Шмидта.
Будут дни святых побед,
Но зло не забыто,
И расскажет внуку дед:
Расстреляли Шмидта.

Сильный голос чтеца, слова гнева и протеста потрясли всех, в тот момент многие поняли, что перед нами незаурядная личность. После выступления Володи говорили о лейтенанте Шмидте. Кто-то рассказал, что где-то рабочие заставили попа отслужить по Шмидту панихиду. Поп дрожал, как в лихорадке, но служил. Кто-то сказал, что Шмидт был хорошим оратором. На это Володя заявил:

— Я думаю, что слово и перо могут быть таким же оружием, как револьвер.

Много лет спустя в сборнике стихотворений Маяковского я прочла: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо».

Володя был серьезно озабочен материальным положением семьи, он в то время рисовал по дереву, выжигал и раскрашивал. Но находил время и для забав. Его можно было видеть азартно играющим в

городки. Городками увлекалась вся наша молодежь. Двор был очень удобный, и даже дворника втянули в игру, чем очень расположили его к себе.

Но недолго длилась наша относительно спокойная жизнь. Обыски участились, и в 1907 году опять арестовали Женю, брата, а в январе 1908 года его без суда прямо из Бутырок выслали в Вологодскую губернию, в г. Устьсысольск. После ареста брата было решено у нас временно не собираться.

В гимназии Оля мне сообщила, что у них тоже был обыск. При свидании с братом в тюрьме я ему рассказала об обыске у Маяковских. Он очень волновался за судьбу Володи, просил передать ему, чтобы он был осторожен, не рисковал собой и не ходил к «Гавриле».

Кто такой был «Гаврила», я не знала. Ни у нас, ни у Маяковских он никогда не бывал. Но когда я сказала о просьбе брата Володе, он мне сказал:

— Гаврила тоже арестован, обязательно передайте это Жене.

Я поняла, что Володя был в курсе дел подпольщиков.

...Я пережила брата, Володю, Олю, дружба с которыми нас связывала до последних дней их жизни.

И вот недавно, слушая, как за стеной моей комнаты, где собрались студенты, читали произведения Маяковского, мне захотелось рассказать нашим счастливым молодым людям, любящим и понимающим Маяковского, о том, что еще юношей будущий поэт был любим и ценим передовой молодежью того времени. Маяковский оправдал их надежду и веру в него...

А. Г. НОСКОВ

ТОВАРИЩ КОНСТАНТИН

В июле 1906 года полиция разгромила нелегальный союз московских булочников и закрыла его. Осенью того же года по заданию МК партии был создан новый нелегальный союз, его организаторами стали большевики И. Н. Смирнов и С. М. Магаев.

Не касаясь всей нелегальной деятельности союза, здесь скажу лишь о работе подпольного большевистского кружка, существовавшего при союзе.

Занятия кружка зимой проводились преимущественно в помещении союза (в общежитии безработных пекарей), а весной и летом они проходили по разным адресам, в частности на Лазаревском кладбище, на Патриарших прудах, в церковной ограде на Малой Никитской улице, неподалеку от того места, где ныне стоит памятник Алексею Толстому.

Руководил кружком товарищ Павел — социал-демократ, большевик. Как стало известно впоследствии, это был Иван Федорович Попов (в 1905—1907 годах член Замоскворецкого райкома РСДРП (б).

Кружок начал действовать летом 1907 года, а осенью товарищ Павел неожиданно исчез, его арестовали и выслали в город Мезень, Архангельской губернии...

Снова по-настоящему кружок заработал в январе 1908 года с появлением третьего пропагандиста, рекомендованного районным комитетом большевиков Городского района. Новый пропагандист, молодой человек, почти юноша, сразу пришелся ко двору и скоро стал в кружке своим человеком. Звали его «товарищ Константин», «Костя», как его стали называть рабочие.

Мне пришлось быть на нескольких занятиях Кости. На одном читали и обсуждали статьи из очередного номера большевистской газеты «Пролетарий», недавно полученной из-за границы. На другом слушали беседу о Карле Марксе. На этом занятии я впервые услышал о «Коммунистическом Манифесте».

В те годы в Москве, на Тверской, 34 (ныне улица Горького, 10), помещалась булочная фабрика Д. И. Филиппова.

На фабрике с количеством рабочих свыше 500 еще в 1904 году была создана социал-демократическая организация большевистского направления, которая в ходе революции 1905 года объединила в своих рядах многих рабочих-булочников и руководила их борьбой в разгар происходивших тогда больших политических событий.

Значение партийной работы на фабрике Филиппова возросло еще больше после ликвидации в марте 1908 года нелегального союза булочников, через который осуществлялось большевистское руководство движением рабочих-пекарей.

МК большевиков время от времени проводил собрания большевиков-филипповцев с привлечением членов партии и более надежных беспартийных рабочих с других предприятий.

Одно из таких собраний, в котором мне довелось участвовать, происходило летом 1908 года в Петровском парке, поодаль от ресторана «Эльдорадо».

На собрании присутствовало до 20 человек, фамилии некоторых из них помнятся до сих пор. Это Сусанин О. И., Морозов Ф. М., Дроздов А. Г., Развязкин В. И., Архипов М., Борцов С. И. Для проведения собрания прибыл пропагандист МК большевиков — высокий «кудластый» юноша, обладавший зычным голосом, который он старался все время приглушить в целях предосторожности.

— Да это же Костя! — увидев его, сразу воскликнули несколько человек.

Руководитель нашего политического кружка при нелегальном союзе Костя тоже был рад встрече с давними друзьями.

Разговор на собрании шел о партии. Это был в ту пору весьма жгучий вопрос для рабочего движения. Меньшевики, не верившие в приход новой революции и в силы рабочего класса, предлагали ликвидировать партию в подполье и приспособить ее деятельность к легальным условиям, против чего решительно восстали большевики. Они во главе с В. И. Лениным считали обязательным сохранение революционной партии пролетариата и сплочение ее рядов с тем, чтобы еще крепче организовать рабочий класс и повести его в новое наступление на самодержавие.

На утверждение присутствовавших меньшевиков о том, что взгляды Ленина на революцию и партию осуждаются всеми социалистическими партиями и демократическими силами страны, товарищ Константин ответил, что это как раз подтверждает правоту большевиков: если враги нас ругают, значит, мы стоим на правильных позициях. В заключение он продекламировал известные строки из Некрасова:

Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

Эти некрасовские строки, произнесенные оратором с большим подъемом, задели слушателей за живое. Собрание, за исключением трех-четырех меньшевиков, полностью солидаризировалось с докладом пропагандиста.

Вскоре после первого собрания было назначено второе, на этот раз в составе всего 10—12 человек. Местом для собрания выбрали церковный двор в Глинищевском переулке (улица Немировича-Данченко).

Этот «святой» уголок большевики-филипповцы часто использовали для разного рода конспиративных встреч и даже для проведения небольших, коротких собраний.

В тот день, пока постепенно подходил народ, пропагандист МК, все тот же товарищ Константин, ждал нас в церкви, затерявшись среди молящихся, а перед началом собрания, по сигналу, вышел из церкви и присоединился к ожидавшим его людям. На собрании предполагалось обсудить вопрос об организации центральной группы социал-демократов — большевиков, работающих в булочных Москвы.

Собрание начал пропагандист, но едва успел он произнести две-три фразы о цели собрания, как дозорные донесли о появившейся опасности, и все присутствующие быстро рассеялись по двору.

Двое из нас, заранее предупрежденные, в один миг подбежали к каменному забору и, согнув спины, устроили своеобразный «мост», товарищ Константин вскочил на этот «мост» и, перемахнув длинными ногами через забор, проник в расположенный рядом дом Бахрушина и благополучно скрылся...

Вновь мы увидели и узнали товарища Константина десять лет спустя, в 1918 году, по портретам в печати и лично на диспутах и митингах, но это уже был популярный в стране поэт В. В. Маяковский.

В 1919 году, на одном из пролеткультовских вечеров в клубе союза Нарпит (театр Мозаика) на Б. Дмитровке, нам еще раз пришлось встретиться с поэтом, бывшим пропагандистом МК. На дружеской беседе, кроме меня, присутствовали Ф. М. Морозов и А. Г. Дроздов. В. В. Маяковский живо вспоминал недавнее прошлое и интересовался судьбой товарищей по подполью. Он сокрушался о тех, кто погиб от рук наемников царизма, не дожив до революции 1917 года. Особенно сожалел В. В. Маяковский о В. И. Развязкине, который был арестован в 1910 году при разгроме большевистской организации пекарей и пропал в ссылке.

Вспоминая В. И. Развязкина, В. В. Маяковский рассказал интересный эпизод. В том же 1908 году он от имени МК партии имел встречу с представителем большевиков Иваново-Вознесенска, которая состоялась в кафе Филиппова на Тверской, находившемся в одном доме с фабрикой и магазином. Наружную охрану встречи несли филипповские большевики — В. И. Развязкин и кто-то еще. Когда охранка, пронюхав о свидании, пыталась арестовать обоих его участников, Развязкин сумел черным ходом вывести В. В. Маяковского и его товарища во двор фабрики и спрятать их с помощью кладовщика на складе кондитерского сырья между бочек с патокой. Тем же путем уже поздно вечером Развязкин вывел из укрытия скрывавшихся и помог им избежать ареста.

Свой рассказ об этом эпизоде В. В. Маяковский заключил словами:

— Измазались мы тогда о бочки с патокой, как дьяволы, даже после долго ходили сладкие.— А потом в шутку добавил: — Вот теперь бы так, когда нет сахара, лизал бы рукав пиджака языком и пил чай в свое удовольствие.

Тогда же В. В. Маяковский упомянул о своем участии зимой 1908 года в составлении прокламации МК большевиков, призывавшей филипповских булочников к объявлению забастовки.

В прокламации, в частности, говорилось: «Вся стая вампиров: царь, помещики и ханы-хозяева — это одна шайка, один союз... Они враги наши. Не просить их надо, а бороться с ними».

Кончалась прокламация призывом к булочникам фабрики Филиппова организоваться и объявить забастовку хозяину, чтобы восстановить условия труда, с боем завоеванные в ходе революции...

Сигизмунд КАЦ

«ЛЕВЫЙ МАРШ»

Москва. 1927 год. Я в то время учился в музыкальном техникуме имени Гнесиных и совмещал учебу с работой в одной из групп московской «Синей блузы». Это был молодой театр, труппу его составляли начинающие актеры, энтузиасты зародившегося в те годы синеблузного движения. Они были центральной, московской «живой газетой», группировавшейся вокруг редакции ежемесячного журнала «Синяя блуза», в котором печатался репертуар для многочисленных самодеятельных коллективов молодой Советской республики. Многие из тогдашних молодых людей, принимавших участие в «Синей блузе», стали в наши дни известными режиссерами, артистами и композиторами: С. Юткевич, Мих. Жаров, Б. Тенин, К. Листов, М. Гаркави, Г. Тусузов, М. Местечкин, Л. Миров... Для «Синей блузы» писали репертуар Д. Бедный, Н. Асеев, Н. Адуев, В. Типот, В. Ардов и много других молодых тогда писателей и поэтов. Частым гостем нашего «штаба» — редакции, помещавшейся рядом с Колонным залом в Охотном ряду (ныне проспект Маркса),— был В. Маяковский.

Он любил талантливую артистическую «синеблузию», «бодрых задир» — так называл их поэт, охотно читал нам свои новые произведения, а иногда специально писал для театра прологи, частушки и даже плакаты...

Как-то во время одного из его посещений я сказал:

— Владимир Владимирович, что мне делать? Не хотят ребята учить куплеты и слушать музыку, часто сбиваются и поют «поперек» ритма. Помогите мне, пожалуйста!

— А я-то при чем? — мягко пробасил Маяковский.— Я же не музыкант...

— Но ваш авторитет...— начал было я.

— Понятно,— перебил меня поэт,— не договаривайте, все понятно...

В перерыве между репетициями Маяковский собрал артистов и, сев верхом на стул, повел интереснейший разговор о роли музыки в современном театральном представлении. Он рассказывал о первой постановке «Мистерии Буфф», о музыке революционного Петрограда, о своей работе с Мейерхольдом, о рабочих песнях, слышанных им во время заграничных поездок. В заключение он так хорошо спел старинную грузинскую песню («ее пели, когда я еще учился в гимназии в Кутаисе»,— заметил он), что все ему горячо зааплодировали.

«Синеблузники,— внимание музыке!» — так закончил свою импровизированную беседу Маяковский. Этот лозунг, повешенный потом на стену репетиционной комнаты возле рояля, долго напоминал нам о встрече с любимым поэтом.

Спустя некоторое время я написал музыку к «Левому маршу» в жанре модной тогда ритмодекламации, сыграл своим товарищам и, воодушевленный дружеским одобрением, решил, по их совету, сообщить об этом Маяковскому. Я позвонил ему по телефону, рассказал, в чем дело, и с трепетом ждал, что он скажет по этому поводу.

— Мой «Левый марш» не нуждается в музыкальном сопровождении,— сказал Маяковский,— он и без музыки хорошо организован, ритм его и так понятен слушателю, а смысл музыка может даже исказить. А вот послушайте, молодой человек, стихи, на которые музыка, по-моему, хорошо ложится...

И Владимир Владимирович по телефону напел мне: «Возле самой Фудзиямы жил японец и японка — очень тонко, очень тонко...» — (это была не известная еще мне, потом ставшая очень модной песенка М. Блантера).

— Впрочем,— добавил поэт,— может быть, я не прав! Приходите завтра вечером в клуб комсомола Красной Пресни на Васильевской улице. Я буду читать стихи, а вы потом сыграете свой марш. Если будет трудно пробиться, я вас проведу...

Действительно, пробиться на вечер Маяковского было нелегко. Кое-как усевшись в переполненном зале, я в который раз сразу окунулся во взбудораженную атмосферу вечера, где царили стихи Маяковского, а прежде всего — сам Маяковский!

В конце выступления поэт громко сказал:

— Я собирался вам прочесть «Левый марш». Сюда хотел прийти молодой музыкант-синеблузник. Если он здесь, пусть подымется и сыграет нам свой марш на эти стихи! Где вы, юноша?

Я, немного робея, поднялся с места и пошел к эстраде. Под-

мостки были высокие, никакой лесенки не было — Маяковский подал мне широкую ладонь, и я... буквально взлетел на сцену. Чьи-то заботливые руки выкатили из-за кулис рояль, и началось нечто невообразимое. Владимир Владимирович, прослушав мое барабанное вступление, тотчас же начал:

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе.
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер.

Он интуитивно чувствовал музыку, мы «шли вместе», как хорошо сыгранные артисты, хотя моей музыки он до сих пор не слышал. Но потом — разошлись: либо я от волнения ускорил темп, либо автор в этом месте читал стихи медленнее. Словом, после слов «Там, за горами горя, солнечный край непочатый» Маяковский остановился, сделал небольшую паузу и сказал громко, обращаясь ко мне:

— Молодой человек, остановитесь! Я дочитаю «Левый марш» сам, а потом вы все остальное доиграете!

...Бурные аплодисменты в адрес поэта раздались по окончании марша:

Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

Меня на эстраде уже не было...

...Через несколько дней Маяковский и я встретились на Неглинной в Музсекторе Госиздата (ныне издательство «Музыка») и уже более складно «показали» «Левый марш» авторитетной комиссии, куда входили такие видные музыканты, как А. Гедике, Н. Жиляев, Н. Мясковский и другие. Сочинение было принято к печати, и вскоре вышла в свет моя первая изданная работа! Я подарил ноты Маяковскому, они до сих пор хранятся в его музее-квартире.

В ответ поэт преподнес мне маленькую книжку стихов в издании «Библиотека «Огонька» (где он изображен на обложке в кепке, в куртке с меховым воротником) с трогательной дружеской надписью.

В последний раз я видел Маяковского на его выставке «20 лет работы», открытой 1 февраля 1930 года в клубе Федерации писателей. Он был хмур, озабочен и, как видно, чем-то недоволен. Увидев меня с товарищами из «Синей блузы», он неожиданно улыбнулся и показал палкой на один из стендов, где в качестве экспоната были выставлены ноты «Левого марша»...

Б. БЕНДИК-ВЕРОВ

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ

Событие, о котором я поведу рассказ, произошло в начале 1930 года. Работал тогда я в типографии «Красный пролетарий». Был активистом — секретарем комсомольской ячейки наборного цеха, агитатором. Одновременно писал стихи и переводил белорусских поэтов, печатался в комсомольских газетах, журналах.

Наша типография, одна из старейших в Москве, с большими революционными традициями, готовилась отметить десятилетие партийной организации.

Секретарь парткома сказал мне:

— А хорошо было бы на празднование краснопролетарцев пригласить кого-нибудь из наших писателей, и особенно желательно Маяковского. Ведь я его слушал в Московском комитете партии, читал он поэму «Ленин». Трудно передать, до чего хорошо он читал!..

Вскоре после разговора с секретарем парторганизации я зашел в клуб Федерации советских писателей на улицу Воровского, 52. Когда я вошел в клуб, меня встретил перестук молотков и переклик молодых голосов. Пахло свежим деревом, краской. В фойе заканчивалось оформление выставки В. В. Маяковского «20 лет работы».

С интересом рассматривал я стенды с плакатами и лозунгами Маяковского, приветствующими ростки коммунизма и бичующими наши недостатки.

Я спохватился, что стою в пальто, и спустился в гардероб. И здесь лицом к лицу встретился с Владимиром Владимировичем.

— Товарищ Маяковский!.. — взволнованно обратился я к нему.— Ваша выставка произвела на меня огромное впечатление!.. Нашему брату, агитатору, есть чему поучиться у вас!

— Значит, выставку уже оформили? — спросил поэт и добавил: — Молодцы ребятежь! — Неторопливо достал из кармана пиджака коробку с папиросами, постучал мундштуком о дно коробки, энергично зажег спичку, закурил и продолжал разговор: — Вы комсомолец, агитатор? Это очень хорошо!..

— Товарищ Маяковский, я не только агитатор, я еще и ударник на производстве, дружу и с поэзией, пишу стихи и лозунги,— выпалил я.

— А ну, наизусть что-нибудь помните? Прочтите!

Я прочитал только что написанный стихотворный лозунг:

Осилим техники тайну!
Комсомолец — к рулю комбайна!

— Что ж, лозунг сработан неплохо... Ну, а что еще написали, агитатор?

— Да вот, в газете комсомольцев Красной Пресни поместили стихотворение «Наш марш»... — И опять прочитал:

Юность, вперед шагай,
Наше не смеркнет солнце!
Ветер, из края в край
Неси марш комсомольцев.

Выслушав стихотворение, Маяковский нахмурился, помедлив, сказал:

— Прочли вы стихотворение хорошо, а то слушаешь иного поэта, и кажется, что не человек читает, а в лесу волк завывает, но откровенно скажу, из всего стихотворения настоящего внимания заслуживает одна строка: «Наше не смеркнет солнце!». Остальное подражание некоторым шустрым, но мало работающим над словом комсомольским поэтам. Рифма «солнце — комсомольцев» — слабая. Ищите свежие, оригинальные рифмы. Никогда не забывайте, что избитая и банальная рифма тащит за собой и банальное содержание. И еще совет: не учитесь у второстепенных поэтов, не прельщайтесь тем, что их «опусы» часто пестрят на страницах газет и журналов.

Я попросил Владимира Владимировича выступить перед рабочими «Красного пролетария».

— А когда вы смогли бы организовать выступление? — спросил он.

— В конце марта или начале апреля хотели бы видеть и слышать вас!

— Что ж, у рабочих я всегда выступаю охотно, а тем паче у типографов... Но до апреля еще далеко. Позвоните, пожалуйста, за несколько дней до выступления.

Мне показалось, поэт задумался, сказав:

— Никуда ехать мне как будто не предвидится.

Затем поэт пригласил меня вместе с ним осмотреть выставку. В фойе Владимира Владимировича обступили члены агитбригады, в этот момент фотограф и сделал этот последний прижизненный снимок поэта революции.

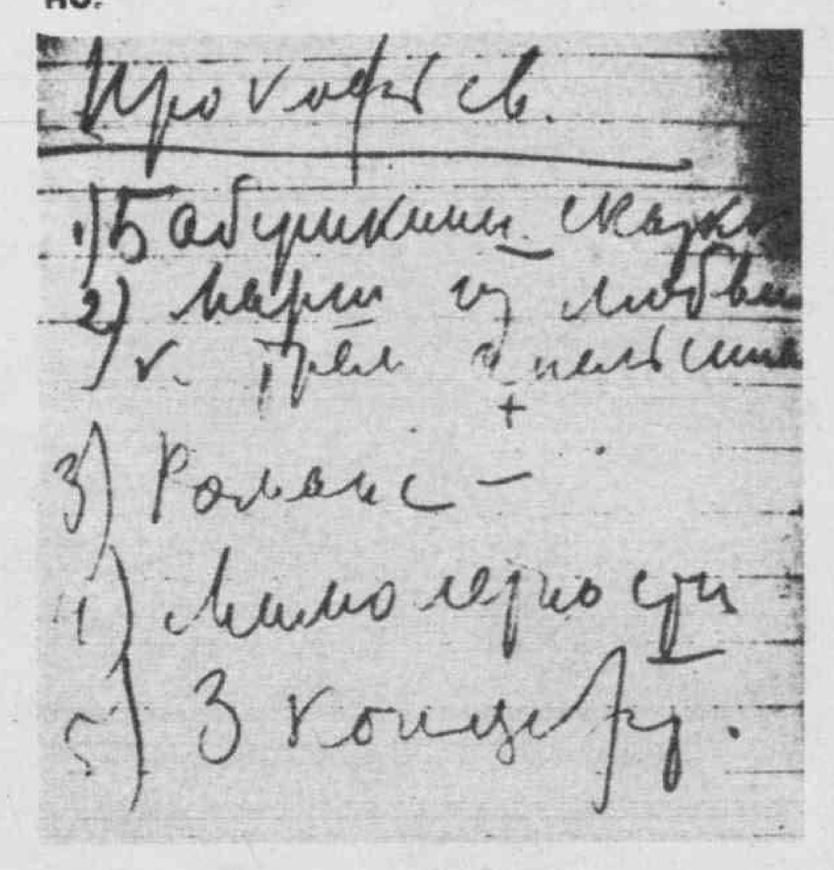
«МНЕ БЛИЖЕ С. ПРОКОФЬЕВ...»

В записных книжках В. В. Маяковского, казалось бы, не осталось ни строчки неисследованной и неопубликованной. Литературоведы давно по достоинству оценили их как важнейший источник биографии поэта, ключ ко многим приемам его творческого метода. И все-таки, всматриваясь в знакомые страницы, нет-нет да и найдешь запись, которая откроется какой-то новой, неизвестной доселе стороной.

В записной книжке поэта 1922 года, которая в музее значится под номером 18, на странице 25 четким почерком выведено:

Serge Prokofieff
Ettal Oberbayern
Станция Оберау
(3 килом. от [illegible])

На предыдущей странице рукою Маяковского карандашом написано:

Прокофьев.
1) Бабушкины сказки
2) марш из любви к трем апельсинам
3) Романс —
4) Мимолетности
5) 3 концерт.

В литературе о В. В. Маяковском не так много упоминаний о том, какое место в его жизни занимала музыка, о его встречах и отношениях с современниками-музыкантами. Правда, теперь уже едва ли кто-нибудь станет утверждать, что Маяковский музыку не понимал и не любил.

Прокофьева Маяковский ценил как композитора и как человека, близкого ему прежде всего по взглядам на искусство. И Прокофьев тоже чувствовал свою близость к Маяковскому. Нечто общее в их творческих устремлениях находили и другие — недаром раннего Прокофьева один из рецензентов упрекал в «маяковничестве».

Письменных свидетельств об их отношениях, о тех пунктах, в которых пересекались их творческие пути, сохранилось до обидного мало.

В автобиографии С. С. Прокофьев рассказывает о встречах с В. В. Маяковским в 1918 году:

«С Маяковским я был знаком уже год — по его выступлению в Петрограде, произведшему на меня сильное впечатление. Теперь знакомство углубилось, я довольно много играл ему, он читал стихи и на прощание подарил свою «Войну и мир» с надписью: «Председателю земного шара от секции музыки — председатель земного шара от секции поэзии. Прокофьеву

Маяковский».

В альбоме композитора, который он назвал «Что вы думаете о солнце», можно найти автографы многих известных деятелей искусств, современников С. С. Прокофьева.

В этом альбоме Маяковский написал:

«От вас,
которые влюбленностью мокли,
от которых
в столетия слеза лилась,
уйду я,
солнце моноклем
вставлю в широко
растопыренный глаз!
(«Облако в штанах»)

Москва. 22 марта 1918 г. Москва. Кафе поэтов».

Поэт Василий Каменский рассказывает, что на одном из вечеров в «Кафе поэтов» Маяковский набросал портрет Прокофьева за роялем и подписал: «Сергей Сергеевич играет на самых нежных нервах Владимира Владимировича».

И вот эти странички из записной книжки Маяковского 1922 года. Мы показали их сотрудникам музея музыкальной культуры имени Глинки. К сожалению, в самом музее никаких свидетельств об отношениях Прокофьева и Маяковского не оказалось.

Зато при первом взгляде на копию автографа хранитель архивно-рукописного фонда Ирина Александровна Кедрова не колеблясь сказала, что это, несомненно, почерк С. С. Прокофьева.

Прокофьев написал в записную книжку Маяковского свой адрес в Германии. На юге этой страны около Этталя композитор жил и работал в течение полутора лет (1922—1923 годы).

Это место Прокофьев называл своей «основной базой», в Берлине же композитор бывал наездами и постоянного местожительства не имел.

Маяковский в конце 1922 года был в Берлине, там они и встретились. Об этих встречах известно только из автобиографии С. С. Прокофьева: «С Дягилевым я встретился еще раз в Берлине, когда там был Маяковский, с которым мы провели несколько интересных вечеров. В один из них у Маяковского разгорелся с Дягилевым страстный спор о современном искусстве, в другой Маяковский читал свои стихи, которым мы внимали с увлечением».

Характерно, что, когда бы Прокофьев ни говорил о встречах с Маяковским, он всегда отмечает, что встречи были интересны ему.

В один из вечеров в Берлине композитор, наверное, приглашал Маяковского приехать к нему в Этталь.

Но, видимо, Маяковский не был в Эттале, жена композитора Л. И. Прокофьева рассказала, что Сергей Сергеевич никогда не упоминал о состоявшемся визите поэта.

Список же произведений Прокофьева, сделанный ранее Маяковским, говорит о том, что поэт хотел прослушать эти вещи композитора или Прокофьев играл их ему при встрече в Берлине.

Л. И. Прокофьева, признав автограф мужа, рассказала нам, что во время встречи Маяковского и Прокофьева в 1929 году у общих знакомых в Париже Прокофьев снова играл для поэта «Сказки старой бабушки», марш из «Любви к трем апельсинам». Маяковский слушал музыку Прокофьева необыкновенно сосредоточенно, весь углубившись в нее. Так же с большим интересом слушал стихи поэта Прокофьев.

О том, как высоко ценил музыку Прокофьева Маяковский, поэт писал еще в «Парижских очерках»: «Мне ближе С. Прокофьев — дозаграничного периода. Прокофьев стремительных, грубых маршей».

На концертах Прокофьева Маяковский бывал и в Москве — об одном таком концерте вспоминает художник Л. Ф. Жегин, воспоминания его хранятся в нашем музее. Это было, вероятно, в начале 1927 года, когда С. С. Прокофьев приехал с концертами в Москву и Ленинград.

...Известно также, что Мейерхольд обращался к Прокофьеву с просьбой написать музыку к спектаклю «Клоп», но Прокофьев был занят в это время другой работой.

К сожалению, встречи двух больших людей носили эпизодический характер, и при очень большом интересе и тяготении их друг к другу настоящего творческого содружества так и не получилось. Только уже в Великую Отечественную войну, в 1941 году, Прокофьев обратился к творчеству поэта, создав «Десятилетнюю песню» («Дрянь адмиральская»).

Мало что известно о встречах Прокофьева и Маяковского в Берлине. Не так уж много остается современников поэта и композитора. Хотелось бы узнать больше об отношениях этих двух замечательных людей. Может быть, эта маленькая публикация напомнит кому-нибудь о дружбе В. В. Маяковского и С. С. Прокофьева, которой был он свидетелем. Музей Маяковского рад будет каждому новому слову об этом.

Муза НЕМИРОВА,
заведующая сектором рукописей
Государственного музея
В. В. Маяковского

Владимир Маяковский. Москва. 1928 год.

«И ПЕСНЯ, И СТИХ...»

В. Маяковский выступает на съезде безбожников (кадры из кинохроники). Москва. 1929 год.

Группа участников совещания Кинокомитета, созванного Наркомпросом. На переднем плане: В. В. Маяковский, А. В. Луначарский. Москва. 1918 год.

Фотография — это мгновение, сохранившееся на века,— со временем приобретает все большую научную, историческую ценность. Маяковского снимали часто. Фотографировали и любители и квалифицированные профессионалы, такие мастера своего дела, как А. Родченко, А. Темерин, А. Штеренберг, П. Оцуп, М. Озерский и другие. Большой иконографический материал собран и бережно хранится в Государственном музее В. В. Маяковского и в других архивах.

Имеется довольно полный семейный альбом. Сохранилось много снимков персональных и групповых, сделанных во время поездок В. В. Маяковского по нашей стране и за границу.

Фотографии рассказывают о его встречах с передовыми деятелями литературы и искусства, об интенсивной деятельности Маяковского — неутомимого пропагандиста и страстного агитатора.

Владимир Маяковский в семье скульптора Кузьмина. В первом ряду: В. Маяковский, Л. Кузьмин, его сестра и мать. Москва. 1912 год.

В. Маяковский на книжном базаре среди красноармейцев. 9 июня 1929 года.

В. В. Маяковский, А. М. Родченко, Д. Д. Шостакович и В. Э. Мейерхольд прослушивают музыку к спектаклю «Клоп». Москва. 1929 год.

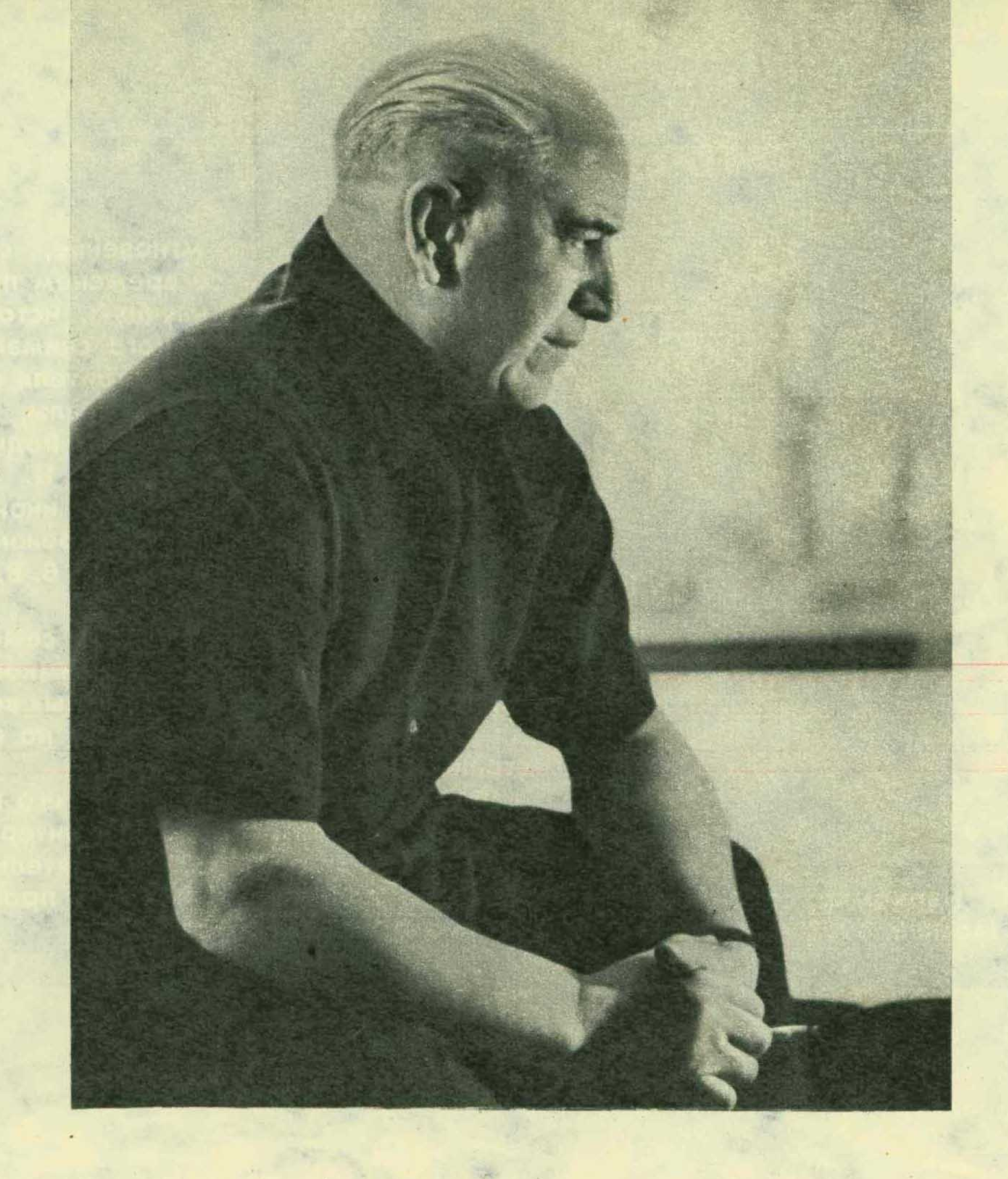

Кинокадры сохранили для нас динамичный образ поэта, выступающего с чтением своих стихов на съездах, вечерах, диспутах.

За каждым снимком угадывается настроение, характер, ощущение обстановки. Маяковский улыбается, смотрит задумчиво, сосредоточенно, а вот он суровый, готовый ринуться в баталии. Маяковский — внимательный собеседник, часто недокуренная папироса в углу волевого рта. Большие, как на старинных фресках, глаза, — особые, «маяковские».

Фотографии В. Маяковского — документы, показывающие поэта таким, каким он был в жизни: большим, сильным, вдохновенным и красивым человеком.

Н. РУЧКИНА

«Какое счастье для художника найти в портрете своего героя. Я не портретист, но Маяковского писал с настоящим волнением и горечью утраты. Я ограничил его образ годами первых лет революции, самым напряженным временем его творчества. Он был моим учителем, потому что научил меня видеть в событиях главное, но что еще важнее — находить этому главному зрительную образность. «Левый марш» — это тоже «портрет» поэта, но в том смысле, как понимал Маяковский:

пускай нам
общим памятником будет
построенный
в боях
социализм.

А. ДЕЙНЕКА

Игорь ДОЛГОПОЛОВ

МАЯКОВСКИЙ И ДЕЙНЕКА

— Я всю жизнь, сколько себя помню, люблю красный цвет,— сказал Дейнека. И, как бы подтверждая это, резко опустил на стол большую, тяжелую руку. Руку мастера.

Еще мальчишкой я яростно ломал карандаши, раскрашивая немудреные натюрморты — пунцовые помидоры, румяные яблоки, алые маки. Потом я увидел мир шире. Отец взял меня с собой на работу, и я был поражен богатством красок на железной дороге. И, конечно, я пришел в восторг от красных товарных вагонов, сверкающих рубинов семафоров, багровых массивных колес паровозов. Никогда не забуду охватившего меня ликования, когда я, курский парнишка, впервые увидел на маевке, проходившей на берегу реки Тускари, первый в моей жизни красный флаг. Весенний ветер весело трепал полотнище флага, и он мне казался языком пламени на фоне молодой зелени. Повзрослев и взяв винтовку, я увидел, участвуя в боях гражданской, какой подчас крови стоило удержать этот красный стяг. Не уронить его... Но зато с каким восторгом я наблюдал, как победно колыхались алые наши знамена на первых парадах. Как горели, пылали лица бойцов — моих товарищей-красногвардейцев в отсветах огненных полотнищ. Как сливались в единую симфонию радости багряные, алые, кумачовые цвета флагов, лозунгов, плакатов с ликующими звуками труб, играющих боевые марши!

Дейнека встал. Коренастый, крепкий, в любимой своей спортивной вишневого цвета рубахе, он подошел к огромному окну мастерской на улице Горького и резким движением отдернул занавеску. Вечернее ласковое солнце озарило холсты, скульптуру Венеры Милосской, блеснуло на золоченой мексиканской маске с черными прорезями глаз.

— Если бы меня спросили сегодня, какой цвет является камертоном, символом нашего двадцатого века, я бы, ни минуты не раздумывая, ответил — красный! И не только потому, что это победный цвет флага моей Родины, но и потому, что это цвет горячей людской крови, которая так обильно пролита нами в борьбе за Свободу и Достоинство Человека! Я потому еще назвал бы красный цвет цветом нашего времени, что это еще цвет юности и радости, ибо я помню огромные площади городов, словно затопленные морем алых косынок наших девушек и женщин. Не забуду пунцовые банты и лозунги первых Первомаев и Октябрей. Я и сегодня любуюсь красными майками наших физкультурников, сильных и ловких. И, наконец, я не раз видел этот цвет в сполохах взлетающих к звездам могучих ракет.

До самого моего смертного часа не изгладятся из памяти мрачные огни пожаров в моей столице, зажженных фашистскими бомбами. Так, никогда не уйдут из сознания красные от крови снега́ на фронте под Юхновом. Эти багровые цвета были цветами смерти и разрушения, и они родили во мне тогда чувства гнева и ненависти, которые не могли так просто уйти из души.

Я люблю жизнь. Верю в победу светлого начала в судьбе человечества. И поэтому с такою радостью я вновь и вновь любуюсь нашими мирными зорями, когда воздух прозрачен и свеж и алые тона окрашивают небосвод и белые стволы берез. Когда восход заставляет еще ярче пылать цветы в саду, которые я сам посадил и выходил. И я знаю, что эти алые и красные тона — цвета жизни и счастья.

Но я надеюсь,— проговорил, усмехнувшись, Александр Александрович,— что мой затянувшийся рассказ о красном цвете не заставит тебя искать его в каждой моей картине, тем более что в моих таких известных вещах, как «Оборона Петрограда», «Мать» или «Будущие летчики», он вовсе отсутствует. Я ведь тебе говорил не о красной краске, скорее о духе времени, времени сложного, полного контрастов и борьбы. Вот и все.

Дейнека замолк. Вечерело.

Но, несмотря на предупреждение, сделанное мне мастером, в тот же миг перед моими глазами предстала величественная панорама жизни Родины в десятках полотен Дейнеки.

Я увидел алые крылья чкаловского самолета, гордо прокладывающего сквозь сизую мглу Арктики первую трассу в Америку. Я услышал песню молодой колхозницы в пунцовом платье, едущей на велосипеде по своей, свободной земле. Моего слуха достиг чеканный гул шагов моряков, идущих по революционному Питеру, и шелест багряных стягов Октября в «Левом марше». Я увидел зловещее зарево пожаров над гордым Севастополем и вздрогнул от яростных криков советских моряков, идущих в последнюю смертную атаку. Но зато ка-

А. Дейнека. 1899—1969. В. МАЯКОВСКИЙ В МАСТЕРСКОЙ РОСТА.

А. Дейнека. ЛЕВЫЙ МАРШ.

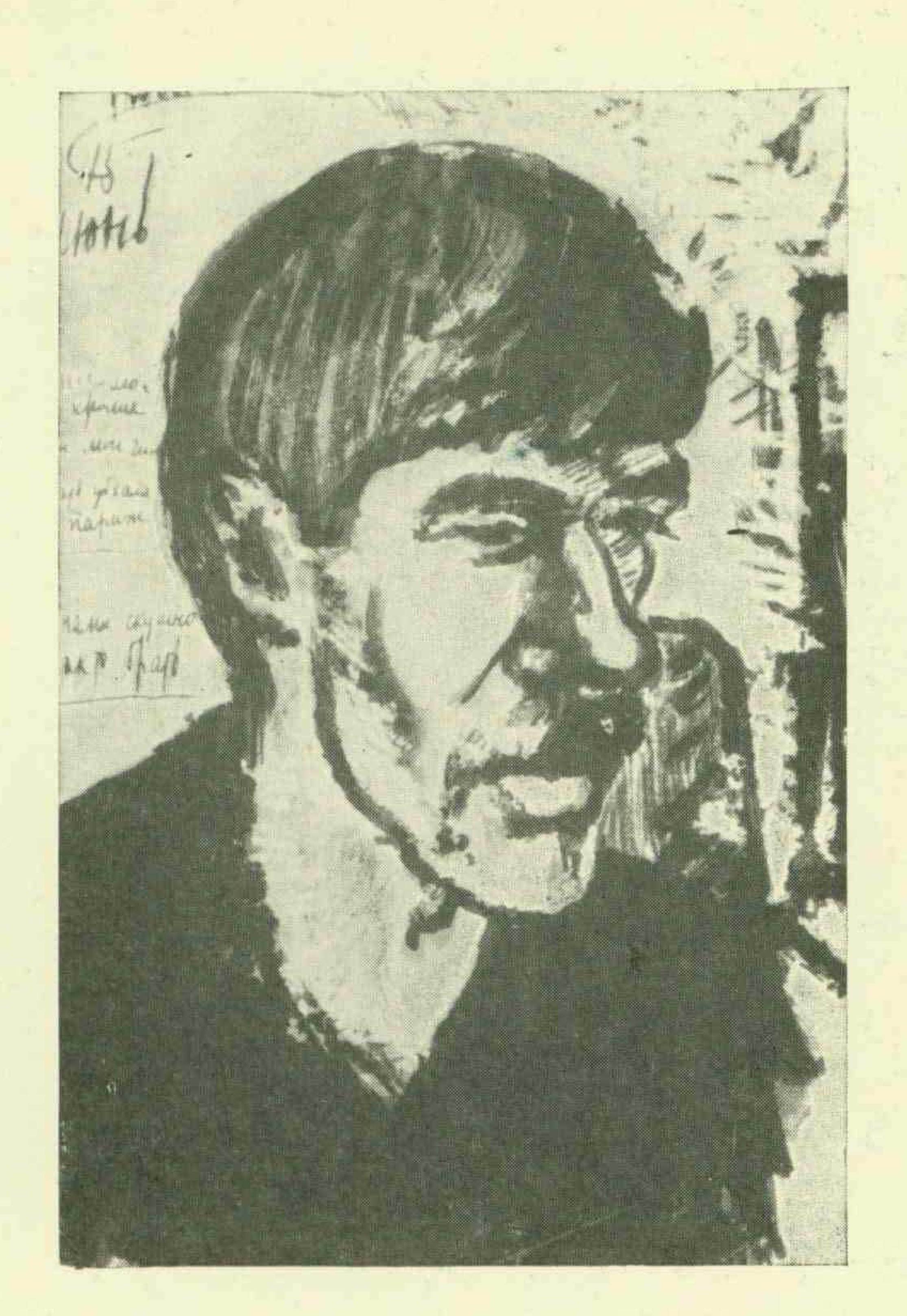

Внизу: РИСУНКИ В. МАЯКОВСКОГО ДЛЯ ОКОН РОСТА.

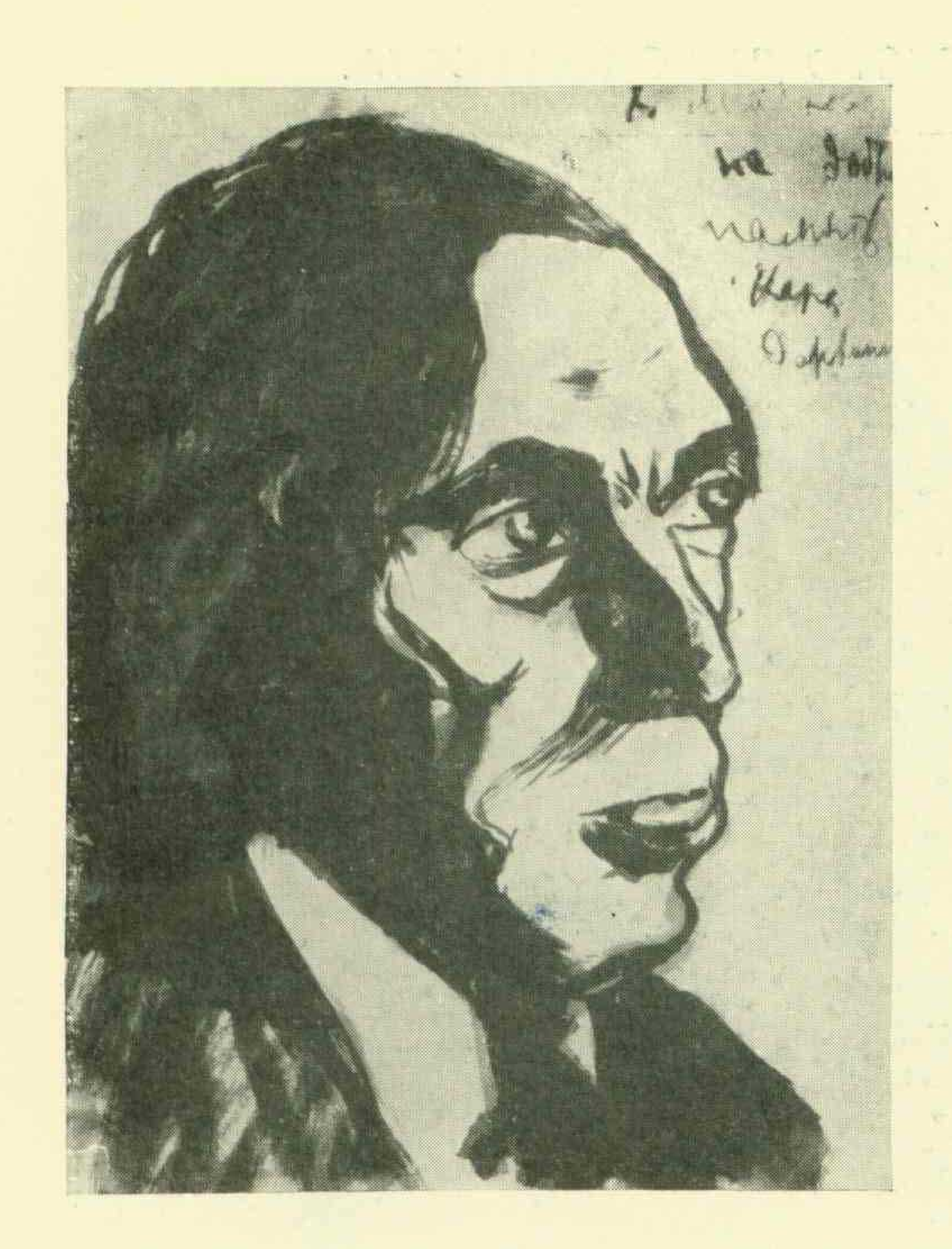

К. И. ЧУКОВСКИЙ.

И. Е. РЕПИН.

КАРА ДАРВИШ.

В. Маяковский. ПОРТРЕТ.

кой радостью пылал наполненный солнцем победы маленький алый флажок, выставленный в черной глазнице дома-руины в поверженной фашистской столице.

Мимо меня промелькнули красные майки спортсменов, несущих эстафету... Я ощутил аромат пурпурных гвоздик, стоящих на окне рядом с девушкой-студенткой, склонившейся над книгой... Услышал песни питерских рабочих и увидел сверкание кумачовых стягов Нарвской заставы. В моем сознании возник образ поэта революции Маяковского, в стужу пишущего огненные плакаты «Окон РОСТА». Предо мной предстало само Время!

В каждом из этих полотен — пульс нашей эпохи. В каждом творении художника я чувствовал горячее сердце мастера, бьющееся в едином ритме с огромным сердцем Родины.

— Может быть, моя прямолинейность,— улыбнулся Дейнека,— кого-то и покоробит, может быть, она придется кому-то не по душе, но я ведь ученик Маяковского во всем том, что касается ритма, остроты и чувства цвета времени. Владимира Владимировича, правда, многие недолюбливали за слишком определенную любовь к красному цвету. Но если говорить по совести, то розовый цвет более подходит к бутону или хорош в румянце на девичьей щеке, но для окраски характера художника или поэта, мне думается, он жидковат.

●

Дейнека был неразговорчив. Скорее он был молчалив. Его большая жизнь была до края наполнена творчеством, работой, работой и бесконечными совещаниями, советами и прочими хлопотными обязанностями. Но иногда выпадали дни, правда, редкие, когда Дейнека отдыхал. Это были дни поездок, путешествий. К сожалению, они были не часты. Мне посчастливилось не раз сопровождать его в этих странствиях, и они оставили у меня неизгладимое впечатление. Ведь обычно Дейнека был внешне суров, порою неприветлив, даже колюч. Его собранная, всегда немного напряженная спортивная осанка, острый, все видящий взгляд, ироническая манера разговаривать делали его не всегда приятным собеседником. Может быть, виною этому сложная, не всегда легкая судьба художника, прошедшего долгий путь новатора, впередсмотрящего.

...Валдай. Полдень. Выехав на машине затемно из Москвы в Ленинград, мы решили сделать привал на поляне березовой рощи.

Тишина. Огромный зеленый мир окружал нас. Много есть красивых мест в России, но кто хоть раз побывал на Валдае, никогда не забудет нежную прелесть этого края. Ласковый шелест берез, голос ручьев, пение птиц, шепот ветра.

— Красота,— сказал Дейнека.— Ведь в городе, в этой суете, мы не видим божьего света. Все куда-то мчимся, спешим, а к концу выясняется, как я на днях прочел у одного большого писателя, что спешили не туда. Но оставим эту неразбериху на совести автора.— Тут Дейнека рассмеялся.

— Поэты-лирики прошлого века жили куда как неспешно. Писали стихи неторопливым ямбом. Воспевали природу, любовь. В начале двадцатого века многое сместилось — сбило у многих поэтов этот лирический дар. Думаю, притащи сюда, на Валдай, Маяковского, он на первых порах растерялся бы от этой благодати и благостной тишины, так он всегда был нацелен на город, шум, многолюдье. Всегда ожидал спора, иногда скандала. Он был предельно нервен и напряжен. Готов к драке, бою. Такая была жизнь... Хотя должен тебе сказать, что многое громыхающее, иногда эпатирующее, даже скандальное, что так лезло в глаза, было у Маяковского напускное, показное. Я бы сказал, это был некий барьер, биологическая защита, за которыми он скрывал сокровенное, нежное, душевное.

Это прекрасно разглядел мудрый Репин, когда впервые увидел его у Чуковского в Куоккале. Если ты читал воспоминания Корнея Ивановича, то, наверное, помнишь, как боялся он встречи Маяковского с великим художником, зная крайнюю нелюбовь Репина к «футурне», весьма бурно скандалившей в ту пору, корежившей натуру в своих холстах и всячески третировавшей публику несусветными несуразностями.

Однако встреча ненароком состоялась. Прослушав стихи молодого Маяковского, поняв их глубокую, запрятанную человечность и разглядев поближе самого поэта, Репин сказал ему: «Какой же вы, к чертям, футурист!..» А позднее Чуковскому добавил: «Самый матерый реалист». В этой мысли его укрепил сам Маяковский, когда сделал при нем превосходные шаржи — с Чуковского и самого́ маститого мэтра.

«Вы реалист». Вслушайся! Ведь Маяковский на людях и Маяковский творчества один на один с собой были непохожи. И самое неприятное то, что поэта окружали люди не всегда большого искусства. Многие из его бесчисленных знакомых были весьма далеки от истинной поэзии или живописи. Хотя и изрядно шумели, кричали, а порою даже орали. Мало того, что орали, но иногда пытались руководить ходом развития нашей культуры. Словом, Маяковскому, который был всегда на гребне событий и был лидером то футуристов, то «лефов», приходилось весьма считаться с этим окружением.

Так, например, Бурлюк, который на первых порах хвастал, что «открыл» Маяковского, быстро опротивел поэту. И год от года пропасть между ними все расширялась. Помню, как Маяковский говорил мне про Бурлюка, которого он видел в США, что «это уже не Бурлюк — а Бурдюк».

Дело в том, что бурлюки и иные делали из поэзии и искусства коммерцию, собирали со всех этих скандалов и скандаликов дивиденды, а Маяковский все отлично видел. И это его терзало. Постоянно оставляло тяжелый осадок. Ведь Владимир Владимирович знал наизусть Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока. Учился живописи у художника-реалиста Петра Келина. Боготворил Валентина Серова. Когда Серов умер, произнес у него на могиле прочувствованную речь. И вот Маяковский вдруг призывает уничтожить Рафаэля. Это процесс очень сложный, который еще ждет своих исследователей. Правда, Маяковский со временем «реабилитирует Рембрандта», но чего это ему стоило и через какой вой, визг и гам своих «друзей» пришлось ему пройти... Это коверкало, ломало жизнь.

Дейнека вздохнул и вдруг встал.

— Да, все не просто, очень не просто было.

В высоком летнем небе неспешно плыли облака. Белоснежные, громадные. Солнце зажгло цветы на полянах, будто сама радуга спустилась на землю. Мир природы, вечной, прекрасной, окружал нас. И вот в этот миг случилось то, чего я меньше всего ожидал, хотя знал Александра Александровича четверть века.

Дейнека начал читать стихи... Пушкина, Тютчева, Блока. На память. Читал долго, вдохновенно. Потом вдруг как будто увидел меня и, наверно, заметив мою ошалевшую от радостного удивления физиономию, подошел ко мне, и, сильной рукой подняв с земли, встряхнул, и хлопнул по спине.

— Ты знаешь, меня приучил к чтению стихов Маяковский! У него была феноменальная память. Он знал наизусть «Евгения Онегина», «Полтаву», «Медного всадника», почти всего Лермонтова, Некрасова, Блока... Когда не писал и не был чем-нибудь занят, то, гуляя или просто отдыхая, бормотал стихи. Он сочинял все время. Глядя на него со стороны, человек, его не знающий, мог подумать, что этот огромный, коротко стриженный дядя не совсем нормален.

Кстати.— Тут Дейнека усмехнулся.— Ты убежден, что все большие поэты, художники, композиторы всегда уж больно уравновешенны и нормальны... Но это записывать не надо.— И он снова рассмеялся.

— Юность — хорошая пора,— проговорил Дейнека.— Мы в эти годы были все немножко сумасшедшие. Била ключом энергия. Так хотелось все постичь. Все понять.

Моя юность — гражданская война. Чего только я не испытал в те буревые годы! Не раз впритык видел в глаза ту, кого в народе называют «курносой». Но тогда никто, и в том числе я, не думал о себе. Несмотря на голод, разруху, тиф, мы шагали, шагали, шагали... Вперед — в Завтра!

Так в ледяную стужу и в зной я, как и тысячи моих двадцатилетних сверстников, протопал с боями по полям России под «Левый марш» Маяковского. Нас провожали в путь и вдохновляли боевые марши, песни. Нас поднимали в бой «Окна РОСТА» Маяковского. Это было время незабываемое. Помню, как в Курске я и мои друзья выпускали свои первые «Окна РОСТА», пользуясь стихотворными подписями Маяковского. Его слова, чеканные, звонкие, заставляли нас напрягать наши кисти и карандаши, быть более меткими и острыми. Нам пришлось на ходу переучиваться и забывать провинциальные приемы. Это была большая школа.

Маяковский был со мною везде,— продолжал Александр Александрович.— Я носил с собою в кармане гимнастерки вырезки с его стихами из газет и журналов. Это были затрепанные, засаленные клочки бумаги. Но я сохранил их и берегу до сих пор с нежностью, как самое дорогое.

Многие стихи Маяковского я учил наизусть, и однажды, не знаю, какая нечистая сила вынесла меня на самодельную трибуну читать стихи моего любимого поэта.

Это был небольшой полустанок в степи. На фоне красных теплушек расположилась прямо на шпалах, на перроне толпа красноармейцев. Играла гармонь. Пели песни. Шум стоял великий.

Когда я вылез на дощатый помост, то вдруг, к ужасу, обнаружил, что у меня напрочь пропал голос — дыхание перехватило. Но я все-таки каким-то чудом пересилил волнение и прочел. Нет, прохрипел, прокричал «Левый марш» Маяковского.

Когда я начал читать, то заметил, что гармонь замолкла, а потом затихли песни, такова была сила стихов.

Я кончил словами:

Кто там шагает правой?
Левой!
Левой!
Левой!

Помню, после мига тишины оглушили меня аплодисменты и крики бойцов. Кто-то даже шмальнул в воздух из винтовки. Народ красноармейцы был веселый.

Так я чуть не стал оратором,— сказал Дейнека. Он поглядел на меня и спросил, улыбаясь: — Может быть, на сегодня хватит? Поехали!

Это был один из моих счастливых дней...

●

— Любопытное издание,— сказал как-то Дейнека, листая толстую книгу «Советское искусство за пятнадцать лет. Материалы и документация».

— Многое вспоминается, когда читаешь эти документы. Вот прочти, что говорили некоторые товарищи из окружения Маяковского о путях развития живописи. — Он передал мне книгу.

«Искусство так же опасно, как и религия. Если религия — опиум для народа, то искусство — угар. Религия держала массы в темноте и рабской покорности, когда господствующие классы эксплуатировали трудящихся. Искусство посягает на свободу раскрепостивших себя масс, увлекая их в чертоги прекрасного. Искусство пронизано самым реакционным идеализмом. Материалистичным оно быть не может...»

«...Укрепляется убеждение, что картина умирает, что она неразрывно связана с формами капиталистического строя, с его культурной идеологией, что в центр творческого внимания становится теперь ситец, что ситец и работа на ситец являются вершинами художественного труда.

Действительно, наше культурное творчество целиком основывается на целевой установке. Мы не мыслим себе культработы, которая не преследовала бы какой-либо определенной практической цели. Нам чужды понятия о «чистой науке», о «чистом искусстве», о «самоценных истинах и красотах». Мы практики, и в этом отличительная черта нашего культурного сознания.

В такое сознание станковая картина никак уместиться не может. Ее сила и значимость — в ее внеутилитарности, в том, что она не служит никакой другой цели, кроме цели услаждать, «ласкать глаз».

Все попытки обратить станковую картину в агиткартину бесплодны. И вовсе не потому, что не нашлось талантливого художника, а потому, что по существу дела это немыслимо.

Станковая картина рассчитана на длительное существование, на годы и даже столетия. Но какая агиттема выдержит такой срок? Какая агиткартина не устареет через месяц? А если в агиткартине устарела тема, то что в ней останется?..

Если верно, что станковая картина необходима для существования художественной культуры, что без нее художественная культура погибнет, то, разумеется, необходимо принять все меры к ее развитию и процветанию.

Но это неверно. Станковая картина не только не нужна современной, нашей художественной культуре, но является одним из самых сильных тормозов ее развития... Только те художники, которые раз навсегда порвали со станковым ремеслом, которые на деле признали производственную работу не только равноправным видом художественного труда, но единственно возможным, только такие художники могут продуктивно и с успехом браться за разрешение проблем сегодняшней художественной культуры... Надо, чтобы вся масса художественной молодежи поняла, что этот путь единственно верный, что именно по этому пути пойдет развитие художественной культуры... Художественная культура будущего создается на фабриках и заводах, а не в чердачных мастерских.

Пусть помнит об этом художественная молодежь, если не хочет преждевременно попасть в архив вместе с горделивыми станковистами».

— Все это кажется сегодня напыщенным и... наивным,— сказал Дейнека.— Если бы за этими выспренними пустыми словами не стояли деяния, от которых не по себе даже сегодня! Так, например, в Академии художеств в Ленинграде побили все слепки с антиков и даже уничтожили формы к ним. Я любил рисование и живопись, и в годы, когда выступали эти «философы», я писал свои первые картины. Наверное, я был прав. Потому что прошло полвека, и фамилии этих ниспровергателей станковой живописи напрочь забыты, а Рафаэль, Рембрандт, Суриков, Серов и другие великие мастера славятся поныне, невзирая на странные и все же продолжающиеся на иных землях и иных трибунах деяния.

●

В своей книге «Из моей рабочей практики» Дейнека рассказывал об истории создания мозаик в метро «Площадь Маяковского».

— Есть особая прелесть в начале проектировки, когда еще нет ничего, кроме белых планшетов, когда, согласуя форму с идеей, родятся, растут залы, становятся в ряд колонны, своды покрываются нержавеющей сталью. Вы мысленно видите пробегающие поезда, повторенные в зеркальных гранях гранитов и мраморов. Рождаясь, проект оживает на камнях, синьках, в чертежах, цифрах, образцах мраморов, марках стали. Увлекательно работать с архитектором-строителем.

Увлекательно по чертежам, цифрам делать эскизы для куполов, которых еще нет, набирать мозаику, которую еще некуда подвесить.

За шесть месяцев до открытия метро начались работы над эскизами, картонами, подборка смальты. Частями эскизы отправлялись в Ленинград в мозаичную мастерскую.

Мы с архитектором Душкиным спускались в шахту в обычной клети, знакомой шахтерам. Подземная вода поливала наши спецовки. В шахте стояли пыль, грохот, но можно было вчерне видеть очертания будущей станции и на глазок рассчитывать отходы, масштабы, определять силу цвета и пространственный характер мозаик. В одном мы сошлись с архитекторами: мозаики должны быть глубинные, над зрителем должно быть уходящее ввысь небо. Мозаикой надо пробить толщу земли в 40 метров. Пассажир должен забыть про колоссальные перекрытия, под которыми он находится. Ему должно быть легко и бодро в этом подземном дворце, по которому проносится, освежая лицо и шевеля волосы, мощная струя очищенного от пыли прохладного воздуха...

Все тридцать пять мозаик: от розовых утренних, через голубые дневные к красно-коричневым — вечера, темным — ночи,— не только по сюжетам, но и по живописному разбегу обобщены одной темой — сутки нашей Родины.

Изображение решалось принципами цвето-светотени: надо было ввести в плафоны как можно больше солнца, света. Золото и серебро я вводил не в фон, а в реальную окраску предмета. Проходя и обозревая плафон, зритель видит, как силуэт аэроплана начинает под известным углом блестеть серебром. Так же загораются на фоне ночного неба золотые часы Спасской башни. Блестит золото на бьющихся на ветру алых знаменах... Мозаики сияют, слегка поблескивая неполированными гранями смальты, создавая родство, единство с полировкой мраморов и острым блеском колонн из нержавеющей стали — стали, давшей основной тон всей станции. Отблески бегут по гофрировке колонн вверх, переходят в глубину плафонов. Плафоны поднимают, делают звонкой архитектуру...

●

И вот мы сегодня с Алексеем Николаевичем Душкиным на станции метро «Площадь Маяковского».

Моргнул зеленый глазок автомата у входа. Эскалатор. Вереница людей, плывущих навстречу. Последний шаг.

Дворец. Огромная, праздничная анфилада арок центрального нефа. Блеск нержавеющей стали. Сверкание плафонов. В глубоких овалах — мозаики Дейнеки.

Поют моторы в бирюзовом весеннем небе. Летят красногрудые самолеты. Плывут облака. Цветут яблони. Мерцает драгоценная смальта мозаик. И кажется мне, что в этом таинственном свете искусства, возродившем весну и радость глубоко под землей, звучат так же, как волшебные краски этих вечных картин, слова Маяковского:

«Надо мною небо. Синий шелк! Никогда не было так хорошо! Тучки-кочки переплыли летчики. Это летчики мои...»

— Мы задумывали,— словно догадавшись о моих мыслях, медленно говорит Алексей Николаевич,— развернуть в мозаиках некоторые строки поэта из поэмы «Хорошо!» и из других его творений.— Он почти кричит. Грохочут поезда.

«Время гудит телеграфной струной»,— вспоминаю я строки...

Звенят провода высоковольтной линии. Поблескивают алые изоляторы. Тянутся к небу стрелы кранов. Мощной колоннадой взметнулись ввысь домны — «Республика наша строится, дыбится».

— Нам хотелось донести в века пафос нашего времени,— говорит Душкин,— высокий накал стихов Маяковского. Долго искали, советовались, кого избрать автором мозаик. Мнения сошлись. Дейнека! И он создал шедевры. Работал яростно. Два дня — картон! Все делал сам! Это был мастер!

Цветут белоснежные цветы яблонь. Плывут белые корабли. Летят остроклылые чайки. Небо. Небо синее, голубое, бирюзовое, лазурное, розовое, золотое, фиолетовое, черное... Рассекают воздух самолеты-ястребки. Взмывает в лиловую высь стратостат. Распластался в полете веселый парень — парашютист. Бегут спортсмены. Взлетает над планкой прыгун. Движение. Полет.

Есть одна мозаика удивительная, поражающая.

...В черном небе, встреченный серебряными копьями прожекторов, бьется вражеский самолет... Мог ли думать автор мозаики, что через какие-нибудь четыре года, в 1941 году, именно здесь, на станции метро «Площадь Маяковского», глубоко под землей, в прифронтовой Москве, сотрясаемой боевыми тревогами, будет встречать страна светлый праздник Великого Октября? Едва ли... Такова драматургия истории.

...Наливаются соком спелые плоды. Зреют золотые густые хлеба. Вьется рубиновый флаг на комбайне. Льется песня по необъятной стране. Пионеры в алых галстуках запускают в золотое вечернее небо легкокрылые модели. Молодая мать бережно несет малыша. Ярко горит красная звезда на Спасской башне. Куранты бьют полдень. В высоком небе летит звено самолетов. Время великих свершений нашло свое выражение.

Я
планов наших
люблю громадьё,
размаха
шаги саженьи.
Я радуюсь
маршу,
которым идем
в работу
и в сраженья.

Поразительное ощущение песенной легкости, солнечного озарения, свежести и чистоты охватывает нас, когда мы глядим на мозаики Дейнеки и вспоминаем строки Маяковского.

И эти два великих голоса — поэта и художника — сливаются воедино в сияющий гимн радости бытия нашего сверкающего Сегодня:

Я
земной шар
чуть не весь
обошел,—
и жизнь
хороша,
и жить
хорошо.
А в нашей буче,
боевой, кипучей,—
и того лучше.

— Посмотрите на эти черные квадраты, по которым мы ходим! — прокричал мне сквозь грохот Душкин.— Ведь это «знаменитые» квадраты Малевича и его круга, бывшие тогда такими модными...

Я посмотрел на мраморный пол с геометрически выложенными плитами и невольно поднял глаза.

Надо мной сверкает живое весеннее небо. Куранты Кремля отсчитывают время.

Когда мы вышли из метро, нас встретил Маяковский. Бронзовый, огромный. Живее живых он шагал вместе с людьми. Шагал в Завтра... В высоком небе невидимый самолет чертил замысловатую белую параболу.

Сергей **ЮТКЕВИЧ**,
народный артист СССР

ПОЭТ-КИНЕМАТОГРАФИСТ

Маяковский — художник и человек — неотделим от кинематографа. Драматические моменты его биографии словно стоп-кадры, в которые всматриваешься с волнением и любовью. Его образам, его речи необходим огромный полиэкран, потому что печатная страница словно и не вмещает всего Маяковского: он рвется из нее, утверждая свои взгляды «силами собственных легких, мощностью, бодростью голоса».

Он не просто любил кинематограф,— он воспринимал его как нечто родственное себе. Кино было его искусством, еще одной — и крайне важной для него — формой выражения личности. Маяковский имел право сказать: «Для вас кино — зрелище. Для меня — почти миросозерцание».

Его мышление и в поэзии кинематографично. Он применил в поэтическом творчестве монтажный метод. «Наработав приблизительно почти все эти кирпичи (так Маяковский называл свои строфы), я начинаю их примерять, ставя то на одно, то на другое место, прислушиваясь, как они звучат, и стараясь представить себе производимое впечатление...»

Маяковский непосредственно работал в кино как сценарист и как актер... Какое же влияние оказали идеи Маяковского на современный кинематограф? На этот вопрос мы попросили ответить народного артиста СССР Сергея Иосифовича Юткевича.

— Для Маяковского кинематограф был видом искусства, равноправным поэзии. Он говорил: «Я хочу сделать свое слово проводником идей сегодня. Если у меня есть понимание, что миллионы обслуживаются кино, то я хочу внедрить свои поэтические способности и в кинематографию... ремесло сценариста и поэта в основе своей имеет одну и ту же сущность...».

Маяковский написал одиннадцать сценариев. Относился он к этой работе со всей серьезностью, много раз переделывая написанное. Так, например, существуют три редакции сценария «Как поживаете?..».

Пьесу «Клоп» Маяковский создал на основе киносценария «Позабудь про камин». В «Бане» использованы некоторые мотивы сценария «Товарищ Копытко, или Долой жир!»...

Сценариям Маяковского не повезло: были поставлены лишь некоторые из них и то неудачно... Ремесленники, в чьи руки попадали кинопроизведения Маяковского, не могли найти им адекватной кинематографической формы; они пытались упростить замысел поэта, устремленный в будущее, не в силах понять его киноработы, где все было изобретением, новаторством, столь же смелым и принципиальным, как и его стихи.

— В чем же суть новаторства Маяковского-кинематографиста!

— Маяковский обладал монтажным мышлением. Поэтому-то он так свободно обращался с пространством и временем. Кстати сказать, эта свобода — отличительная особенность именно современного искусства. На первый взгляд кажется, что монтажное мышление родилось вместе с кино, но это не так; оно существовало с самых давних пор, проявляясь и в литературе и в живописи. Кино же стало мощным стимулятором этой ценнейшей творческой способности.

Картины по своим сценариям Маяковский представлял в виде коллаж-фильмов, то есть лент, где сочетаются различные жанровые фактуры. Да и сценарии Маяковского построены на абсолютно современных приемах: в них широко использованы стоп-кадры, мультипликация, хроника...

Владимир Маяковский — огромная личность; именно человеческий масштаб поэта определил то, что его лирический герой впервые в истории киноискусства стал в центре кинопроизведения. Мы встретились с подобного рода картинами лишь в последние годы. Это, например, фильм «$8^1/_2$», где в образе кинорежиссера персонифицирован сам Феллини. Но само зарождение этой тенденции я вижу еще в первой трагедии поэта — «Владимир Маяковский»... В третьем варианте сценария «Как поживаете?» главный герой — тоже сам Маяковский.

Еще одна отличительная особенность кино Маяковского — метафоричность. Поэтические и кинематографические метафоры соседствуют во всех его сценариях. Приведу пример из сценария «Дети».

«99. Экран над папашей становится белым, и на нем мультипликацией веточка, вырастающая в огромную клюкву, под клюквой сам подымается стол, и контурный медведь волочит издали огромный самоварище».

Какая прелестная метафора! Какое издевательство над нелепыми представлениями иностранцев об СССР!

Можно привести и более сложные метафоры,— скажем, из первой редакции сценария «Как поживаете?».

«36. Муки творчества. 37. Комната наполняется летающими буквами. Человек ловит их карандашом, как кольца серсо, и с трудом срывающиеся буквы одну за другой укрепляет на бумагу. 37 а. Вентилятор вертится. 37 б. Вытяжная труба вытягивает отработанные рифмы: кровь — любовь, свобода — народа и др. 38. Человек доделывает лист, ставит подпись и встает довольный. 39. Это и есть «он от радости не чувствовал ног». 40. Человек с яркой надеждой свернул написанное трубочкой, перевязал ленточкой и спускается с лестницы, не касаясь ногами ступенек. 41. Человек идет по улице, делая огромные перелеты сложенными и недвигающимися ногами»...

Здесь, куда ни глянь — все хорошо и все необыкновенно! Кажется, что эти «огромные перелеты» мог увидеть только человек сегодняшнего дня, знакомый с современной рапидной, то есть замедленной, съемкой.

Не могу не привести еще один фрагмент, на этот раз из сценария «Позабудь про камин».

«209. Справа: мультипликационный грузчик с вылезающими изо рта буквами: «эй, ухнем» тащит непомерный груз. 210. Слева: работа огромного магнитного крана. 211. Справа: разбегающиеся от бабы свиньи. 212. Слева: длинный ряд кормленых свиней над уходящим в перспективу корытом. 213. Справа: гроздь висящих на подножке трамвая. 214. Слева: из ворот советского завода один за другим выбегают лентой новые совавтомобили».

Грузчик с буквами, вылетающими изо рта,— это современный комикс; два параллельных изобразительных ряда требуют полиэкрана, а это совсем уж современное изобретение! Поражает и невиданное в те годы свободное соединение мультипликации и хроники.

В этом отрывке живет не только кинематографическое, но и политическое, хозяйственное предвидение. Новый автозавод... Мне, например, видится в нем КамАЗ. И это всего в семи кадрах! Какой поразительный запас политической зоркости и кинематографической изобретательности! Да, в Маяковском органически сочетались политический художник и новатор.

— Какие виды кино больше всего ценил Маяковский!

— Хронику и мультипликацию. Из художественных лент, виденных им за границей, наибольшее впечатление произвели на него чаплинская «Парижанка» и «Одиночество» — американская картина, поставленная венгром Фейошем. В этой немой ленте рассказывается о двух молодых людях, страдающих в Нью-Йорке от одиночества; они встречаются в парке на Кони-Айленд, чувствуют, что созданы друг для друга, но их разлучает толпа. Героиня возвращается домой. Ставит пластинку, которая так нравилась им обоим, и вдруг бешеный стук в стену. Оказывается, герой жил в этом же доме, в соседней комнате... Отзвуки этого фильма можно заметить в незаконченном сценарии Маяковского, который он начал писать за границей: «Идеал и одеяло». В нем герой ищет идеал женщины, в итоге же оказывается, что этот идеал — та самая женщина, с которой он прожил всю жизнь и которую только что оставил... Маяковскому была близка и очень дорога тема поиска любви, человеческого понимания, ибо был он величайшим лириком.

— Какое влияние оказал Маяковский на Ваше творчество!

— Я до сих пор испытываю мощное воздействие его личности.

В январе 1922 года на диспуте в Доме печати Маяковский похвалил мои декорации к спектаклю «Хорошее отношение к лошадям». Именно тогда из его уст я впервые услышал свое имя с эстрады. Моя первая статья была опубликована в третьем номере журнала «ЛЕФ», который редактировал Маяковский. В те времена я видел его каждый день. Для нас, тогдашних молодых, он был любимейшим поэтом, и если в моей работе мне удавалось прикоснуться к творчеству Маяковского — это всегда было для меня счастьем... С режиссером Григорием Козинцевым мы еще в 1919 году пытались поставить и сыграть его трагедию «Владимир Маяковский». А в 1953 году я вместе с В. Н. Плучеком и Н. В. Петровым ставил «Баню» в Театре сатиры, а годом позже — «Клопа»; затем сделал одноименный мультипликационный фильм. Сейчас работаю над новым вариантом «Клопа»; в этом фильме будут и живые актеры, и куклы, и рисованная мультипликация — словом, это будет фильм-коллаж, ибо я в своей эстетике пытаюсь следовать заветам Маяковского.

Еще одна работа — лента «Барышня и хулиган». Ее мы восстановили вместе с редактором и автором новых надписей В. А. Катаняном по заказу Центрального телевидения. В этом фильме в роли хулигана снимался сам Маяковский. К сожалению, из трех картин, где он выступил как актер, уцелела лишь одна эта...

Зато все самые лучшие режиссерские находки принадлежат в этой ленте Маяковскому, так как режиссер-оператор Е. О. Славинский, по сути дела, был только оператором. В фильме есть отличные метафоры: на учительницу наступают пьяницы с буквами «Трактир» над головами; хулигану представляется его возлюбленная в трех лицах... Видимо, навеянное «Незнакомкой» Блока, возникает видение учительницы в трактире...

«Барышня и хулиган» сохранилась в хаотическом виде: перепутаны некоторые куски, исчезли все надписи, не всегда удовлетворительно и качество изображения. Моя работа заключалась в том, чтобы, не нарушая монтажного строя фильма, восстановить тот порядок, который был явно нарушен, найти места для надписей, которых у нас значительно меньше, чем, по всей вероятности, было в оригинале. Я применил здесь в наиболее важных эмоциональных моментах способ стоп-кадров, использовал крупные планы Маяковского.

Фильм нуждался и в музыке. Необходимо было преодолеть соблазн стилизовать ее под традиционный аккомпанемент, которым сопровождалось старое, немое кино. Мы пригласили композитора Юрия Буцко, который, на мой взгляд, отлично выполнил свою задачу.

«Барышня и хулиган» — это экранизация сентиментальной повести итальянского писателя Эдмондо д'Амичис.

Маяковский — вот что определяет наш сегодняшний интерес к этому фильму; телеэкран подарит миллионам людей возможность увидеть живого Маяковского.

...Маяковский и сегодня вместе с нами.

Я вспоминаю его слова на диспуте 15 октября 1927 года и ощущаю их как сегодняшние. Вот что Маяковский сказал тогда и что мы должны всегда помнить:

«Все картины, вся продукция Совкино будут сведены на нет, если мы не будем стараться поднимать художественную культуру нашего кинематографического дела».

Интервью провел А. БАТАШЕВ

СЕМЬЯ МАЯКОВСК

С семьи начинается путь человека в мир. Семья Маяковских была той замечательной основой, на которой вырос великий поэт современности Владимир Маяковский.

Мать Маяковского — Александра Алексеевна Маяковская... Память о ней живет не только потому, что на нее падает отблеск бессмертной славы ее сына: она сама по себе имеет право на общественное внимание, как человек редкой душевной красоты и благородства. Своего сына Володю Маяковского она воспитала Человеком в горьковском понимании этого слова.

Заслуженный учитель школы РСФСР Христофор Николаевич Ставраков, хорошо знавший семью Маяковских по кутаисскому периоду их жизни, отмечал, что А. А. Маяковская «сыграла большую роль в жизни и воспитании своих детей». «Она,— рассказывает Х. Н. Ставраков,— никогда не говорила повышенным или раздраженным голосом, всегда сохраняла спокойное и ласковое отношение к ним, а главное, у нее всегда с детьми была общность во взглядах на жизнь».

Общность взглядов родителей и детей — вот то главное, что бросается в глаза, когда знакомишься с биографией семьи Маяковских.

В течение всей своей жизни Александра Алексеевна провожала своего сына то в дальнюю дорогу, то на запрещенные самодержавием демонстрации и митинги, то в царские тюрьмы. Это была сильная мать. Она — и это вполне естественно для женщины-матери — боялась за жизнь своих детей, за их здоровье, но никогда не старалась отвлечь их и сама не отходила от необычайного по своей трудности пути в сторону тихого благополучия, помогала детям во всем и всем, что было в ее силах.

«Манифест ничего нового не принес»,— пишет она в 1905 году Людмиле, дочери, студентке Строгановского училища, зная о том, что ее дочь активно участвует в революционных событиях в Москве. Удивительная чистота во взглядах на жизнь, неуловимое изящество в мелочах гармонировали со всем обликом Александры Алексеевны. Дети были ее радостью и гордостью. Ей одинаково были ясны как внутренняя необходимость для них избранного революционного пути, так и общественное значение их работы. «Сегодня я все утро с Коргановыми (семья Г. Корганова, впоследствии одного из 26 бакинских комиссаров.— В. З., В. Б.) ходила по домам собирать на сходку,— пишет в Москву Оля Маяковская.— Я маме сказала, что я иду на сходку, и мама разрешила, это очень приятно».

Дети Александры Алексеевны пронесли к ней безграничную любовь через всю свою жизнь. Большой нежностью по отношению к матери проникнуты письма Владимира Маяковского. «Дорогая моя, милая и родная мамочка!» — так обычно начинал он свои письма, а заканчивал неизменно: «Целую Вас крепко, дорогая мамочка» или «Целую Вас, родная мамочка».

Двоюродный брат В. Маяковского Николай Васильевич Кириленко в своих неопубликованных воспоминаниях сообщает: «Когда по приезде в Кутаис я... впервые попал в дом Маяковских, то сразу же обратил внимание, что... Александра Алексеевна обращается к своей маме — Евдокии Никаноровне — на «вы». Помню, я даже спросил свою маму:

— Почему тетя Саша говорит своей маме — «вы»? Разве она ей чужая?— спросил я.

Моя мать мне ответила:

— У них в семье принято обращаться к родителям на «вы».

Впоследствии я понял, что в семье Владимира Константиновича (отец поэта.— **Авт.**) в обращении детей к родителям придерживались украинских традиций».

О духовной близости, постоянной трогательной заботе друг о друге ярко свидетельствует переписка членов семьи Маяковских. Читая их письма, поражаешься, насколько многообразен и широк был круг общественных интересов этой замечательной семьи, насколько высок был ее нравственный уровень. Переписка членов семьи Маяковских наполнена обаятельной простотой, благородной естественной скромностью.

Эти письма, бесспорно, послужат важным источником для изучения биографии Владимира Маяковского, его связей с эпохой, на дымящийся плацдарм которой без страха и оглядки уже на заре первой русской революции (1905—1907 годы) вступил Владимир Маяковский.

Все эти письма долгие годы любовно и бережно хранила Людмила Владимировна Маяковская. Часть из них она опубликовала в своих работах и воспоминаниях о брате. В последние годы Людмила Владимировна работала над новой книгой о поэте. По-видимому, туда должны были войти и выдержки из не публиковавшихся ранее писем родных, печатаемые здесь.

Л. В. Маяковская скончалась 12 сентября 1972 года. Незадолго до смерти, рассказывая о жизни брата, Людмила Владимировна часто зачитывала выдержки из семейных писем конца XIX — начала XX века. Один из авторов этих строк спросил:

— Людмила Владимировна, как вам удалось все это сохранить? Ведь вы не знали, что ваш брат будет великим поэтом.

— Я никогда не уничтожала материалов, касающихся моей семьи. Я считала это кощунством.

Пусть сами письма, которые печатаются в сокращении, расскажут об этой удивительной семье, давшей миру Владимира Владимировича Маяковского.

В. ЗВЕЗДИНОВ, В. БУБНОВ

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ в Тифлис, 29 сентября [1899 г.].

Милая и дорогая Людочка!

Очень рада, что ты здорова и дела твои идут хорошо. Старайся, учись внимательней, не бросай и рисование. В доме у нас все благополучно. Оля занимается, а Володя учится стрелять с большого ружья. Будь здорова и хорошо учись... Крепко целую тебя. Любящая тебя мама

А. Маяковская.

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ в Тифлис. Не датировано.

...Олечка теперь стала усердней заниматься, как послали прошение в заведение, а Володе я купила кубики-азбуку, и он учит буквы. Они тебя крепко целуют...

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ в Тифлис. Не датировано.

...Оля занимается, а Володя любит, чтоб ему рассказывали и читали сказки. Они тебя крепко целуют...

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ в Тифлис. Не датировано.

...В этом году опять назначен съезд лесничих в Кутаисе 6 марта, но неизвестно, сколько дней будет продолжаться. Нам придется жить в Кутаисе. В Багдади в этом году очень ранняя весна, очень тепло и цветут деревья, лес распускается. Володя теперь целые дни бегает и шалит, но учиться не хочет. Он тебя крепко целует...

В. К. МАЯКОВСКИЙ — Л. МАЯКОВСКОЙ из Багдади в Тифлис [1899 г.].

Дорогая дочурка Людочка!

Твое письмо мы получили, и я очень рад, что ты здорова и что твои дела идут сравнительно хорошо... Я буду очень рад, если Олечке разрешат держать экзамены в первый класс в мае, это страшно облегчит мои расходы, а тем более, что нужно скоро (одно слово неразборчиво.— В. З., В. Б.) взяться и за Володю, а ты знаешь — как трудно в Багдади достать учителя... Будь же здорова, занимайся хорошо и пиши поскорей. Целую тебя.

Остаюсь любящий отец

В. Маяк.*

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ в Тифлис, 18 октября [1899 г.].

...Я все думаю о вас и скучно мне. Не с кем говорить, то хоть Оля около меня была, щебетала, иногда рассмешит. Володя, как мальчик, все больше около мужчин в кухне проводит время, то с одним объездчиком поговорит, то с другим...

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ из Кутаиси в Тифлис. Не датировано.

...Я начинаю понемногу привыкать к жизни и обстановке в Кутаисе. Что делать, нужно потерпеть и этим принести пользу Володе. Он учится с желанием, читает довольно хорошо, арифметика тоже дается ему ничего, но пишет пока плохо, не может справиться с пером и чернилом, но и к этому скоро привыкнет...

В. К. МАЯКОВСКИЙ — Л. МАЯКОВСКОЙ из Багдади в Тифлис, 1900 г.

...Я живу помаленьку, хотя и грустно одному. Но что делать, когда требует того воспитание Володички. Вот недалеко праздник, и я приеду за вами и проведем несколько счастливых дней в нашем скромном уголке. Занимайся, занимайся хорошо, и чечевичная похлебка здесь будет приятна...

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ в Тифлис, 10 октября 1900 г.

Милая и дорогая Людочка!

Письмо твое получила. Очень приятно, что ты теперь здорова и ученье твое идет хорошо, но досадно, что Оля учится не особенно хорошо. Она так много отдыхала и немаленькая.

Володя учится с большой охотой и получает хорошие отметки...

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ — Л. МАЯКОВСКОЙ из Кутаиси в Москву [1902 г.].

Дорогая Люда!

Как ты поживаешь? Я здоров и учусь хорошо. Я, Нина Александровна и Оля ходили гулять на Архиерейскую гору и собрали немного фиалок. У нас сильный ветер, а деревья цветут. Целую тебя.

Твой брат Володя.

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ из Кутаиси в Москву. Не датировано.

...Здесь хотя еще и тепло, но нужно приготовиться к зиме. Теперь я шью Оле, Володе и Косте. Работы всегда много. В доме у нас все идет монотонно. Только один Володя все суетится и горячится...

В. К. МАЯКОВСКИЙ — Л. МАЯКОВСКОЙ из Кутаиси в Москву, январь 1905 г.

...Как же я теперь провожу время? Я скажу на этот вопрос так: как с тобой, когда ты была ученицей VI и VII класса, т. е. хожу с Олей и Володей то на елки, то в клубы на так называемые ученические вечера, чтобы тем дать возможность усталой молодежи смело, после двух четвертей труда, снова с радостью взяться за работу...

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ — Л. МАЯКОВСКОЙ из Кутаиси в Москву, 2 февраля 1905 г.

Дорогая Люда! Как ты поживаешь?.. Я на несколько дней ездил в Багдади, потому что, по выражению местных грузинов, у нас в Кутаисе был «пунти». В Багдади нет ничего нового. Я пошел в город, и мне случайно нужно было проходить через бульвар и встретил двух барышень, одна из них была гимназистка, может быть, поддельная. Она заметила вслух, что куда это я только могу торопиться, и что думается, что у меня много дела. Я ответил, что и мне тоже думается, что у гимназиста должно быть больше дела, чем у уличных певиц, так сказал, а потому, что они что-то напевали. Я купил спиртовую лампочку и учусь выжигать. Пиши чаще. Прости за ошибки. Целую тебя крепко. Любящий тебя твой брат Володя.

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ из Кутаиси в Москву, 7 февраля 1905 г.

Дорогая Людочка!

Все это время я была в тревожном состоянии и не могла написать тебе письма. Наш Кутаис наружно затих, но, может быть, это затишье перед бурей. В женской гимназии занятия начались спокойно, но в мужской хотя и начали заниматься, но волнения происходят...

О. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ из Кутаиси в Москву [1905 г.].

Дорогая Людочка!

Сегодня я получила от тебя письмо, а также и карточку... Что у вас нового в Москве? Начались ли у вас в училище занятия? У нас в гимназии ученицы составили кружки с.-демократок и с.-революционерок и с ними занимаются пропагандисты. Я тоже примкнула к одному из таких кружков учениц 6 класса. И с нами занимается студент Цинцадзе, с.-демократ. Он все объясняет очень хорошо и понятно. Сейчас мы проходим «Труд и капитал», а потом будем разбирать «Экономические беседы» Карышева, если тебе не трудно, то привези или пришли мне эти книги. Они, кажется, стоят 25 коп. обе. Во всем Кутаисе нет этих книг. Я маме говорила, что я занимаюсь в кружке, и мама ничего не имеет против, и я очень рада. Мы в неделю два ра-

* Впоследствии такие сокращения фамилии делал и сын — Владимир Маяковский.— В. З., В. Б.

ИХ В ПЕРЕПИСКЕ

за собираемся у одной из этих учениц. Вчера днем я с Володей была в театре. Какой-то приезжий русский читал «Что такое политическая свобода». Он читал очень хорошо, и я все поняла. Ученические места были по десяти копеек, так что все учащиеся были в состоянии слушать...

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ
из Кутаиси в Москву, сентябрь 1905 г.

...Как идут твои занятия и что творится в Москве? У нас здесь какой-то переполох. Ежедневно прибывают войска из России: сегодня пришла артиллерия, и делается как-то жутко на душе. Что произойдет здесь, задаешь себе вопрос. Из газет видно, что это приготовляется для усмирения Кавказа, а какое усмирение будет, один бог знает.

Будут ли здесь занятия — тоже пока неизвестно. То говорили 15-го начнутся, а теперь откладывают до 1 октября. Оля довольно хорошо сдала экзамены, а у Володи все еще продолжаются...

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ
из Кутаиси в Москву, 1 ноября [1905 г.].

Милая и дорогая Людочка!

Наконец-то после долгого ожидания получили от тебя два письма и открытку. Сильно болело сердце за это время, когда все сообщения прекратились и лишь изредка долетали ужасные слухи о происшествиях в Москве и других городах.

...Газеты подтвердили это. Да, Людочка, теперь не скоро все успокоится. Я тоже думала, что с появлением манифеста станет покойнее. Его так долго сочиняли и ничего дельного не вышло, и теперь будет сильная борьба. Здесь тоже вооружаются, к нам приходили за оружием. Теперь занятий не будет и немыслимы... при таких волнениях. Здесь тоже нет занятий, да и опасно пускать в гимназию. Слышала ли ты, что произошло в Тифлисе в первой гимназии? Там перестреляли много гимназистов, даже маленьких не пожалели.

Похороны Баумана произвели сильное впечатление... Человек гибнет от человека, да еще умный от глупого. Когда же наконец осознают это и таких смертей не будет...

Я очень, Людочка, не покойна за тебя, тем более, ты часто бываешь на митингах...

В Кутаисе на бульваре ораторы говорили речи по поводу манифеста. Оля и Володя ходили слушать, но обошлось тихо, без казаков... А в Гурии сильное столкновение с войсками. Теперь в России льется больше крови, чем в Манчжурии...

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ
из Кутаиси в Москву, 12 ноября [1905 г.].

Дорогая Людочка!

Карточку твою получила. Благодарю за нее. Ты как-то изменилась. На этой карточке лицо как будто круглей и серьезный вид. Мы ей довольны будем — воспоминание о твоем пребывании в Москве... Что делают с учащимися — это одни ужасы. Когда я читала о бесчинствах над учащимися в Одессе, то замирало сердце и стыла кровь: я боюсь за детей.

Оля занимается в гимназии, а Володя только бегает на сходки. Сейчас тоже побежал в гимназию, несмотря что уже вечер. Он присоединился к группе шестиклассников. К ним приходит студент и читает им новые книги. Володя очень этим интересуется. Он у нас большак, сильно идет вперед и удержать не могу...

О. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ
из Кутаиси в Москву [1905 г.].

...Вчера представительницы из каждого класса беседовали с инспектором насчет наших требований. Из нашего класса все без исключения захотели выбрать меня. И мне вместе с другими старшими представительницами пришлось восседать в зале и передавать мнение всего класса. Штельцер была в полной уверенности, что класс выберет ее. Но, когда выбрали меня, Штельцер также подала голос за меня и сказала, что если бы ее выбрали, она все равно бы отказалась. Нашли, что я самая смелая из класса и что не перетрушу перед инспектором. Из русских представительниц только я одна. Конечно, в каждом классе больше грузинок и больше голосов за свою грузинку. А меня выбрали большинство грузинок.

Что у Вас нового в Москве?

Мы сегодня потребовали отслужить панихиду по Трубецкому, а также и по убитым в Тифлисе.

У нас теперь какой-то новый священник, который в церкви прочел чудную, свободную речь относительно Трубецкого. Он говорил: «Погиб представитель всего образованного передового народа, который шел с знаменем с надписью «Вперед!». Но он воскреснет, когда исполнится его желание:

Да здравствует доверие!
Да здравствует свобода!
Да здравствует обновленная Россия!»

Он еще много говорил, но я всего подробно не помню.

В мужской гимназии тоже потребовали отслужить панихиду, после которой они [гимназисты] в церкви же стали петь «Вы жертвою пали...». Теперь мужская гимназия закрыта на время...

Вот наши гимназические новости. Что же у вас в училище нового?..

Сегодня суббота, и мы ожидаем папу...

Целую тебя крепко.

Твоя сестра Оля.

А. А. МАЯКОВСКАЯ — Л. МАЯКОВСКОЙ
Из Кутаиси в Москву, декабрь [1905 г.].

Дорогая Людочка!

В Москве опять большие беспорядки. Я недавно [об этом] прочла в газете и сильно расстроилась: боюсь за тебя. Готовится сильное волнение, и оно, вероятно, начнется с Москвы как центра.

Занятия хотя и начались, но очень вяло, да и то, как видно, скоро прекратятся. Теперь нужно вносить деньги по этому поводу. Все классы, за исключением немногих, подали заявление с требованием уменьшения платы, но если этого не сделают, то начнутся забастовки...

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ — О. МАЯКОВСКОЙ

Дорогая Оля.

Только что получил твое письмо и спешу ответить, не то после не соберусь. Большое спасибо за поздравление. День своего рождения провел хорошо, только на другой день вспомнил о нем. Ты пишешь, что хорошо проводишь время,— рад за тебя, я же сижу дома или что-нибудь читаю, или же учу уроки и ругаю бога за вавилонское столпотворение. Захотелось ему башню разрушить, он и перемешал языки, а я за него страдай и учи уроки, совсем у бога логики нет! У Медведевых время провел так, как и вообще у них проводил: ел, пил, спал, купался, гулял, читал и изредка занимался. Вчера получил письмо от Миши Ставракова. Пишет, что зимою приедут все три брата, и спрашивает у нас комнату. Дункель перешли куда-то, я с ними после твоего отъезда виделся только раз. Люда сейчас в Петровско-Разумовском, на днях едет к Медведевым. У нас погода дрянь: пойти никуда нельзя, двадцать раз в день меняется, в этом отношении я тебе завидую. Ну, пока больше не о чем писать. Пиши, приезжай.

До свидания.

Целую тебя крепко.

Твой брат Володя.

4/VII-1907 г.

Л. МАЯКОВСКАЯ — О. МАЯКОВСКОЙ
Москва [1907 г.].

Дорогая Оля!

Ты теперь пишешь реже, очевидно, у тебя нет марок. Мы, собственно говоря, не пишем именно по этой причине. У меня лежат письма, и не могла до сих пор послать... Ты и я видим совершенно противоположные жизни: у тебя перед глазами все сытые люди, с их интересами еще насытиться и обобрать кого-нибудь, а у меня перед глазами все голодные, которым в большинстве случаев и жить негде. Все это люди, которых беззастенчиво надувают и обдирают. Не буду писать больше на эту печальную и большую тему, пусть хоть ты, пока тебе живется ничего, отдохнешь и поживешь вволю. Тебе еще придется самой посмотреть на все это... Тут Володя еще заболел. Сейчас он поправился и вследствие своего характера не признает никого и ничего, уже выходит, уже собирается ехать на днях к Медведевым. С ним просто беда — упрям и настойчив, нельзя говорить...

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ — А. А., Л. и О. МАЯКОВСКИМ
Петроград [начало 1919 г.].

Дорогие мои мамочка, Людочка и Олечка!

Простите меня, пожалуйста, что я до сих пор не писал. Причина, во-первых, общая — мое всегдашнее ленивое отношение к писанию писем, во-вторых, я все время собирался выехать к вам сам, но сейчас на железных дорогах никто не может ездить, кроме шпротов, привыкших к такой упаковке. А так как я ваш сын и брат не шпрот, то и сами понимаете.

Поздравляю Вас с рождеством и двумя годами сразу. Желаю вам первой категории неуплотнения и прочих благ.

Я здесь работаю массу, здоров и вообще не жалуюсь. Пишите. Целую вас всех, надеюсь скоро увидеться.

Любящий вас
Ваш Володя.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ — А. А. МАЯКОВСКОЙ
Ялта, 15 июля 1926 г.

Дорогая моя милая и родная мамочка!

Видите, какой у Вас хороший сын: всем вообще не пишет, некоторым пишет, но на маленьких листочках, а Вам на большом во весь разворот. Меня очень беспокоит, что Вы летом без дачи и без отдыха.

В Одессе я заходил к Мише Киселеву. Он просил Вам передать, что рад был бы видеть вас, и Олю и Люду в Одессе.

Как Вы смотрите на это дело? Не поехать ли Вам недели на две? В свою очередь у Миши будет отпуск к августу — сентябрю, и я его звал в Москву.

Я живу обыкновенно. Немного работаю — читаю лекции, пишу, а в промежутках стараюсь здороветь, загорать и полнеть на радость моей милой и любимой мамочке.

Надеюсь недели через две, через три быть в Москве, а то без меня дела, должно быть, никак не двигаются.

Дорогая мамочка, черкните мне —

Ялта, гостиница «Россия».

Целую очень Людочку и Олечку и поздравляю Олечку со всеми праздниками, которые приходятся на именинный и рожденный июль месяц.

Целую Вас крепко, дорогая мамочка.

Любящий Вас ваш Володя.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ — А. А. МАЯКОВСКОЙ
Новочеркасск, 27 ноября 1927 г.

Дорогая, милая и родная мамочка.

Вы самая хорошая и добрая мама на целом свете, и поэтому, конечно, уже на меня не сердитесь за то, что я не сумел зайти перед отъездом. Я уехал страшно неожиданно, а так как было воскресенье, то нельзя было вызвать такси — все киоски по воскресеньям заперты. Словом, я бежал на поезд прямо с лефовского заседания, прожевывая фразу по дороге...

Сейчас пишу из Новочеркасска. Через час еду в Ростов, а из Ростова рассчитываю на Кавказ — в Тифлис, а может быть, даже в Кутаис.

В Москву приеду в 20-х числах декабря, побреюсь и сразу прибуду к вам.

Рад, что еду в теплоту,— по возможности, отдыхаю и насыщаюсь, чтоб предстать перед Ваши глаза красивым розовощеким юношей.

Целую Вас, родная мамочка.

Поцелуйте Люду и Олю.

Ваш весь Вол.

. . . .

О. В. МАЯКОВСКАЯ — М. КИСЕЛЕВОЙ, В. и К. АГАЧЕВЫМ
Москва 1930 г.

Дорогие тетя Маня, Верочка и Костя!

...Нет слов описать пережитого нами горя, которое мы все чувствуем ежедневно. Все это так неожиданно и невероятно, что иногда думаешь, что это неправда, и что наш милый, любимый Володя уехал куда-нибудь надолго, а что совсем нигде его нет — это не вмещается в нашем мозгу...

Я была у Володи дня за четыре. Поехала к нему со службы. Обедала у него, он был ужасно ласковый и внимательный...

Я приехала домой... радостная, рассказала дома и утешила маму, что Володя совсем здоров и веселый, и не знала, что я его видела тогда последний раз.

12-го я с ним говорила по телефону... Володя мне наказал придти к нему в понедельник 14-го, и, уходя из дома утром, я сказала, что со службы зайду к Володе. Этот разговор 12-го числа был последний...

И вот 14-го я была у него... Я знаю, что нет еще слов, которые бы выражали наше горе и тоску... Мама очень страдает, что несмотря на все Володе так тяжело жилось.

Мы с утра до вечера говорим о Володе. Ежедневно у нас бывают друзья, Москва очень любила Володины выступления, ломилась стеной на его вечера, а потому и провожало его [такое] количество народа.

* * *

Алексей Толстой очень верно сказал, что «у великих людей не две даты их бытия в истории — рождение и смерть, а только одна дата: их рождение».

Таким человеком был, есть и остается Владимир Маяковский.

ДАЛЬНЯЯ ПОЕЗ

Майя ГАНИНА

РАССКАЗ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

6

В есь день до отбоя толкалась она в казарме, потом жена майора позвала ее к себе ужинать. Майорова жена, толстая и на вид пожилая женщина, была, как она уже знала, с тридцать первого года, а майор с двадцать девятого. Она вспомнила, как двадцать пять дней назад они с Митей гуляли в Сокольниках, собираясь пойти на концерт цыганского хора, и как кто-то сказал про них: «Славная какая пара: оба молоденькие, красивые...» Майор, который старше Мити всего на два года, годился бы по виду ему в отцы. Походя она взглянула в висевшее на стене зеркало и усмехнулась: ей он в отцы уже не годился...

У майора было двое детей: двенадцатилетняя дочка и шестилетний сын. За ужином ребятишки глядели на гостью во все глаза, потом Валера сел рядом на диван и тихо, но настойчиво показывал ей свои книжки. Хозяева все расспрашивали ее про Москву, видно, посторонние люди попадали сюда не часто, и им тут бывали рады.

Она спросила про цунами, ей сказали, что иногда дают по радио предупреждение, и все бегут с вещами на холм, называемый Машкин пуп.

Тогда она, решившись, рассказала про встреченных двух — в красных свитерах, опасливо ожидая увидеть на лицах изумление, но все за столом засмеялись, а жена майора объяснила, что это рыбаки, отставшие от крабозавода, тащили в мешках бражку «медок», которую наварила местная хлебопекарня из испорченных «подушечек». И что мешки эти здесь вообще в ходу, зимой в пургу в них даже детей в детский сад носят, чтобы не обморозились.

— Я вот нашего Валеру в таком таскал,— сказал майор, и Валера засмеялся, кладя длинноглазую мордашку на тыльную сторону ладоней,— только дырки теперь мы в них прорезаем: тут зимой женщина везла ребенка в больницу в мешке, а он задохнулся.

У нее перехватило горло, и, чтобы не заплакать на людях, она поднялась и сказала, что, пожалуй, пойдет спать.

Дома, вернее, в квартире замполита, были вымыты полы, горели угли в плите, постель была застлана чистым бельем, а когда, уже собравшись ложиться, она достала из рюкзака пижаму, постучал солдат, принес чайник с горячим чаем и ведро воды умыться, спросил, не нужно ли чего-нибудь еще. Солдат был совсем мальчишка, курносый и свежелицый, она улыбнулась ему, снова едва сдерживая слезы.

Ночью она опять не могла уснуть, поднявшись со светом, пошла на заставу и, увидев наряд, уходивший на границу, попросилась с ними. Лейтенант, заместитель по боевой части, отправлявший наряд, разрешил ей пойти и дал ей свою ватную куртку, потому что на воле по-прежнему шел снег.

Солдаты двигались не быстро, осматривая берег, она тащилась следом, чувствуя тело словно бы избитым и обессиленным, и было ей непрочно, оттого что слева вскидывался и летел на отмель грязно-коричневый — короткий,— ибо коричневое небо, упав, закрыло горизонт—океан. Видимость вообще была плохая, после она так и не могла сообразить, что за места они проходили.

Первую, перерезавшую побережье речушку они перебрели, вторую перешли по бревнышкам — солдаты заботливо держали ее за руки,— через третью, широкую речку мост был висячий. Поглядев, как просто перебежал на другую сторону первый солдат, она ступила следом за вторым на подавшийся под ногой мостик, взглянула вниз, где белая вода, высоко поднявшись, ворочала валуны, и попятилась.

— Ничего, ребята,— закричала она,— идите, я вас сейчас догоню!

Ей было стыдно их задерживать, и она быстро пошла по течению речки к океану: там, возле устья, вода растекалась по песку вроде бы спокойно и неглубоко. Ступила в реку и зашагала на ту сторону, как вдруг остановилась, сопротивляясь бешеному ледяному течению. Делала шаг и еще шаг, но чувствовала, что ее сталкивает все ближе туда, где грохочут и волокут камни океанские волны. Тогда она покорно остановилась и расслабилась, но тут ее схватили за руку, она увидела старшего лейтенанта, он тоже зашел в реку по пояс и теперь вел ее за собой. Когда они вышли на другой берег, он посмотрел на нее растерянными, испуганными глазами, а она сказала:

— Простите, вы из-за меня вымокли.

— Только не говорите никому, не положено это. Вас могло в океан снести.

Она чувствовала себя виноватой и, кое-как отжавшись, пошла дальше: наряд должен был еще «доследовать» километров пять. Как она будет переходить речку обратно, женщина не представляла совершенно, но старший наряда взвалил ее на плечо, точно бревно, и перешел с ней по висячему мостику. «В цирке бы вам работать»,— сказала она смущенно. «После армии — хоть куда!» — отвечал солдат.

Придя домой, она напилась горячего чаю, развесила сушить брюки, носки и белье, а когда Валера прибежал звать ее обедать, сказала, что хочет лечь спать, потому что очень устала с отвычки ходить так далеко.

Она заболела. Она поняла это ночью, почувствовав, что ее трясет, хотя в комнате жарко, и больно сводит что-то в спине, вернее, в крестце. Боль спустилась сзади по ногам, поднялась к пояснице, разлилась — она уже не могла терпеть, вертелась на койке, ложась то на живот, то на бок, подгибая ноги, пытаясь угреться, утишить боль, угнездиться удобнее. Наконец ей стало жарко, пижама и простыня повлажнели от пота, боль отпустила, она забылась. Под утро ее снова стал трясти озноб и снова поползла боль от крестца к ногам и выше, по спине. Она поднялась, дрожа так, что стучали зубы и произносился какой-то противненький звук: «Ва-вя-вя...» Надела высохшие шерстяные носки, свитер, обернула поясницу шерстяным платком, подвинула койку к плите, прижалась спиной к ее горячему боку. Угрелась немного, озноб бил меньше, только сердце колотилось так часто, что она не успевала вздыхать. Скоро она почувствовала, что снова поднялась температура, очень хочется пить. Пересиливая слабость и дрожь в руках, она налила горячей воды из чайника и, приподнимаясь на постели, хлебнула. Еле успела сунуть кружку на плиту, ткнулась бессильно лицом в подушку и лежала, слушая ставшие вдруг редкими гулкие удары сердца.

Подумала вяло и облегченно, что теперь уже точно умирает, и, подавляя поднимающуюся несильную тошноту, стала вспоминать.

7

Раз или два в месяц Митя приезжал в Москву по делам дня на два, на три. И эти два-три дня с шести вечера до половины двенадцатого он оставался у нее, а в двенадцать он должен был звонить из гостиницы домой. Они не обсуждали этот порядок. Впрочем, позвонив домой, он звонил ей — она могла утешиться этим.

Отметив полугодие, они удивленно признались друг другу, что связь эта долговато затянулась. Оба сначала искренне думали, что дальше одной-двух встреч дело не пойдет. Теперь невмоготу уже было не видеться по месяцу. Однажды Митя позвонил ей: «Ты можешь прийти завтра в шесть утра на Киевский вокзал? Только не огорчайся, я буду в Москве всего час». Конечно, она прибежала к шестичасовому экспрессу, но стояла в сторонке, ждала, пока Митя сам подойдет к ней: с этим поездом могло ехать достаточно его знакомых. Он действительно вышел позже всех, подошел сзади, тесно взял ее под руку, прижался лбом к виску: «Здравствуй. Прости, что я так рано тебя поднял. Но я хотел тебя видеть... Пойдем, мне на восьмичасовой самолет нужно не опоздать. Ты проводишь меня немного?» Она поехала с ним во Внуково и долго не могла поверить, что никаких дел в Москве у него нет, просто он хотел ее увидеть, а к одиннадцати он должен быть в Киеве, на совещании...

Митя теперь звонил ей каждый вечер в десять часов, благо с Киевом была налажена автоматическая связь, и она с легким сердцем пренебрегала всем, что могло бы ей помешать быть в это время у своего телефона.

Они говорили друг другу по телефону разные нежные слова и писали друг другу в письмах эти слова, и она замечала с удивлением теперь, что меньше интересуется работой, потеряла честолюбие и что не только не может заставить себя додумывать дома свои производственные сложности, но и на работе часто думает о Митином последнем письме, а не о чертеже, наколотом на доску. Митя как-то шутя пожаловался ей, что голова у него стала работать хуже, что он утратил «иллюзию цели», работает вполсилы, «потому что нету минуты в сутках, когда бы я не думал о тебе». Сначала им казалось, что это временно и потом все пойдет спокойней, но спокойней не становилось. К тому же дома у Мити стали что-то подозревать, начались ссоры. Обсудив все между собой, они пришли к горькому выводу, что придется расстаться, потому что все-таки они не мальчик и девочка, надо серьезно работать, а не заниматься глупостями.

Она уехала в отпуск на острова в Эстонию со своей обычной компанией, в этом году к ним примкнул еще подполковник в отставке. Правда, было ему уже сорок восемь, но по живости, веселости и умению ориентироваться в трудной обстановке он мог дать сто очков фору молодым. К концу их хождений он в нее серьезно влюбился, она кокетничала с ним довольно вяло, удивлялась себе: «Стареем, мать!» Обменялись телефонами, адресами, он позвонил ей на следующий же день, как вернулись в Москву, но она сказала, что он не туда попал, бросила трубку и больше не подходила к телефону. Было воскресенье, она делала генеральную уборку и волей-неволей вспоминала, как в этом кресле сиживал Митя, пил чай, как она садилась возле его ног на маленькой скамеечке и клала ему голову на колени. В общем, вспомнить было что, она мыла полы, окна, двери и плакала злыми слезами.

Окончание. См. «Огонек» № 28.

ДКА

В дверь позвонили. Думая, что это почтальон, она побежала открывать. Там стоял Митя. Она была в шортах, с грязными руками, растрепанная, ненакрашенная. «Ты что же не подходишь к телефону?» Она не ответила, он прошел, сел, оглянувшись вокруг, словно не веря, что тут нет никого третьего. Он загорел и похудел еще, волосы выгорели, слабо вились над большим лбом, глаза тоже словно бы выгорели, стали совсем светлыми. «Понимаешь,— сказал он, смешно разводя руками,— я не могу без тебя».

Спустя неделю он позвонил ей: «Возьми хоть дня три за свой счет, приезжай в Киев. Я так запарился, что скоро не вырвусь. И потом мне хочется походить с тобой по Киеву, такая хорошая осень стоит...» Ей дали три дня без всяких разговоров: за восемнадцать лет работы она ни разу не попросила дня за свой счет, не ушла на час раньше.

Митя встретил ее с шестичасовым экспрессом, отвез в гостиницу, потом они пошли погулять. Доехали до университета на такси, спустились к памятнику Шевченко, прошлись по мокрому после утренней поливки, скрипящему песку, красные цветы вокруг памятника свежо и грубо пахли. Митя улыбнулся, обнял ее за плечи, вздохнул. Они постояли так, у нее было неспокойное чувство нереальности, невозможности этого утра. Доехали до Софии, ворота были открыты, и они бродили по пустому, заросшему травой двору, солнце уже светило сильно, купола сверкали, с каштанов медленно летели желто-зеленые листья, падали колючие плоды.

Прохожая старуха что-то спросила Митю, он ответил тоже по-украински. А с ней произошла мгновенная смешная перестройка: словно бы Митя отдалился от нее, но и стал дороже. Когда при ней люди иной национальности разговаривали на своем языке, в ней вдруг поднимался некий почтительный страх. Собственно, и на самом деле это была величайшая тайна — язык. Многажды объясненный, он оставался непостижимым, подобный гигантской молекуле, вобравшей в свои членики историю племени, он связывал начало с продолжением, с концом.

«Говори со мной по-украински»,— попросила она Митю. «Зачем? Я же русский». «Тебе идет говорить по-украински». «Не болтай глупостей». Он нахмурился. Вообще здесь он выглядел как бы взрослее, увереннее. Видно, в Москве его все-таки придавливала масса дел, которые необходимо было провертывать за короткий срок. Тут он неуловимо изменился, он нравился ей таким.

Они позавтракали в кафе, и он ушел на работу, оставив ее бродить по Киеву. Она посмотрела вслед, как он уходил: чуть ссутулясь, чуть подавшись вперед, косо задевая правым каблуком мостовую. И вдруг словно бы озарение вспыхнуло в ее мозгу: она уже видела однажды, как точно так же, торопясь головой и плечами, уходил от нее мужчина. Это был ее отец. Она ясно увидела свой двор, еще не снесенную церковь во дворе, себя на куче песка с ведерком и лопаткой и отца, уходящего в ворота. Ей тогда было два года, лица его она не помнила, не осталось даже фотографии.

Весь день она прошаталась по Киеву, перед вечером зашла на рынок, купила груш и винограду, потом в гастрономе купила бутылку красного сухого вина, колбасы, сыру и круглый вкусный хлеб. Пришла к себе в номер, приняла душ и стала ждать Митю: все могло случиться, все могло помешать ему прийти. Но он пришел в шесть, прямо с работы, снял

пиджак, повесил на стул, закатал рукава у рубашки, снял пыльные туфли и подошел в носках к окну взять штопор, чтобы открыть бутылку. Открыл, сел в кресло, поднял на нее глаза, улыбнулся. И тут ее тихо пронзило желание быть с этим человеком вместе всегда. Почему это случилось именно здесь? Дома за прошедший год она ни разу не подумала об этом, возможно, там была своя, привычная обстановка, и каждый, кто туда приходил, естественно, должен был уйти. Там насовсем ей никто не был нужен — это само собой разумелось. Расставшись с мужем, она почувствовала облегчение, потому что, кроме всего, с нее сваливалось три четверти тягостных обязанностей, освобождая время для работы. Не надо уже было морочить голову готовкой, беготней по магазинам, не надо было стирать носки, трусы и рубашки. Сама она хорошо обходилась столовой и вечерним чаем, а постирушек после сдачи белья в прачечную оставалось немного. Она искренне считала, что создана для одинокой жизни, за время тех ее двух прекрасных связей к ней и не залетала мысль о замужестве, а сейчас она сидела, держа в руке стакан с вином, глядела на молодого, вроде бы вполне чужого мужчину и допотопно мечтала о браке.

Митя потянулся поцеловать ее, и она, застонав от нежности, прижалась лицом к его щеке. Никто, самый умный, самый сведущий, не мог, как и во времена царя Соломона, объяснить им, почему из нескольких тысяч людей, которых знали, выбрали они друг друга.

В тот свой приезд она попросила его показать ей детей: это тоже жило в ней, как боль,— увидеть его плоть и кровь, дотронуться до них, приласкать. Он привел младшего сына и дочку в парк, сел на скамейку, на которой сидела она, поддал ногой мячик, который держал сын, и тот, залившись смехом, побежал за ним на газон. Девочка попрыгала немножко, потом села рядом с отцом, прислонилась головой к его плечу и стала смотреть на тетю, сидевшую на скамейке. И девочка и сын были похожи на Митю: голубоглазые, светловолосые, тонкокостные. Это могли бы быть их дети, и тогда все проблемы были бы сняты...

Прошлой осенью они взяли отпуск вместе и поехали на Иссык-Куль. Им разрешили поселиться в санатории, хотя официально он был уже закрыт: кончился сезон. Столовая не работала, но в дачке, где их поселили, была газовая плита, была всякая посуда, и она готовила каждый день что-нибудь вкусное, не тяготясь этим нелюбимым, нежеланным делом. Вернее, они вместе готовили, потому что те двадцать шесть дней они каждую минуту, каждую секунду были вместе. То была поистине сказочная осень.

Утром они вставали и шли на Иссык-Куль. Парк был пустой и тихий, шуршали сухие листья на дорожках, на траве под деревьями лежали сорванные ночным ветром огромные красные яблоки. Песок у озера был еще холодный и влажный, вода возле берега ледяно сжимала ноги, после, когда отплывешь метров сто, становилась теплее, и они плавали долго, хотя местные жители считали их за сумасшедших, увидев как-то, что они купаются в эту пору. Потом Митя делал зарядку, она же, растеревшись полотенцем, сидела на скамейке на солнышке, загорала и наслаждалась, что они одни, одни на этом длинном песчаном берегу, одни в парке, одни в доме, сейчас будут одни пить кофе, завтракать, а после пойдут одни гулять.

Они поднимались к дому, касаясь друг друга мизинцами, как школьники, пили кофе и ели лепешки с маслом и сыром, после, зайдя на почту и купив газеты, уходили гулять. В ту осень был страшный, невозможный урожай яблок, деревья стояли облепленные огромными красными плодами, внизу желтела усыпанная паданцами трава, а небо над горами было ясно-синим, спокойным. Им тоже было покойно и тихо, она даже часто пела что-то при Мите, чего с ней вообще никогда не случалось. Но за эти три года они так измучились жизнью поврозь, попытками разрешить неразрешимые вопросы, попытками расстаться навсегда, что были просто счастливы сейчас и старались не думать о будущем.

Как-то вечером она увидела спускавшегося из форточки каракурта: черного, размером с пятиалтынный паука, спина у него была словно бы присыпана белой крупкой. Она убила его, с ужасом подумав, что могла его не заметить, и он укусил бы ее или Митю, а укус каракурта смертелен.

Судьба отпустила им еще десять месяцев.

8

Через три дня она все-таки поднялась и выползла погреться на солнышко. Села на лавочке перед заставой. Голова была ясной, тело легким и как бы колышущимся при ходьбе, только ноги слабо немели. Солнце грело сильно, она подставилась его лучам, расстегнула воротник куртки. Ни о чем не размышляла, только слышала, как жадно впитывает тело солнечное тепло.

— Не сгорите? — спросили рядом.— У нас здесь обманное солнышко.

Она открыла глаза и увидела солдата, ходившего тогда старшим наряда.

— Мы думали, вы уехали,— сказал он.— Болели? Ну, мы вам сейчас устроим усиленное питание.

Она поплелась за ним на кухню, засмеялась, увидев неправдоподобное: по цементному полу кухни ползали огромные, размером с большую суповую тарелку, крабы. На плите кипела вода, черноглазый, стриженный под нулевку парнишка-повар понаслаждался ее изумлением, потом сказал:

— А готовят их так... Толик, помоги.

Женщина ела с жадностью, тщательно разгрызая каждый членик, равнодушно думала про себя, что все еще сумасшедшая, раз у нее такой нечеловеческий аппетит. Потом солдаты принесли ей тарелку красной икры: шла нерка.

— Да вы не стесняйтесь, мамаша,— говорили они.— Мы этого добра тут вот так едим! Вот по огурчикам свеженьким, по луку соскучились.

Теперь время у нее так и шло: много спала, много ела, сидела на лавочке, глядя на океан, или разговаривала с женой майора. Майор составлял им компанию редко: к острову без конца подходили рыбачьи суда и крабозаводы, надо было встречать, провожать, делать досмотр. На заставе сейчас осталось два офицера, остальные уехали в отпуск. Жена майора тоже много хлопотала по хозяйству: у них были свои куры, поросенок. Но женщина не скучала без общества, ей нравилось сидеть одной на лавочке ранним утром, пока застава еще спит, бездумно глядеть на гладкий океан, где далеко болтались на рейде сейнеры и крабозаводы. В голове и душе стояла бесконечная охранительная пустота.

Она вдруг открыла в себе приятную тягу пассивно наблюдать за живностью, передвигавшейся по двору. За курами и поросенком, за местными мелкими птахами, за Белкой — огромной короткошерстной собакой с желтыми, утекающими от взгляда глазами. В первый день Белка коротко облаяла ее, затем, приглядевшись, нельстиво вильнула обрубком хвоста и отвернулась. Днем Белка обычно убегала по делам, но утрами она лежала во дворе заставы, положив морду на лапы, и глядела на женщину. Однажды Белка подошла, положила огромную голову женщине на колени и, послав вслед голове тяжесть своего переливающегося мускулами монолитного тела, надавила на колени сильно, перевалила голову сбоку набок и поглядела женщине в лицо. Женщина нехотя погладила ее по морде, потрепала за ушами и оставила руку на ее широком носу. Белка, помедлив, вдруг лязгнула зубами, но не укусила, а просто прихватила пальцы и, зарычав, отошла.

— Вы ей не доверяйте,— сказал вышедший на крыльцо Толик.— Она такая, сволочь, коварная! Испугались?

Женщина покачала головой: в ней, вероятно, не осталось никаких человеческих эмоций.

Толик ушел, а женщина сказала, тяжело глядя Белке в глаза:

— Я же к тебе без всякой гадости, а ты, как подлюга! Может, у меня сил нет тебя нежно ласкать.

Белка выше приподняла бугры надбровий, подержала на женщине взгляд, потом отвернулась. Через некоторое время она поднялась, подошла к женщине, легла, опустив морду ей на туфли. Женщина посидела так, потом высвободила туфли и отодвинулась. Белка приподнялась и снова плюхнула ей на туфли горячую тяжеленную морду.

— Нахалка,— сказала женщина, но отодвинуться было лень.

Сидела и думала, что, в общем, с детского возраста, когда она «до смерти» любила собак и голубей, она никакую животину в упор не видела. Круглый год с раннего утра до вечера — и так восемнадцать лет — на заводе, а в отпуске как-то никогда не имелось времени остановиться, долго поглядеть вокруг. Утишая в себе какую-то прямо болезненную потребность двигаться, менять пейзажи, накручивала на подошвы, как на спидометр, километры за километрами. Наверное, это вызывалось их сидячим образом жизни и тем, что они недостаточно все-таки выкладывались на работе.

Пожалуй, впервые в жизни в новом, незнакомом месте она спокойно сидела уже пять дней, видела синий до черноты океан, черный с прожелтью берег, ручьи, бегущие в складках холмов, людей, несуетливо двигающихся между домами поселка.

На собаку пять дней подряд она тоже смотрела впервые в жизни. Пользуясь временной слабостью ее характера, Белка немного угнетала ее, но женщина не сердилась, потому что чувствовала, что Белка знает про нее больше, чем вообще положено собаке.

После одиннадцати на лавочке появлялись солдаты: подъем у них был поздний, потому что ночью они несли службу. Они привыкли к женщине за это время и легко разговаривали с ней обо всем: о доме, о девушках, о фильмах, которые показывали на заставе. «Я эти фильмы еще у мамки на коленях смотрел!» О японских рыбаках, которые время от времени попадали в поселковую больницу. Травматизм на японских судах был очень высоким: там все было подчинено продуктивности лова — мощнейшие дизели, самоновейшее оборудование — в ущерб удобствам быта.

Скоро она стала передвигаться на ближние расстояния. Сходила с Валерой и Алей за цветами на гору, после — с нарядом, но не на левый фланг, где берег пересекали реки, а на правый, где глубоких речек не было. С женой майора и ребятишками она ходила за шикшей — черной пресноватой ягодой, росшей на низенькой, как бы хвойной травке. Вообще-то шикша была невкусная, но она ела ее с жадностью, не могла оторваться, не хуже чем Валера с Алей, хоть ей и было стыдно майоровой жены.

Сориентировавшись немного — собственно, в ясную погоду тут заблудиться было негде,— она стала уходить на гору или по берегу на правый фланг одна. Сидела на горе, на самой высокой точке, кутаясь от ветра в солдатскую куртку, глядела на зеленое и голубое: на низенькую растительность, покрывавшую холмы, и на океан, челюстью охватывающий видимое вокруг. И еще на рыжее, горячее, но все же припахивающее последним снегом с вершин солнце.

Однажды ночью ей приснился кошмарный сон. Был он реальным, цветным, как все сны-кошмары; проснувшись, она долго не могла ничего понять и выйти из сна, лежала, не дыша от ужаса. Собственно, внешне ничего слишком ужасного не было: просто она с каким-то ребенком прячется в большом бетонном доме, хотя знает, что это сокрытие ненадежное и надо бы перебраться в метро. По небу низко ползают непонятные зеленовато-серые штуки, идет бомбежка, но вроде бы все сходит благополучно, налет кончается. «Надо все-таки в метро»,— думает она, выбегает на площадь, тревожно прикрывая ребенка собой, хочет пересечь ее. Но тут выезжает машина, похожая на асфальтовый каток, и движется к ним, широко поливая асфальт на площади огнем. Она прижимает к себе ребенка, отступает, но отступать уже некуда, и огонь, полыхая, продвигается к ним все ближе.

Она проснулась, ощущая в себе ужас и то чувство безвозвратности, какое было у нее тем утром, когда Митин товарищ сказал ей по телефону, что Митя погиб в автокатастрофе. Самое непонятное, что главный страх ее был не за себя, а за ребенка. Какого-то неизвестного ребенка, страх у нее — женщины, никог-

Багдади-Маяковский. Дом, в котором родился поэт. Теперь — Дом-музей В. Маяковского.

Памятник В. Маяковскому в Москве.

Фото И. Тункеля.

да не имевшей детей и потому подсознательно чувствовавшей центром вселенной себя.

Напившись воды, она посмотрела на рассвет за окном, снова легла и все вспоминала этого ребенка, горько пожалела, что не родился мальчик, повторивший бы ей его отца.

Теперь она решалась заходить все дальше, благо остров был не так уж велик и ко всем бухтам шли узенькие, но заметные тропы: каждую весну жители поселка на птичьих базарах в бухтах собирали яйца. Сейчас птенцы давно повылупились, поэтому она за две недели на тропах никого ни разу не встретила. Правда, было много песцов, нахально преследовавших ее во время прогулок, да скалы возле океана были черны от всяких морских птиц, но, видно, на них не охотились.

По какой-то совсем мало хоженной тропе она ушла в другой конец острова и еще издали услышала донесшееся откуда-то снизу не то хоровое пение, не то блеяние стада. С некоторым даже испугом она приблизилась к краю скалы и заглянула в бухту: там были котики. Она лежала долго, разглядывала их: большинство дремали на мокрых камнях, обдаваемые высоким прибоем, другие переползали по берегу, опираясь на ласты, ныряли в воду; огромный, с длинными желтыми клыками секач (такие клыки и вообще зубы котиков она часто находила на отливной полосе) приподнимал тяжелое туловище, озирал окрестности, затем снова валился на камни.

На следующий день она встала пораньше и снова пошла туда. Где тропа кончалась, было подобие спуска, и она тихонечко, поскольку спешить ей было некуда, принялась сползать вниз, долго примеривалась, прежде чем поставить на выступ ногу. Наконец, осталось невысоко, и она спрыгнула на мокрые теплые плиты, распрямилась — свело от напряжения руки и ноги.

Несколько котиков испуганно шлепнулись в воду, остальные даже не проснулись, дремал и секач. Она осторожно прошла поглубже в стадо, села на высохший уже после отлива камень, притихла, разглядывая, как возле ее сапога, в углублении с остатками воды, шевелит щупальцами морская звезда, сжимает и разжимает грубо-красивые лепестки актиниция.

Стадо дремало, не обращая на нее внимания: на этом острове промысла не было, может, поэтому котики не очень опасались людей. Она тоже подставила лицо и шею солнцу, задумалась. Потом оглянулась, вспомнив, что вроде бы видела, пробираясь сюда, на скале не то геологический, не то топографический знак, нарисованный масляной краской. Знак точно был: круг со вписанным в него равносторонним треугольником. Гадая лениво, что бы он мог значить — может, геологи нашли тут наконец свою серу,— она вспомнила, что видела такой же знак на самаркандской медресе. Ей тогда объяснили, что это египетский символ: отец, мать, ребенок, на них зиждется кольцо бесконечности. Бесконечности продолжения рода человеческого, вообще всякого рода, всяческой высшей земной жизни.

Небольшая самочка подняла круглую голову, внимательно, но без враждебности посмотрела на нее, и женщина улыбнулась, сказала негромко:

— Ну поди сюда, маленькая!

Ближние котики от звука голоса вздрогнули и проснулись, заспешили к воде, неуклюже перетекая грязношкурым туловищем, но самочка не отводила от нее глаз и вдруг, выпростав из-под себя ласты, вскидываясь тяжелым телом, запереваливалась к ней, подталкивая себя хвостом, похожим на хвост русалки, как его рисуют на рыночных коврах, только без чешуи.

— Ну, иди сюда,— сказала женщина, и голос у нее вдруг дрогнул от нежности к этой девочке, искавшей контактов.— Давай поговорим. Как ты живешь?

Все больше котиков просыпалось и уходило в воду, но самочка упорно прыгала к ней, усатый рот ее был приоткрыт от любопытства, глаза озабочены. Подойдя на близкое расстояние, она прилегла отдохнуть, но круглая голова ее была приподнята, и влажные черные глаза спрашивающе глядели на женщину.

Проснулся, и заревел сéкач, и заторопился к чужаку, тяжко переваливаясь на камнях, но самочка не обратила на него внимания, и женщина тоже почему-то не испугалась его. Она даже не повернула к нему головы, только сказала детское заклятие, которому когда-то научил ее вместе с маленьким Маугли старый белый волк Акела. Впрочем, может, и не Акела — сейчас она уже плохо помнила книжку.

— Мы с вами одной крови: вы — и я!

В общем-то это было правдой. Наверное, все живое на земле произошло из одного семени, поэтому маленькая девочка, чуя в ней родное, искала контактов. Впрочем, подойти близко она все же не решилась. Лежала недалеко за камнем, как застенчивый деревенский ребенок, и пялила на нее глаза. Секач тоже не дошел до нее. Поревев для острастки, он улегся рядом с одной из жен и заснул.

Женщина сидела на камне, среди своих дальних родственников, размышляла о том, что вот природа экспериментировала миллиарды лет, то усложняя, то упрощая созданное, наконец, уничтожив палеозавров, динозавров и ихтиозавров как нечто громоздкое, злое, несовершенное, которое прокормить невозможно, создала человека — так называемый венец творения. В результате же через миллион лет от рождества своего человек уже охраняет законом от человека остатки бедных своих родичей, в том числе кобр, волков, тигров, львов.

А задумано все было прекрасно, и если бы вместе с разумом человек не получил такую ненасытную жадность, вполне реально выглядела бы идиллическая картинка: по изобильной, нетронутой земле ходит веселый, ласковый, здоровый человек, беря из окружающего только то немногое, что ему необходимо...

Ведь несло же все-таки в себе какой-то смысл появление на земле существа, получившего от природы бесконечные возможности? Или все игра случая и никогда и ни в чем не стоит искать смысла?..

Какой смысл в том, что она встретила Митю? Ждала, жаждала любви смалу, сколько себя помнит, получила такую, какая выпадает редко, такую, которая как бы итог всего, к чему стремится, ради чего живет человечество: чтобы каждые двое на земле встретились и жили полно. Ради этого строятся всякие умные машины, взлетают ракеты, добывается золото и истребляются котики — не может же все это быть самоцелью, вероятно, это предназначено для них, для двоих, чтобы они были счастливы сегодня. Китайцы чтут предков: золотой век в прошлом; христиане поклоняются золотому веку в будущем,— и те и другие одинаково приносят в жертву единственное, неповторимое, нынешнее человеческое лицо. А вот они с Митей встретились, отыскали друг друга, чтобы любить и быть счастливыми, но Юпитер посмеялся над ними...

Она подняла голову, уже отяжелевшую от прямого жаркого солнца, поглядела на геологический знак на скале. Скоро и этот знак будет чем-то имевшим место в прошлом.

Начался прилив, вода прибывала быстро, самочка грациозно шевельнула туловищем, опершись на прибывшую воду, и как бы позвала женщину глазами: пошли в океан, поиграем.

— Я не могу, маленькая,— ласково сказала женщина.— Вода очень холодная, я долго не выдержу.

Самочка нырнула и пошла неглубоко под водой, золотясь на солнце мехом, темно-коричневым, с рыжиной на кончиках. Изогнулась гибко, нырнула, пропала.

Женщина присела на камень и стала ждать дельфинов.

Николай СОКОЛОВ

ПЛОЩАДЬ МАЯКОВСКОГО

— Владимир Владимирович,
здравствуй!
Живи,
между нами живи!
И ныне нужны государству
октябрьские ритмы в крови.
Мы дети рабочего класса.
И руки и наш интеллект
нужны для строительства
базы
предвиденных Лениным
лет.
Но жив еще
и обыватель —
стяжатель,
сжиратель,
балласт.
Твой верный товарищ —
читатель
сметает ловчил и пролаз.
Как будто взойдя на подмостки,
поднявшись на пьедестал,
с Москвой говорит
Маяковский.
Потомки
заполнили зал.
Студенты,
врачи,
металлурги
с огнем неуемным
в груди...
Энергия ритмов упругих
в турбинах эпохи
гудит.

Огромный,
решительный,
снова —
как будто свинцом не пробит —
он встал над гудящей Садовой,
ногой подминая гранит.
И голос,
гремящий над нами,
металлом застыв на губах,
в Нигерии,
Чили,
Вьетнаме
подхвачен
на всех языках...

На вахту —
в бригаде московской —
бессмертным уже москвичом
навек заступил
Маяковский
и площадь
раздвинул плечом.

Юрий ЧЕРНЯВСКИЙ

Случай в Заречном

— И все-таки, что там ни говори, а некоторые преступления раскрываются случайно. То, что получилось один раз, другой может не повториться. Случай, доля везения — без этого в нашем деле нельзя.— Веткин снисходительно посмотрел на меня и продолжил: — Я возился с этим пожаром почти полгода. А что толку? В жизни гораздо больше всяких случайностей, чем это может предугадать самый проницательный следователь.

Можно было во многом возразить ему. Хотя бы в том, что время упущено совсем не случайно, а из-за его же нерасторопности, можно было порассуждать о необходимости, пробивающей дорогу через скопление, казалось бы, случайных обстоятельств, можно было... Да мало ли что еще можно было ему сказать!.. Но затевать спор не хотелось. Веткин пришел проститься, он увольнялся, переходил с должности следователя юрисконсультом на машиностроительный завод, причем делал это больше по инициативе прокурора, нежели по собственному желанию. Видимо, он грустил, расставаясь с товарищами, привычной работой, пытался прикрыть это скепсисом.

Прав он, пожалуй, в одном. Дело о пожаре в магазине в поселке Заречном действительно зашло в тупик, и чем больше я о нем думал, тем более в этом убеждался. Пожар начался, видимо, около двенадцати часов ночи. Десять минут первого сторож магазина заметил огонь, вырывавшийся из подсобного помещения, и побежал звонить. К несчастью, ближайший телефон-автомат оказался неисправным, он добрался до другого и сообщил о случившемся. Пожарная часть находилась в городе, и прошло еще минут пятнадцать — двадцать, прежде чем пожарные приступили к делу. Пламя уже охватило весь магазин, вскоре рухнула крыша. Когда огонь погасили, остались только сильно обгоревшие стены. Почти все товары сгорели или были испорчены. Убытки превысили тридцать тысяч рублей.

Дело осложнялось тем, что первичный осмотр произвели весьма небрежно, восполнить этот пробел было нельзя: на месте сгоревшего отстраивали новый магазин. Оставались только материалы первоначального расследования, а они были весьма скудными! Так, по заключению специалистов, загорелось сначала в подсобном помещении, возможно, от плитки, остов которой нашли почти в центре очага пожара. Если поверить сторожу, что посторонних лиц около магазина не было, остается в силе предположение: пожар возник в самом магазине. Но был ли он следствием злого умысла или небрежности продавцов, оставалось неясным. В магазине работали двое: заведующая, двадцатичетырехлетняя Нина Потапова, и молоденькая ученица Верочка Бережкова... Потапова работала добросовестно, любила свое дело, и за три года у нее одни благодарности. Бережкову недавно направили сюда по путевке комсомола. К тому же за две недели до пожара в магазине проводилась ревизия: недостач или излишков ревизоры не обнаружили.

Было известно, что еще в начале года подсобное помещение магазина ремонтировали, заодно заменили тогда все электропровода, так что вряд ли загорание могло возникнуть от проводки. Оставалась плитка. Потапова и Бережкова пояснили, что обычно она стояла на полу: летом они плиткой почти не пользовались и в день пожара ее не включали. Из магазина ушли вместе в восемь часов вечера, выключив свет во всех помещениях. Следователь не поверил им и советовался со специалистами. По их расчетам получалось, что температура пола под плитой даже после длительной эксплуатации не может превышать 70—75 градусов, а загорание древесины происходит примерно при 230—300 градусах. Высказывали предположение, что недалеко от плитки мог оказаться какой-нибудь легко воспламеняющийся материал. Это в последнее время и выясняли: однако в подсобном помещении, как правило, посторонних людей не бывает, и проверить предположение не удалось.

Практически ничего не оставалось, как разобраться до конца с электроплиткой. Прежде всего хорошо бы ее посмотреть такой, какой она была до пожара. Специалисты отметили, что электроплитка выпущена одной из ленинградских артелей, точно указали ее тип по ГОСТу. В документах бухгалтерии значилось, что плитка выписана с центрального склада и попала в магазин сразу после ремонта подсобного помещения. Такие плитки на складе еще оставались, и вскоре я получил одну из них. Похоже, что в артели работали прижимистые люди: шнур совсем короткий — всего 1,5 метра. Если предположить, что плитка была включена, значит, штепсельная розетка должна находиться на задней стенке, в подсобном помещении, и не дальше чем в метре от очага загорания. Это легко проверить. Монтер, который менял проводку во время ремонта, без особого труда нарисовал схему. Он хорошо помнил, что штепсельная розетка была только в торговом помещении, в подсобке он ее не устанавливал. Таким образом, от розетки до очага пожара расстояние — пять-шесть метров. Если учесть, что шнур длиной всего полтора метра, историю с плиткой на этом можно было считать выясненной, а расследование теряло всякую перспективу.

Теперь я был еще дальше от цели: неясен не только характер действий предполагаемых виновников, но и сами действия, сама причина пожара стала весьма проблематичной. Как быть дальше? Обычно следователи в таких случаях начинают еще раз тщательно допрашивать основных свидетелей, изучают документы.

Итак, акт ревизии. К нему приложена инвентаризационная ведомость с перечнем всех товаров, бывших в магазине за две недели до пожара. Широкий ассортимент, более полутора тысяч наименований, начиная от иголок и пуговиц и кончая проигрывателями и радиоприемниками всех систем. Вот дорогой, первоклассный радиоприемник «Урал». Кстати, когда снимали остатки, еще в прошлом году, оказалось, что их всего два, а через полгода ревизоры насчитывали уже три. В чем дело? Все понятно: спрос невелик, а за это время с базы поступило еще пять штук. Видимо, четыре продали, а три осталось. Вот менее дорогой приемник «Рекорд», он пользуется большим спросом: было два, по документам видно, что поступило десять, осталось четырнадцать. Это уже непорядок. Непорядок потому, что если даже предположить, что за полгода не продавали ни одного приемника «Рекорд», то и тогда их должно остаться двенадцать, а тут еще два откуда-то попали в магазин.

Пригласили Бережкову: «Как идет торговля? Покупатель стал более придирчив? Это неплохо. Есть ли спрос на приемники «Рекорд»? Ах, вот как, эта марка себя хорошо зарекомендовала. А чем объяснить, что полгода назад, перед пожаром, на них не было спроса? Почему я так думаю? Очень просто, по последнему акту инвентаризации их значится четырнадцать штук, никакого движения». «Товарищ следователь ошибается, то, что их оказалось много при снятии остатков, еще ни о чем не говорит». Верочка на минуту задумалась. Все очень просто: дня за три до ревизии привезли целую машину товаров и среди них штук пятнадцать приемников «Рекорд». Нет, нет, она не ошибается. Дату запомнила хорошо. «Почему?» Верочка покраснела: ее в тот день как раз снимали для молодежной газеты. Был корреспондент, а через день поместил заметку с фотографией. Газета сохранилась, да, совершенно точно, как раз за три дня. Корреспондент тогда сделал еще несколько снимков, для нее. На одном из них даже машина получилась, та самая, на которой привозили товары. Эта карточка сохранилась. Ее можно взять. Возвращать не обязательно — Верочка опять покраснела,— она сама сможет получить у корреспондента еще одну.

Кажется, началась полоса везения. На фотографии действительно была изображена улыбающаяся Верочка Бережкова; видна часть заднего борта автомашины и три последние цифры номера: ...«5-62». Работникам милиции потребовался всего один день, чтобы установить шофера, и вскоре Алексей Котов сидел у меня в кабинете.

Приходилось ли ему перевозить товары в магазин поселка Заречный? Нет, ни разу, он уже больше года занимается только перевозками грузов машиностроительного завода. Что, есть фотография? Позвольте взглянуть. О, это меняет дело. Он запамятовал, такой случай действительно однажды был.

Ну, ясно, привозил товар, как обычно, с базы, из города. Что вы говорите, нет накладной на отпуск товара с базы? И это видно из протокола осмотра документов? Позвольте взглянуть. Это опять-таки меняет дело. Он вспомнил, что завез товар из другого магазина, который находится на окраине города по дороге в Заречный.

Кто его туда посылал? Трудно вспомнить, ведь прошло уже столько времени. Ах, вот как, работники милиции уже выехали, чтобы пригласить заведующую магазином, где брали товар. Пожалуй, это тоже меняет дело. Не стоит беспокоиться. Сам он работников торговли не знает, а просил его об этом приятель, тоже в прошлом шофер, Абашкин.

Киреева, заведующая магазином на окраине, как будто ожидала вызова. Она ничуть не удивилась, что меня интересует история с перевозкой товаров, и обстоятельно ответила на все вопросы. «Нина Потапова — ее подруга, она всегда была на хорошем счету, добросовестно трудилась. Видимо, у нее что-то случилось, в магазине образовалась крупная недостача. Пришлось выручать. Она отправила ей машину товаров на две с половиной тысячи рублей из своего магазина. Сразу же после ревизии Нина с ней рассчиталась деньгами из выручки».

Ну вот, теперь можно подвести некоторые итоги: в магазине образовалась недостача товаров — и немалая, почти на две с половиной тысячи рублей. Чтобы ее скрыть, устроили под-

жог. Конечно, в цепи моих рассуждений пробелов больше, чем фактов. Хотя бы, например, почему образовалась недостача, кто и каким образом совершил поджог.

Я неторопливо просматривал почту. Мое внимание привлекло письмо из Харькова. К сожалению, тут неудача. Следователь прокуратуры уведомлял, что наше поручение о допросе Потаповой Елены Степановны (матери заведующей магазином) не может быть исполнено, так как последняя «умерла месяц тому назад в возрасте 58 лет от осложнений, связанных с гипертонической болезнью». Было известно, что мать Потаповой дважды навещала дочь, последний раз уже после пожара, и следствие, естественно, интересовало, не может ли она пролить свет на это дело.

Вызывать Потапову на допрос при таких обстоятельствах было неудобно. Пришлось отправиться к ней. Хозяйка дома, где Нина снимала комнату, благообразная старушка, встретила меня приветливо. Нет, ничего нового она сказать не может. О смерти матери Потаповой уже знает. Очень огорчена, женщина была добрая. Приезжала к дочери ненадолго, оставила о себе самое хорошее впечатление. Нина очень переживает, не может простить себе, что поссорилась с матерью в последний ее приезд. Что у них произошло, сказать трудно, но Елена Степановна перед отъездом ей пожаловалась, что вот единственная дочь — и так не повезло: не может устроить жизнь. Да, да, живет Нина одна, не замужем, и кавалеров около нее не видно. А с матерью она так и не помирилась; как, бывало, получит от нее письмо, так весь день сама не своя. И не удивительно по нашим-то временам... Словоохотливая старушка продолжала говорить что-то весьма нелестное о современных нравах, но я ее уже не слушал, только сознание автоматически сработало при упоминании о письмах, как бы сделав зарубку.

Начал я с того, что предложил Потаповой выдать письма, полученные от матери. Она сперва удивленно на меня посмотрела, а когда смысл сказанного дошел до нее, обиженно передернула плечами и, отвернувшись, чтобы скрыть слезы, с обидой проговорила: «Как вы можете вмешиваться в это, неужели мало моего горя: ведь письма — последняя память о матери». Настояв на своем, я хотел было тут же ознакомиться с письмами. Потапова оскорбилась, отказалась отвечать на мои вопросы. Пришлось пойти на риск: составить протокол и изъять письма, не будучи уверенным, что они имеют отношение к делу...

Обычная утренняя пятиминутка сегодня задержалась. Прокурор кого-то принимал. Я было вернулся в свой кабинет, чтобы прочитать письма. Но прием, видимо, закончился, и нас пригласили к Алексею Тимофеевичу. Начался короткий разбор текущих дел. На этот раз довольно скоро разговор пошел о пожаре в Заречном. «В нашей работе,— говорил Алексей Тимофеевич,— нам приходится вникать в жизнь людей. Это обязывает проявлять максимум такта и деликатности. Недопустимо, разбираясь в любых, даже сложных и запутанных обстоятельствах, травмировать людей. Что дали для следствия письма, изъятые у Потаповой? — вдруг спросил он, обращаясь ко мне, и, выслушав мое невразумительное объяснение, жестковато продолжал:— Потапова признает, что допустила недостачу и пыталась скрыть ее от ревизоров, завезя товары из соседнего магазина. Однако у нас нет никаких доказательств, чтобы обвинять ее в хищении и тем более в поджоге. И даже если бы они и были, мы должны помнить, что имеем дело с людьми. Эта женщина,— закончил он, обращаясь ко мне,— ночь не спала, с утра пришла с жалобой, а вы до сих пор не только не удосужились разобраться с письмами, вы даже их не прочитали».

Прокурор был прав и не прав одновременно. Чем больше я вчитывался в неровные, бегущие вниз строчки, тем больше во мне зрело убеждение, что то, о чем писала Елена Степановна, имело отношение к истории с пожаром. Видно было, что между матерью и дочерью сложились отношения полного доверия и взаимного уважения. Елена Степановна интересовалась духовной жизнью дочери, заботливо, как это может только любящая мать, вникала во все мелочи ее жизни. Немного позже в письмах матери стали появляться тревожные нотки, беспокойство за судьбу Нины. Тревога заметно возросла после первого приезда к дочери. Вскоре после возвращения Елена Степановна писала: «Я глубоко убеждена, что Николай—неискренний человек, любит только себя и ищет легких дорог в жизни. Как же ты этого не поймешь? Разве о таком счастье для тебя я мечтала, когда долгие одинокие вечера просиживала у твоей кровати, перечитывая последние письма твоего отца с фронта?»

Еще раз Николай упоминался в одном из писем, написанных незадолго до смерти: «Так может поступить только бесчестный человек — оставить тебя в трудную минуту, изворачиваться и лгать. Я не узнаю тебя. Неужели то, что я высказала тебе сгоряча при расставании, правда?» В этом письме была названа и его фамилия — Абашкин. Второй раз я слышу о нем. И стало очевидным, что это не случайность, что личность бывшего шофера заслуживает более пристального изучения.

Был уже конец дня, когда работники милиции сообщили адрес Абашкина. Мы сразу поехали к нему. Дверь нам открыла еще молодая, но рано состарившаяся женщина. Глуховатый голос, медленные, усталые движения. В кухне, за столом, сидел мальчик лет семи-восьми и готовил уроки.

Узнав о цели приезда, женщина опустилась на стул и безразличным тоном спросила: «Ну, что он еще натворил?» Стараясь не обидеть ее, я пояснил, что, по нашим сведениям, из-за него может пострадать в общем-то неплохой человек. «Женщина?» — живо спросила она, а когда я утвердительно кивнул головой, продолжала все тем же безразличным, тусклым голосом: «Это на него похоже, ох, как похоже. Ловко умеет устраиваться в жизни. Не пропустит ни одной смазливой бабы, присасывается, как клещ, распустит хвост, запутает, затянет в такую трясину, что не скоро и выберешься. Чего только я не пережила из-за него! Да ведь чужой опыт никому не наука. Спасибо, суд гуманно подошел, а когда вернулась из заключения, его и след простыл. Теперь вот приехала в этот город, устроилась на работу. Да только ему такая не нужна. Скоро уже год как с нами не живет, даже к сыну не заходит».

Я срочно запросил из соседней области дело Смирновой (так фамилия этой женщины). Дело о растрате кооперативных средств и о пожаре, вернее, о поджоге магазина. В отличие от нашего оно было расследовано быстро и довольно квалифицированно. Смирнову осудили за присвоение выручки и умышленный поджог магазина с целью скрыть недостачу. Способ поджога не мог меня не заинтересовать: несколько метров бельевой веревки, на конце зажимался спичечный коробок с порохом. Этот заряд ставился на подставку — внутри консервной банки, до половины наполненной бензином. По расчетам специалистов, импровизированный бикфордов шнур срабатывал в зависимости от длины веревки примерно через два-три часа после поджога. Характерно, что установка была пристроена в подсобном помещении магазина. Конечно же, эти совпадения не случайны. Смирнова вряд ли сама додумалась до этой сложной пиротехники и напрасно в свое время взяла всю вину на себя.

В деле Смирновой было еще два обстоятельства, которые привлекли мое внимание. Во-первых, в протоколе осмотра места происшествия записано, что на полу в подсобном помещении была найдена металлическая расческа. Смирнова сказала, что это ее расческа: она давно уже обронила ее в подсобном помещении. Больше следствие этим не занималось, а стоило бы, так как женщины обычно не пользуются такими расческами, а вот у мужчин они одно время были популярны. И вот ту расческу надо было срочно раздобыть, тем более что, судя по фотографии, на ней нацарапаны две буквы — «Н» и «А». Буквы могли означать не только имя и отчество Смирновой — ее звали Нонна Александровна, но и свидетельствовать о принадлежности расчески Николаю Абашкину.

Во-вторых, сторож показал, что в момент пожара ближайший телефон-автомат оказался испорчен, и он не смог сразу вызвать пожарную машину. Этим следствие тоже не занималось, впрочем, как и у нас.

В управлении городской телефонной сети мне сказали, что все случаи неисправности уличных телефонов-автоматов учитываются в специальном журнале. Записан и случай с автоматом в поселке Заречном. Причина неисправности тоже указана: отрезана телефонная трубка. Случай, к сожалению, не редкий. Обычно виноваты недобросовестные радиолюбители, которые таким путем добывают детали. Судя по журналу, неисправность не стали устранять, а поставили новый аппарат. Старый, естественно, сдан на склад и, если не пошел в дело, там и находится.

К счастью, на складе был образцовый порядок, и, назвав номер аппарата, я довольно скоро получил его. Эксперты осмотрели место среза и, заметив характерные следы, пришли к выводу, что лезвие ножа, которым резали шнур, имело зазубрины. Таким образом, если удастся найти нож, то можно попытаться провести исследование на тождество.

Дня через два позвонили из милиции. Установлено, где живет Абашкин; сейчас он как раз дома. Не без волнения отправился я к нему. Нас встретил самоуверенный, нагловатый мужчина лет тридцати пяти. Прочитав постановление об обыске, ухмыльнувшись, спросил: «Что будут искать шерлоки холмсы?» По закону я был обязан ответить на подобный вопрос. И, глядя прямо в его зеленоватые, навыкате глаза, четко объявил: «Нож, бельевую веревку и порох». На какую-то долю секунды Абашкин смешался, но тут же взял себя в руки и, все так же ухмыляясь, бросил: «Ну, это незатруднительно, такое добро имеется в каждом благоустроенном хозяйстве».

Двое суток я не беспокоил Абашкина, который сразу после обыска был отправлен в камеру предварительного заключения, поскольку обыск подкрепил мои подозрения. Основания для того, чтобы его задержать, были. Тем временем расследование шло полным ходом: эксперты пришли к твердому убеждению, что срез шнура телефонной трубки произведен перочинным ножом, изъятым при обыске у Абашкина; я выяснил некоторые подробности у Смирновой, договорился, чтобы мне привезли металлическую расческу, найденную на месте пожара у нее в магазине. На третий день я пришел в отдел милиции, чтобы допросить Абашкина. Он еще держался, но от прежней самоуверенности не осталось и следа. Был озадачен тем, что после задержания следователь не проявлял интереса к его персоне. С этого он и начал. Стараясь придать голосу необходимую уверенность и неподдельное возмущение, заговорил о безответственности некоторых следователей, которые забирают ни в чем не повинных людей да к тому же держат в изоляции, не интересуясь их объяснениями. Я молчал. Абашкин все больше входил в роль оскорбленной невинности: «Конечно, можно осуждать некоторые легкомысленные связи (подготавливается позиция для отступления), но в этом нет ничего преступного. Нельзя же делать какие-нибудь выводы о причастности к преступлению, какому-то пожару в Заречном, если ты просто знаком с человеком».

Пора было вмешаться. «Пожар в Заречном? А что, вы и там успели?» Абашкин опешил. Не давая ему прийти в себя, я продолжал: «Расскажите лучше, как попала вот эта расческа в подсобное помещение магазина Смирновой и сколько метров бельевой веревки вы использовали в тот раз для поджога?» И, глядя в его посеревшее лицо с капельками пота на лбу, закончил: «Ну, а там можно будет перейти к последующим событиям...»

Я возвращался из милиции, еще раз в мыслях перебирая подробности допроса Абашкина. Он сдался очень быстро, быстрее, чем я ожидал. Как и все эгоисты, он сильно жалел себя и не мог долго сопротивляться. Вспомнил я и наш последний разговор с Веткиным о случайностях в работе следователя. «Нет,— подумал я,— все это далеко не так случайно, как может показаться на первый взгляд».

Вошел в подъезд прокуратуры, поднялся на второй этаж. В конце коридора на скамейке сидела какая-то женщина. Я узнал Потапову, поднявшуюся мне навстречу.

— Товарищ следователь, не все письма вы забрали, одно осталось,— сказала она, протягивая конверт.— Это последнее письмо от мамы, тут она просит пойти и все честно рассказать. И я пришла выполнить ее последнюю волю.

ПЛАНЕТА-ОКЕАН

Клуб неразгаданных тайн

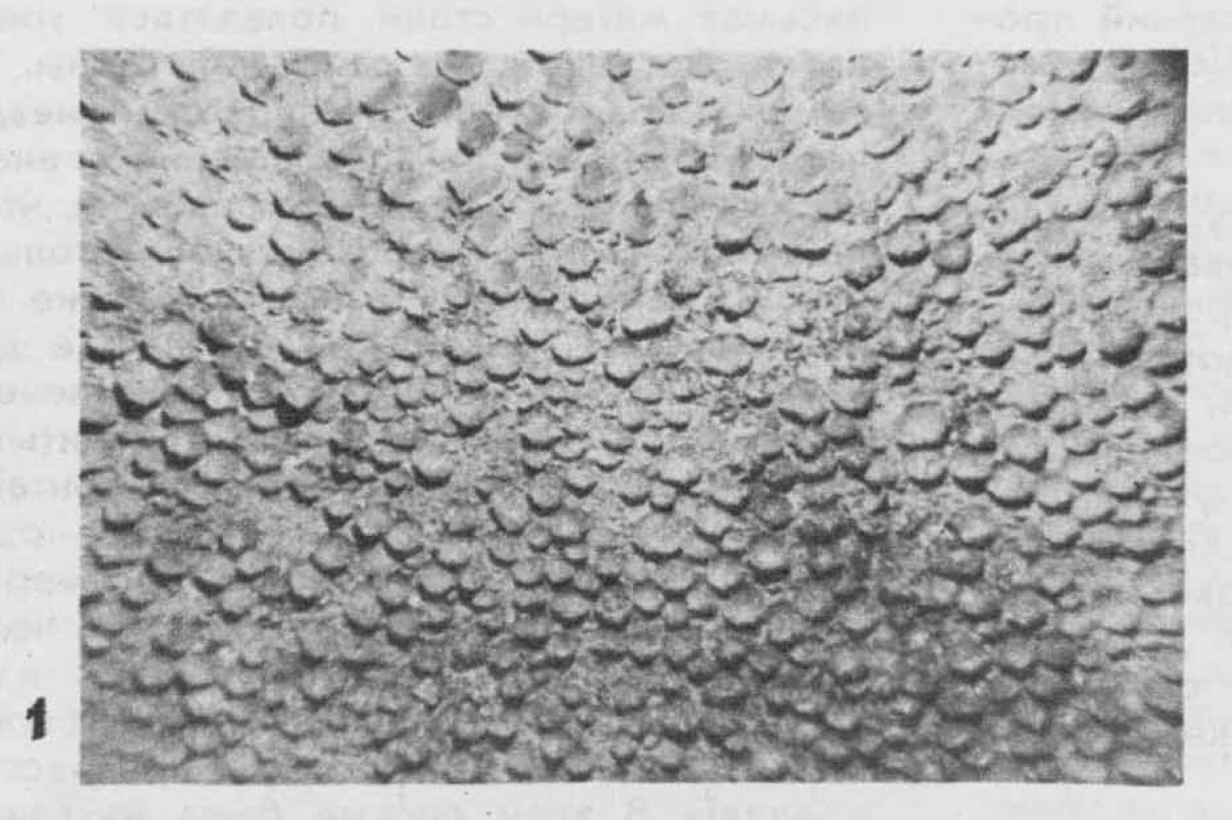
Сегодня мы открываем первое заседание нашего клуба — Клуба неразгаданных тайн. Члены его — ученые самых различных специальностей: океанологи, кибернетики, математики, врачи, биологи, географы, астрофизики, геологи и все вы, читатели «Огонька».

Почему мы выбрали это название! Прежде всего потому, что основная «обязанность» науки — раскрывать тайны природы, тайны мироздания. Но, разгадывая загадки, ученые сталкиваются с новыми нерешенными задачами. И если, скажем, сто лет назад человек знал об окружающем мире несравнимо меньше, чем сегодня, то и НЕ ЗНАЛ он тоже гораздо меньше, чем теперь. Поэтому, вспоминая основные диалектические положения о познаваемости мира, можно сказать, что и клуб наш — это клуб ПОКА ЕЩЕ НЕ РАЗГАДАННЫХ ТАЙН. Но от этого не менее волнующих.

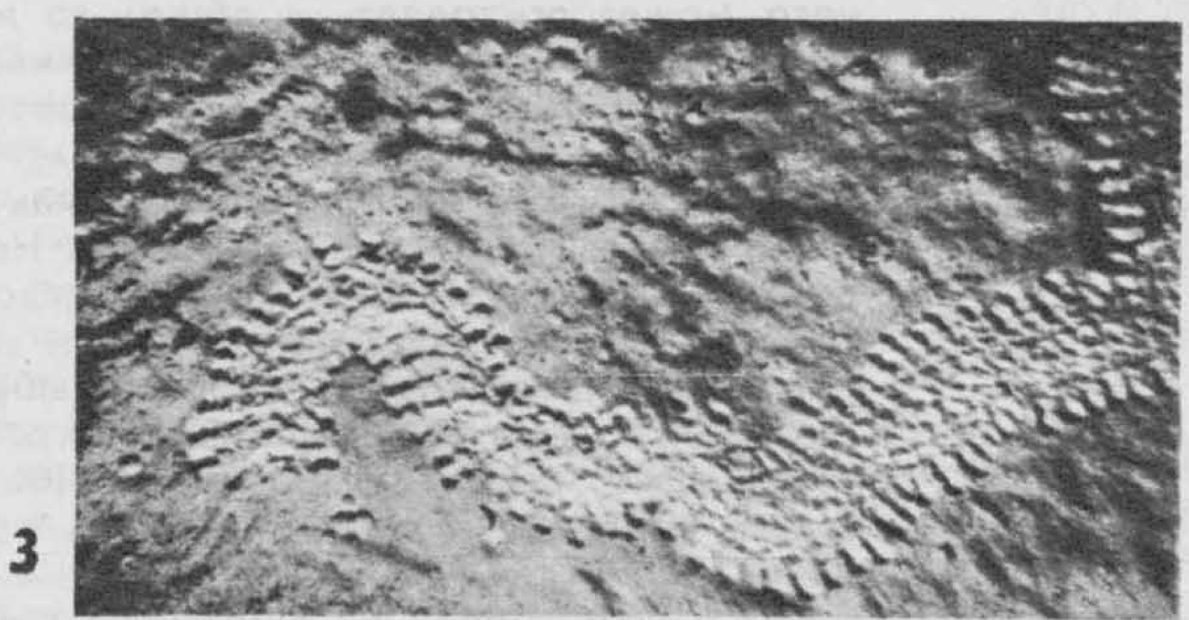
Грандиозное собрание загадок — океан, покрывающий почти три четверти нашей планеты. Вот почему на первую встречу клуба мы пригласили ученых, изучающих океан.

Вы видите шесть фотографий, сделанных на дне океана. Что изображено на них! О чем говорят сценки удивительной жизни на глубине нескольких километров под водой! Какие неведомые существа оставили там свои следы!

Первое слово тому, кто сделал эти удивительные снимки,— крупнейшему специалисту по подводному фотографированию, научному сотруднику Института океанологии АН СССР Никите Львовичу ЗЕНКЕВИЧУ. Ровно двадцать лет тому назад он впервые опустил под воду фотокамеру и сделал снимок дна.

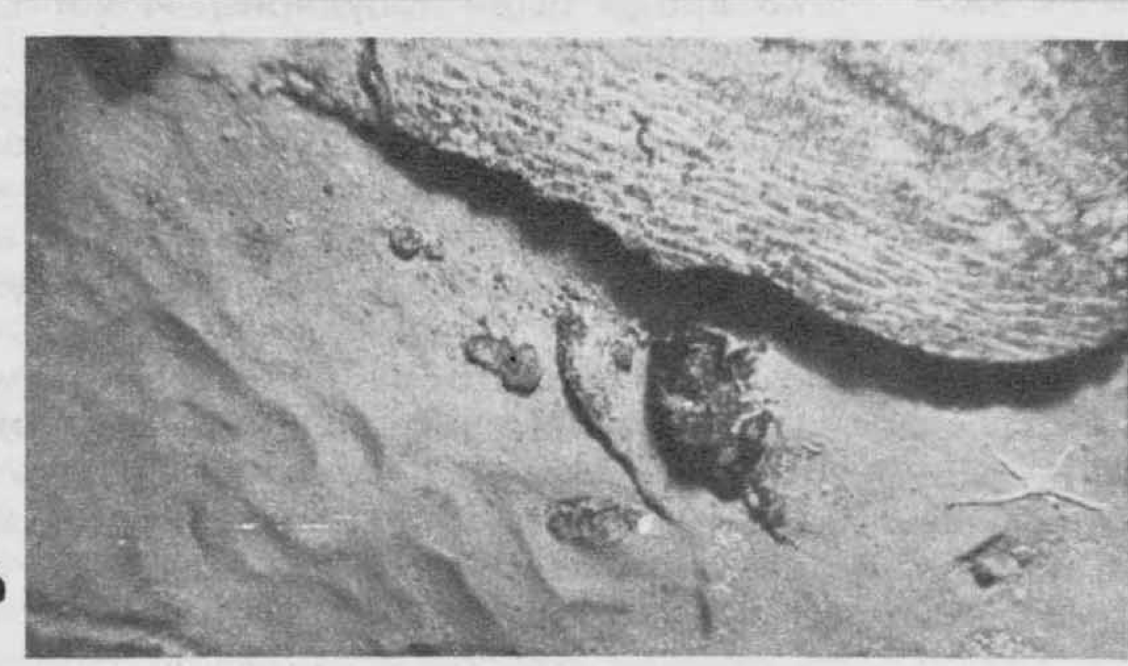

1

2

3

4

5

6

ШЕСТЬ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ТЫСЯЧ

Н. Л. ЗЕНКЕВИЧ. Ну, если говорить точнее, то не опустил фотокамеру, а утопил ее. И не одну фотокамеру, а несколько, прежде чем получил первый снимок. А в общем, действительно в 1953 году моя установка для подводного фотографирования принесла реальные результаты — снимки дна океана.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Что побудило вас к этому необычному занятию?

Н. Л. ЗЕНКЕВИЧ. Любовь к фотографии, которая переплелась с профессиональной неудовлетворенностью результатами моей работы. Я по специальности геоморфолог. Строение дна океана — сфера моих научных интересов. С помощью эхолотов мы видим рельеф дна, глубоководные трубки, зарываясь на несколько метров, приносят нам колонки илов, песка или глин. А вот как увидеть строение дна? С этого вопроса началось мое увлечение подводной фотографией.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как выглядит ваша установка для подводного фотографирования?

Н. Л. ЗЕНКЕВИЧ. Она представляет собой как бы этажерку, на верхней полке которой установлена фотокамера, а на нижней — источник света. Представьте себе такую картину. Ясный, спокойный день. Научно-исследовательское судно легло в дрейф: машины застопорены, и корабль медленно движется по воле ветра или течения. Оператор на борту спускает лебедкой установку на дно и делает снимок. Далее, приподнимая установку и передвигая ее силой дрейфа в другое место, он делает новые снимки. В течение нескольких часов мы получаем несколько десятков, а то и сотен снимков, картину дна на расстоянии нескольких сот метров.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Сколько же фотографий вы получили за время своей работы в океанах?

Н. Л. ЗЕНКЕВИЧ. Более четырех тысяч. Уже опубликован мой атлас фотографий дна океана. Вы спросите: четыре тысячи — много это или мало? Судите сами. Если

собрать все снимки, то получится, что мы сфотографировали около шестнадцати тысяч квадратных метров. Много? Нет, мало. Ведь площадь Мирового океана составляет 361 миллион квадратных километров. И все-таки фотографии уже рассказали многое об океане, помогли разгадать некоторые его загадки.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы принесли нам в редакцию 6 из 4 тысяч сделанных вами снимков. Не могли бы вы прокомментировать, что же, собственно говоря, увидел на дне фотоглаз?

Н. Л. ЗЕНКЕВИЧ. Для меня каждая из четырех тысяч фотографий несет в себе тайну. Слишком мало мы еще знаем об океане, о его дне. Четыре тысячи загадок, сказал бы я. Я выбрал из них шесть — самых загадочных, непонятных еще ученым, и сам я не хотел бы высказывать свои предположения. Пусть попробуют специалисты.

Фотографии, которые мы сегодня публикуем, можно разделить на две группы. На одной из них ясно видны какие-то геологические образования, на других — следы морских животных. Поэтому следующий наш собеседник — ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ АН СССР П. Л. БЕЗРУКОВ, специалист по морской геологии.

КЛАДОВЫЕ БУДУЩЕГО

КОРРЕСПОНДЕНТ. На снимке № 1 дно океана выглядит словно городская площадь, выложенная булыжником. Что это такое?

П. Л. БЕЗРУКОВ. Всего каких-то сто лет тому назад люди представляли себе дно океана как монотонную, однообразную, колоссальную равнину, покрытую вязким илом. Теперь наши представления претерпели коренные изменения. На дне рельеф не менее разнообразен, чем на суше. Там есть высочайшие горные хребты и мрачные пропасти, колоссальные равнины, грандиозные каньоны. Но есть в океане и совершенно необычные явления. Одно из них как раз можно увидеть на этой фотографии. «Булыжники», как вы сказали, или «картофелины», размером от миллиметра до пятнадцати сантиметров, состоят из железа, марганца, меди и других металлов и элементов. Это своеобразная океанская руда, которая ввиду преобладания в ней железа и марганца называется железомарганцевыми конкрециями.

КОРРЕСПОНДЕНТ. И много таких конкреций в океане?

П. Л. БЕЗРУКОВ. Колоссально много. Нам трудно говорить сейчас о точных цифрах. Но есть веские причины считать, что количество океанской руды исчисляется сотнями миллиардов тонн, а некоторые ученые называют даже такую цифру, как триллион. Конкреции не везде распространены одинаково. Есть целые россыпи, лежащие многими слоями, есть более редкие участки. Есть районы, где конкреции содержат очень много марганца, другие состоят из железных руд. Словом, еще много вопросов, связанных с конкрециями, требует изучения.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но уже теперь ясно, что железо-марганцевые конкреции — ценный подарок океана людям, не так ли?

П. Л. БЕЗРУКОВ. Несомненно. Запасы руды там превосходят наши сухопутные представления и масштабы во много раз. Что же касается трудностей, связанных с добычей руды на больших глубинах, то они вполне преодолимы. Уже в наши дни в некоторых странах проводятся эксперименты по созданию промышленных установок для подъема конкреций. Результаты этого самые обнадеживающие. Мне думается, что на фотографии № 1 мы видим будущее нашей металлургии. Считайте, что одна из тайн океана почти разгадана.

Итак, что изображено на фотографии № 1, ясно. А как быть со снимками №№ 2, 3, 4, 5? Что за звери оставили на океанском дне свои следы? Тут слово за биологами. Говорят старший научный сотрудник лаборатории бентоса кандидат биологических наук Н. Г. ВИНОГРАДОВА, заведующая лабораторией, доктор биологических наук З. А. ФИЛАТОВА и доктор биологических наук Г. М. БЕЛЯЕВ.

СЛЕДЫ НЕВИДАННЫХ ЗВЕРЕЙ

Н. Г. ВИНОГРАДОВА. Подводные фотографии показывают нам следы донных животных. О некоторых из них мы можем высказывать довольно-таки точные суждения, но есть следы, нам совершенно непонятные, и предположения наши об их «авторе» довольно туманные.

З. А. ФИЛАТОВА. Сейчас морская биология развивается самыми стремительными темпами. Судите сами. Каждый научно-исследовательский рейс в океан приносит ученым сведения о десятках новых видов морских животных, о которых раньше мы и понятия не имели! Вот, скажем, палеонтологи находили в древних осадочных породах остатки окаменевших морских обитателей, которые жили миллионы лет тому назад. Они были изучены, занесены в соответствующие каталоги, все вроде бы ясно. И вдруг сенсация: «ископаемое» животное, «вымершее» миллионы лет тому назад, оказывается, живет и здравствует в океане и в наши дни. Ничего подобного мы не встречаем на суше!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Чем же это объясняется?

З. А. ФИЛАТОВА. На протяжении сотен миллионов лет океан по своим физическим и химическим свойствам представлял гораздо более однородную среду, чем суша. И потому очень многие формы жизни дошли до наших дней из далеких геологических эпох. Вот, например, латимерии — крупные кистеперые рыбы. Мы знали их раньше как ископаемых, вымерших не менее 60 миллионов лет тому назад. А потом выловили их в океане живехонькими. В Тихом океане были обнаружены моноплакофоры — моллюски далекого силурийского периода. Да даже хорошо знакомые нам осетры и акулы не изменились по крайней мере за 50—100 миллионов лет!

Г. М. БЕЛЯЕВ. Ну, это об ископаемых, а ведь в океане бывают встречи и понеожиданнее. Все живое на планете подразделяется учеными на виды, роды, семейства, классы. И любое животное мы можем довольно легко отнести к одному из пятнадцати типов. Уже много лет существуют эти пятнадцать основных, главных подразделений жизни на земле. Казалось бы, уж тут ничего нового не предвидится. Но не так давно советскими учеными были впервые подробно исследованы и классифицированы странные морские червеобразные животные, у которых нет... ни рта, ни пищеварительного тракта! Погонофоры, так их назвали, относятся к новому, неизвестному ранее шестнадцатому типу. А во время рейсов одного лишь нашего «Витязя» были обнаружены и исследованы сотни и сотни совершенно новых, неизвестных науке видов животных.

Что для меня особенно ценно в снимках Зенкевича, так это то, что они помогают нам узнать новых, неизвестных ранее морских обитателей. Возьмите снимок № 2. На нем мы наконец-то увидели «автора» странных, спиралеобразных следов, которые долго волновали ученых. И, наконец, фотокамера «поймала» огромного червяка, размерами побольше руки. Вот он сам, своей собственной персоной! Чем не фантастика?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Итак, снимок № 2 тоже разгадан. А что вы скажете о фото № 3?

Г. М. БЕЛЯЕВ. Снимок № 3 обошел весь мир. На всех континентах океанологи ломали себе голову над вопросом: кто оставил этот «тракторный» след?

КОРРЕСПОНДЕНТ. И кто же?

Г. М. БЕЛЯЕВ. Могу сказать совершенно точно: никто вам на это не ответит!

КОРРЕСПОНДЕНТ. А в морских змеев, о которых столько легенд ходит среди моряков, вы верите?

З. А. ФИЛАТОВА. Нет, в морских змеев, драконов и прочих чудовищ не верим. Нечем им питаться на такой глубине.

Г. М. БЕЛЯЕВ. А я с вами не согласен, Зинаида Алексеевна. Ведь наши орудия лова в конце концов еще очень несовершенны, а эти глубоководные океанские гиганты должны быть ловкими и быстроходными. Возьмите старинные гравюры и легенды, в которых рассказывается о кракенах — гигантских кальмарах, которые нападают на корабли, увлекая их с собой в морские пучины. Долгое время считалось, что это тоже сказки. И лишь недавно были обнаружены чудовищные кальмары размерами в двадцать и более метров. А вы знаете, какой размер имеет личинка угря? Несколько миллиметров. Сам угорь достигает полутора-двух метров максимум. Так вот, совсем недавно ученые поймали в Атлантике личинку угря. Нормальную, ничем не отличающуюся от тысяч других ранее выловленных. Ничем, кроме размера. Ее длина была... девяносто сантиметров. Сравните масштабы и вообразите себе, какой может развиться из нее взрослый угорь? Двадцать или тридцать метров! Это ли не знаменитый «морской змей»?

В нашу беседу включается академик Леонид Максимович БРЕХОВСКИХ. Кстати, совсем недавно он сделал большой доклад в Президиуме Академии наук СССР о проблемах изучения и освоения океана, который был выслушан ведущими учеными страны с громадным интересом.

МИР БЕЗМОЛВИЯ ОБРЕТАЕТ ГОЛОС

Л. М. БРЕХОВСКИХ. Когда смотришь на такие фотографии, возникает чувство приподнятости. Ведь сделаны они на дне океана, в «черной бездне», в «мире безмолвия». Какие животные оставляли там свои отпечатки — загадка! Даже фотография конкреций остается не до конца разгаданной тайной. Безусловно, конкреции — огромное богатство, но как они образовались? Ученые спорят по этому поводу до сих пор. А сколько неожиданного в океане еще не удалось зафиксировать даже на фотографии! Например, со школьной скамьи известно о могучих реках океана: холодных и теплых течениях Гольфстрим, Северное и Южное пассатные течения, Куросио. Они обозначены стрелками на всех более или менее крупных картах, но лишь недавно люди узнали, что в глубинах океанов точно вдоль экватора текут удивительные «подводные реки» в «жидких берегах», реки шириной в сотни километров. И что еще более удивительно, они текут под поверхностными течениями и имеют обратное направление. Что их поддерживает в их жидких руслах, что питает? На этот счет существует... шесть теорий. А раз шесть, значит, ни одной верной.

Поскольку мы заговорили о течениях, то вот вам еще одна тайна океана. Два года назад я был участником крупного исследования, проводимого советскими научно-исследовательскими судами. Мы вышли в район Северного пассатного течения и полгода на огромном участке в сотни морских миль производили измерения. Скажите, как вы представляете себе океанское течение?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Как огромную реку в океане, текущую в определенном направлении с определенной скоростью, в определенных границах.

Л. М. БРЕХОВСКИХ. Верно. Но мы обнаружили совершенно иное явление. Замеряя скорость и направление Северного пассатного течения одновременно во многих точках, мы обнаружили, что по нему проносятся гигантские вихри, как бы циклоны в атмосфере размером во многие сотни километров. Изучение таких явлений важно для мореплавания. Кроме того, понимание природы океанских вихрей дает нам в руки ключ к разгадкам тайн общей циркуляции воды, переноса тепла, взаимодействия океана с атмосферой.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А каким образом возникают вихри? Какова их периодичность? Какова продолжительность их «жизни»?

Л. М. БРЕХОВСКИХ. На ваши вопросы ответ пока один: не знаем. Но — **пока** не знаем.

Теперь обратимся к другой области океанологии: акустике. Вы знаете по опыту купаний в реках

и в море, как плохо свет распространяется в воде — на метры, в лучшем случае на десятки метров. Радиоволны проходят в водной среде путь немногим больше. Зато акустические волны определенных диапазонов проходят, почти не затухая, десятки тысяч километров. Что это значит для науки, вы сможете понять из одного примера. Очень важно знать, как движутся частицы воды внутри морских течений. А каким образом выделить одну такую «эталонную» частицу, как проследить за ней в течение длительного периода времени? Думаете, невозможно? Возможно. Американские ученые создали оригинальный прибор с постоянно действующим источником звука. Его погружают на определенную глубину под поверхностью моря и пускают в океан по воле течения.

В течение шести месяцев гидролокационные станции, расположенные далеко друг от друга, следили за «эталонной частицей», нанося на карте весь ее сложный путь, все ее приключения в длительном плавании.

Акустические явления в океане связаны с одним из очень интересных и во многом загадочных явлений. Бывает, что на поверхности моря полный штиль, а в глубине в это же самое время высота подводных волн достигает десяти и больше метров.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Значит, бушует подводный шторм?

Л. М. БРЕХОВСКИХ. Да, но совсем не такой, как на поверхности. Этот «подводный шторм» происходит, как в замедленной киносъемке. Если его можно было бы наблюдать, то мы увидели бы, как огромные валы медленно, величаво вздымаются на высоту трех-четырехэтажного дома и сменяют друг друга бесконечной чередой. Мы, разумеется, этого не видим, а звук «видит» и рассказывает нам об этом с помощью приборов.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Никто ничего не сказал о фотографии № 6. Ее сделал Н. Л. Зенкевич в Атлантическом океане, в районе островов Зеленого Мыса. По преданию, именно этот район наиболее «подозрителен» в смысле нахождения легендарной Атлантиды. На снимке, сделанном на глубине около трех километров, ясно видно какое-то непонятное образование, которое напоминает кладку слоистым камнем.

П. Л. БЕЗРУКОВ. Во время наших многолетних исследований мы ни разу не встретили в открытом океане на дне следы былых цивилизаций. Я не говорю о прибрежных исследованиях. Тут есть множество следов затопленных городов, крепостей, портов. Что же касается километровых глубин, то, допуская наличие на месте океана в отдаленные времена суши, мы тем не менее не имеем никаких доказательств существования этой суши в исторические времена.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но ведь это не значит, что наука полностью отвергает наличие на дне океанов следов погибших цивилизаций?

Л. М. БРЕХОВСКИХ. Нет. Современная наука не станет полностью отвергать такую возможность. Однако надо считаться с реальными результатами исследований. А эти результаты пока отрицательны.

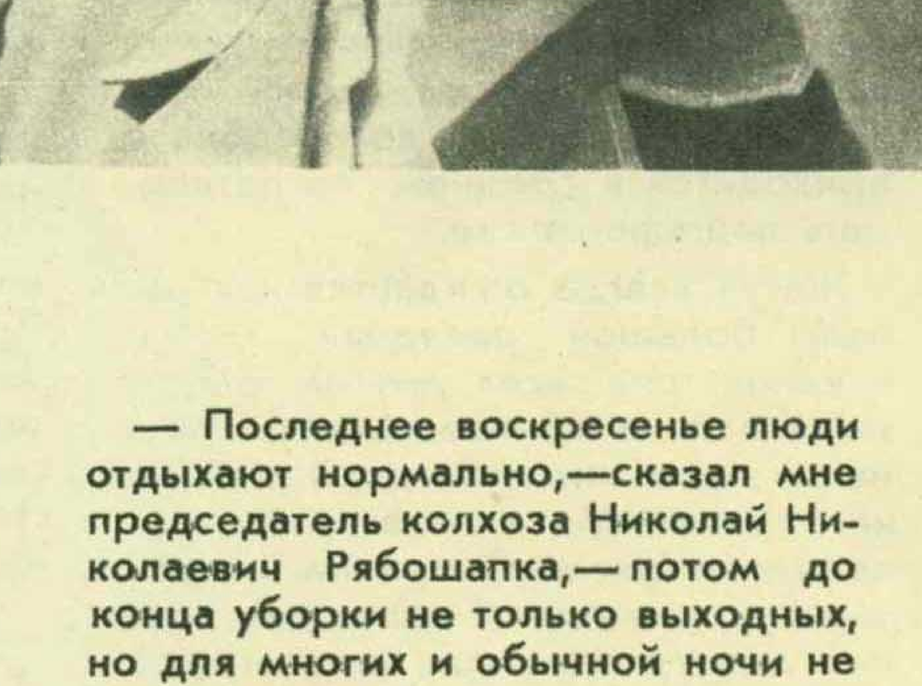
Еще одна загадка, волнующая человечество в течение столетий. Сколько их, тайн океана, предстоит ученым еще раскрыть...

Беседу вел М. БАРИНОВ

ХЛЕБО

Председатель колхоза Н. Н. Рябошапка и главный агроном И. А. Давыденко.

Станислав **КАЛИНИЧЕВ**

Фото **А. БОЧИНИНА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

РОБЫ

Они пришли сюда, как командиры перед боем, чтобы еще раз взглянуть на место предстоящего сражения. Постояли, помолчали. И в эти минуты, как мне показалось, они думали не о трудностях предстоящей уборки, а о том, что нет в мире хлебороба, который не пришел бы в восторг при виде такого поля. Шестьсот гектаров ровной, как стол, степи и тяжелые волны вызревающих колосьев...

Олег Чебаненко, Борис Александров, Алексей Воробьев и другие комбайнеры колхоза имени Кирова — народ бывалый. В прошлом году они намолачивали по двадцать пять центнеров пшеницы с гектара. Но сейчас перед таким полем каждый чувствовал себя счастливцем: наконец-то сбудется мечта многих лет.

Володя Матишак подошел к стене плотно прижатых друг к другу растений, сорвал несколько колосьев и стал считать:

— Шестьдесят! Семьдесят! Восемьдесят четыре!..

Алексей Воробьев подсчитал стебли в хлебном кусте: «Пятнадцать!»

— А какой колос набитый!.. Натоптанный...

— Придется жертвовать соломой,— сказал Володя Матишак.— Стебель почти полутораметровый. И плотность большая. Придется аползахвата брать и скашивать повыше от земли...

— Да и две машины за одним комбайном вряд ли успеют зерно вывозить. Пожалуй, через каждые триста метров бункер будет наполняться.

— Да,— подытожил бригадир тракторной бригады Владимир Басок,— в среднем, наверное, центнеров по сорок пять с гектара возьмем.— Помолчал и добавил: — Если ничего не случится.

Меня удивила эта подчеркнутая осторожность. Завтра в пшеницу войдут комбайны, хлеб уже выращен, созрел, что может случиться?

— Урожай в закромах считают,— покачал головой Алексей Евграфьевич Воробьев.— В прошлом году я намолачивал на одном участке до тридцати центнеров с гектара. А потом врезал дождь с градом. После него намолот наполовину уменьшился.

В Щербани — село, известное не только на Николаевщине, но и на всем юге Украины,— я приехал в самый канун жатвы.

— Последнее воскресенье люди отдыхают нормально,—сказал мне председатель колхоза Николай Николаевич Рябошапка,— потом до конца уборки не только выходных, но для многих и обычной ночи не предвидится.

Наша «Волга» ныряла меж волн хлебного моря по узким дорожкам, зажатым высокой пшеницей. Николай Николаевич проговорил:

— За последние годы мы втрое увеличили свои доходы, в два с половиной раза подняли производительность труда колхозников. И все-таки не это главное. По-моему, главное — научить человека любить землю, уважать свой труд. Остальное, как говорят, приложится. Например, если по-настоящему любить и уважать нашу землю, то собирать на ней меньше, чем по тридцать центнеров пшеницы с гектара, нельзя. Я уверен, что через несколько лет урожай в шестьдесят центнеров не будет диковинкой. Мы к этому вплотную подходим. А будет у нас — будет и у людей!

Последнюю фразу председатель произнес не случайно. Колхоз имени Кирова, хозяйство высокой культуры земледелия, уже несколько лет специализируется на выращивании семян. Урожай на их полях всегда весомее вдвойне, чем у соседей. Вся пшеница — до зернышка — идет на семена.

...Навстречу нам не раз попадались тракторы, тянущие тяжело груженные прицепы.

— Вам повезло,— заметил Рябошапка,— можете увидеть начало и конец борьбы за урожай. В короткое затишье перед жатвой тракторы свободны. Вот они и тягают навоз на поля под урожай будущего года. На каждый гектар вносим по тридцать, сорок тонн органических удобрений!

Об этом же у меня был обстоятельный разговор с главным агрономом Иваном Алексеевичем Давыденко. По характеру он прямая противоположность председателю. Тот импульсивный, в своем увлечении работой вспоминает о необходимости позавтракать уже часов в девять вечера, хотя сам на ногах с пяти утра. Давыденко, наоборот, спокоен, сосредоточен. О зерне может рассказывать, как о живом человеке.

— Пшеница у нас в зиму крепкой пошла, упитанной... Мы ее с осени хорошо подкармливали.

Правда, мягкая долгая осень позволила и сорнякам разгуляться. Пришлось зябь перепахать. А хлеба весной обработали гербицидами. Четырнадцатого марта — помните? — снег такой мокрый валил. Унес азот из верхнего слоя, а корешок-то еще коротенький. Пришлось внекорневую подкормку давать по полтора центнера азотных удобрений на гектар...

Неспециалисту трудно понять, какой колоссальный труд за каждым из агромероприятий. Речь идет о тысячах гектаров земли. Еще несколько лет назад такое было бы физически невозможно. Но сейчас в колхозе около сотни своих тракторов, в том числе и новенькие «К-700» и «Т-150», три десятка различных комбайнов, сотня автомобилей, прорва другой техники. На каждого трудоспособного приходится в среднем по пятнадцать лошадиных сил.

Жатва всегда ожидается как самый большой праздник. Но и труднее она всех других работ, несмотря на обилие техники. Начнешь косить на пять дней раньше наилучшего срока — потеряешь до полутора центнеров зерна на гектаре. А начнешь обмолот дней десять спустя — потери возрастут до двух центнеров на гектаре.

Долог последний день перед жатвой. Но и он прошел. В шесть часов утра специалисты и бригадиры собрались на оперативку.

— Все готово? — спрашивает у главного агронома председатель.

— Да, участки наибольшей спелости определены в каждом отделении. Подготовительные прокосы сделаны, — отвечает Иван Алексеевич Давыденко.

— Начинать!

И загрохотали комбайны, выходя на поля озимого ячменя. Все зерновые убираются раздельно. В первые дни уборки комбайнеры только косят, косят, косят хлеб, укладывая валки на жесткую щетину стерни. Но вот первые валки просохли — и дохнула жаром жатва!

...Алексей Евграфьевич Воробьев ни на минуту не присядет за штурвалом своего комбайна. Стоит во весь рост. Время от времени заглядывает в открытый люк бункера, где оседает зерно. Измельченная солома упругой струей летит в закрытый прицеп. Тракторист оставил пустой прицеп для соломы, забрал наполненный и потащил к скирде. А к комбайну уже подошел грузовик. Мощными толчками высыпается по рукаву зерно. Горой растет в кузове. Шофер Иван Голубович не удержался, подставил руки под живой поток хлеба. Не успел Иван вырулить на дорогу, как на поле снова появился трактор с пустым прицепом для соломы, а вдали уже пылила другая машина, готовая стать под полный бункер... На беседу с комбайнером в ближайшие часы не следовало рассчитывать. Но мы все-таки поговорили — утром, около семи часов.

— Самый свободный час на жатве, — говорит Алексей Евграфьевич, — спать поздно, а работать рано: роса на валках.

Я посмотрел на его загоревшее лицо, обнаженные темно-коричневые руки. Тяжело?

— Не знаю, — улыбнулся он, — об этом не думаю. Я бы не уходил с комбайна от росы до росы. Жадность такая, что ли?.. А вот молодые не выдерживают. Первые дня три наравне со мной работали, а потом отстали. Еще часов десять-одиннадцать вечера, а они уже в бригаду спешат. Когда шоферы и тракторист с тобой заодно, можно до четырех часов утра работать. До росы! Мы в прошлом году так и работали. На тракторе был мой старший сын, Георгий. У меня их, сыновей, семеро. И шоферы подобрались. Вот мы и веселились от росы до росы...

К семенному зерну особые требования. Оно и ценится вдвое-втрое выше обычного. Бывало, зерно лучших семенных кондиций первой и второй репродукций приходилось сдавать как товарное: в горячую пору уборки уполномоченные торопили, и не успевали колхозники его провеять, очистить, отсортировать — довести до ума. Тогда колхозные специалисты сами спроектировали для сортировки семян поточную линию производительностью десять тонн в час. Процесс непрерывной обработки зернового потока! Управляют поточной линией всего два человека: слесарь-наладчик и электрик. И сразу же доходы от продажи зерна возросли...

В штаб уборки стали поступать первые цифры: «Озимый ячмень в третьей бригаде дает по тридцать восемь центнеров». А через два дня: «Озимая пшеница «одесская-51» дает по сорок центнеров». Еще через день: «Кавказ» на одном из полей дал около пятидесяти центнеров с гектара».

Все ждали, что покажет «прибой». Это новый прекрасный сорт сильной пшеницы. У него содержание клейковины вдвое выше, чем у «Кавказа». И давать он должен центнеров на шесть побольше... И вот лучший комбайнер колхоза, который не раз завоевывал первые места в областном соревновании, Владимир Матишак завел свой новенький «Колос» в пшеницу, какой еще не бывало. С Владимиром я познакомился в канун жатвы заочно: управляющий первым отделением Арсений Дмитриевич Шевченко рассказал, что дай Матишаку любую машину, он ее освоит, хоть никогда раньше и не видел.

У Владимира далеко не богатырская фигура. Кепочка замасленная, с обвисшим козырьком, редкозубая ребячья улыбка. Мы говорили долго и обо всем — о работе, о жизни... Жарища стояла — лопухи обвисали тряпками. А Володя глянул в небо из-под кепочки и сказал: «Хорошо! Погода для жатвы...»

И вот Владимир Матишак врезался в стену «прибоя».

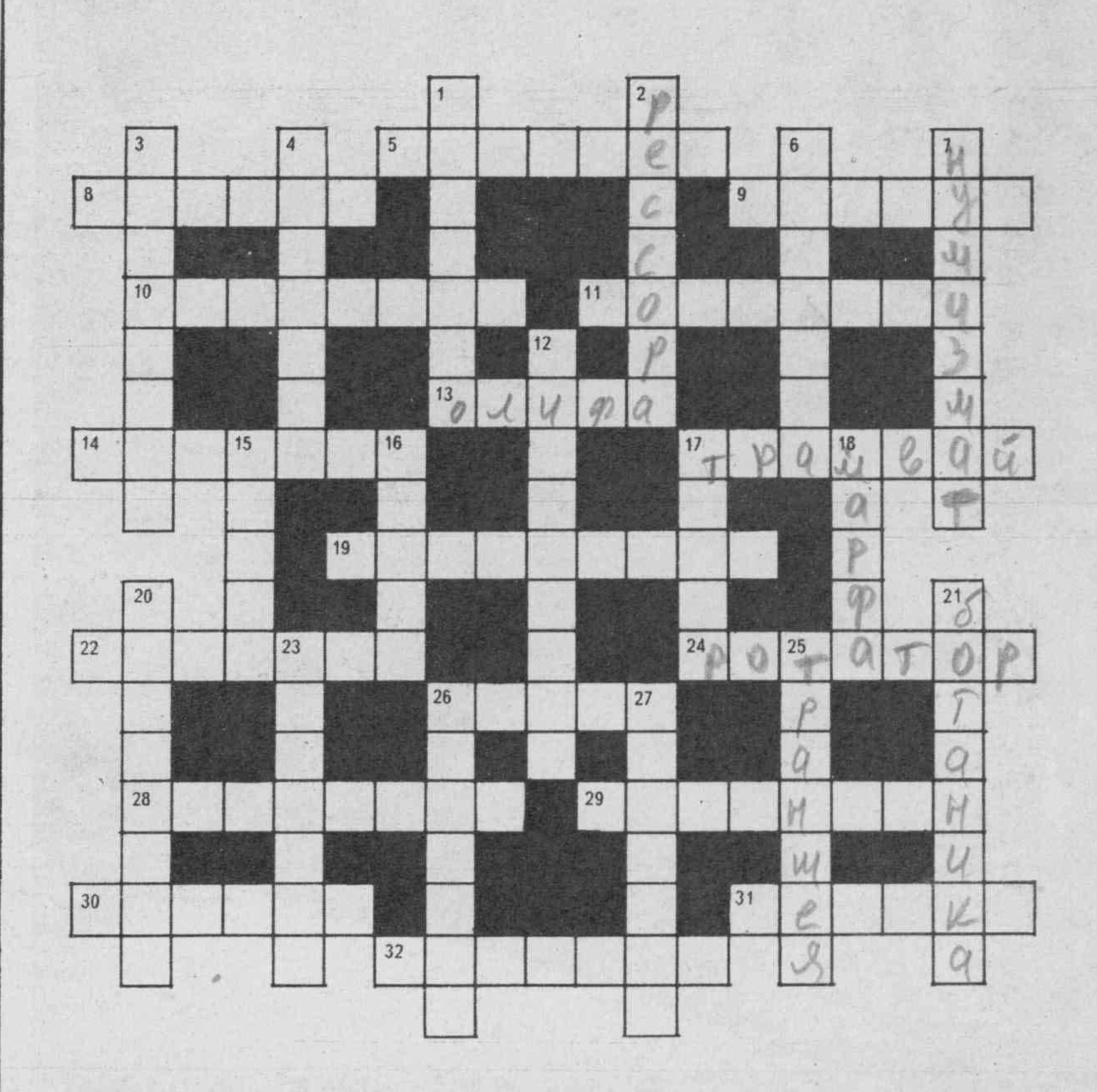
— Сколько дает? — спросил в тот же вечер председатель.

— По первому дню не судить... Мы только гектаров десять обмолотили, — ответил комбайнер.

— Сколько же с гектара?

— Около шестидесяти центнеров пока...

Инициаторы Всесоюзного соревнования хлеборобов — украинские механизаторы — свято следуют своему девизу: ни колоса в поле, ни зерна в соломе! Жестки сроки жатвы. Далеко за полночь грохочут комбайны Алексея Воробьева, Николая Хайло, Александра Батюка, Александра Молдаванова, их товарищей из колхоза имени Кирова. Одна жалоба: «Моторам тяжело...» Это сказал Владимир Матишак.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Живописец, народный художник СССР. 8. Советский физиолог. 9. Древовидный тропический и субтропический злак. 10. Областной центр в РСФСР. 11. Итальянский комедиограф XVIII века. 13. Масло, применяемое для производства красок, лаков. 14. Ансамбль из шести музыкантов. 17. Городской транспорт. 19. Курорт в Краснодарском крае. 22. Древнегреческий историк. 24. Аппарат для размножения рукописей, схем. 26. Стихотворение В. Маяковского. 28. Цитрусовое дерево. 29. Французский баснописец. 30. Месяц года. 31. Список, указатель, перечень. 32. Непряденая нить.

По вертикали: 1. Роман Флобера. 2. Амортизатор автомобиля, вагона. 3. Порт в Канаде. 4. Жанр изобразительного искусства. 6. Морская рыба. 7. Коллекционер старинных монет и медалей. 12. Комедия Мольера. 15. Движитель ракет и реактивных самолетов. 16. Река в Англии. 17. Сельскохозяйственная машина. 18. Действующее лицо оперы М. П. Мусоргского «Хованщина». 20. Пластинка для игры на щипковом инструменте. 21. Наука о растениях. 23. Грузинский народный танец. 25. Узкая глубокая долина. 26. Сатирический отдел в журнале «Современник». 27. Металл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 28

По горизонтали: 7. «Кирджали». 8. Оригинал. 10. Фуко. 11. «Айвенго». 12. Адда. 13. Широта. 15. Оксана. 17. Кросс. 19. Азербайджан. 21. Кулик. 23. Орлова. 25. Статуя. 26. Морс. 28. Реостат. 29. Овен. 30. Бериллий. 31. Одеколон.

По вертикали: 1. Микулин. 2. Ядро. 3. Цадаса. 4. Кимоно. 5. Нива. 6. Гардина. 9. Петропавловск. 14. Онтарио. 16. Спиноза. 17. Курок. 18. Судак. 20. Ортопед. 22. «Бурелом». 24. Апрель. 25. Сеттер. 27. Скиф. 29. «Обоз».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В. Маяковский на выставке «20 лет работы». 1930 г.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: вверху — В. Маяковский на встрече с украинскими писателями в Госиздате. 1929 г. В. Маяковский в Нью-Йорке. 1925 г. Внизу: В. Маяковский в Мексике. 1925 г. В. Маяковский читает поэму «Хорошо!» в Политехническом музее. 1927 г.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Е. ПУЗАНОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 25/VI-73 г. А 00753. Подп. к печ. 10/VII-73 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1648. Тираж 2 150 000 экз. Заказ № 789.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

6 июля в Москве, на Кутузовском проспекте, у Бородинской панорамы, невдалеке от Триумфальной арки, состоялось открытие памятника великому полководцу М. И. Кутузову. На гранитном постаменте начертаны слова: «Михаилу Илларионовичу Кутузову, славным сынам русского народа, одержавшим победу в Отечественной войне 1812 года». Авторы памятника — народный художник СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии Н. В. Томский и архитектор Л. Г. Голубовский.

Фото А. Бочинина.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663

